
Луиджи Лонго -
Карло Салинари

МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ

Воспоминания
и размышления
о первых годах
деятельности
ИКП

9(М)71

Л76

Сокращенный
перевод с итальянского
А. ВЕСЕЛИЦКОГО

Под общей редакцией

С. И. ДОРОФЕЕВА

- Лонго Л. и Салинари К.**
Л76 Между реакцией и революцией. Воспоминания
и размышления о первых годах деятельности ИКП.
Сокр. пер. с итал. А. Веселицкого. Под. общ. ред.
Дорофеева С. И. М., Политиздат, 1974.

303 с. с ил.

Книга воспоминаний видного деятеля итальянского и международного рабочего движения Председателя Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго посвящена одному из наиболее сложных периодов в истории ИКП — от ее основания (1921 г.) до Лионского съезда (1926 г.).

Глубокий марксистско-ленинский анализ рассматриваемых событий Л. Лонго дает в тесной связи с современностью, что делает книгу интересной для широких кругов читателей.

Л $\frac{10302-153}{079(02)-74}$ 266-74

9(М)71

Edizioni del Calendario, 1972
Перевод на русский язык

© ПОЛИТИЗДАТ, 1974 г.

Luigi Longo-
Carlo Salinari

TRA REAZIONE E
RIVOLUZIONE

Ricordi e riflessioni sui
primi anni di vita del
PCI

Edizioni del Calendario
Milano - 1972

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Когда Политиздат, публикующий эту книгу воспоминаний и размышлений, подготовленных мною с помощью друга и товарища Карло Салинари, обратился ко мне с просьбой дать разрешение на ее перевод, я спросил себя: какой интерес могут представить для советского читателя воспоминания о столь далеких годах, написанные деятелем коммунистической партии другой страны? В них, правда, рассматривается сложный процесс рождения и становления нашей партии, пятьдесят лет существования которой — это богатая, героическая история. Это история нелегальной борьбы партии в период жесточайшей фашистской диктатуры. Это история партии, которая во время великой битвы против нацизма сумела повести массы на национальное восстание, в результате которого Италия была освобождена от фашистского позора и иноземной оккупации.

В сегодняшней Италии, созданной благодаря этой борьбе, ИКП стала одной из самых мощных коммунистических партий капиталистических стран. В конкретных исторических условиях наша партия, используя самобытные формы и методы, ведет борьбу за создание и в Италии нового общества.

Когда я размышлял обо всем этом, мне даже казалось, что сейчас, столько лет спустя после описанных в книге событий, в совершенно иной обстановке мое согла-

сие на перевод книги может быть даже воспринято как проявление самомнения. И все же в конце концов я пришел к выводу, что эти мои воспоминания и размышления над событиями сложного и очень важного периода в истории революционного движения, несмотря на их ограниченный лишь событиями Италии характер, могут представить определенный интерес.

Это были годы, последовавшие непосредственно за окончанием первой мировой войны и победой в России Великой Октябрьской революции, осуществленной под руководством Ленина и партии большевиков. Именно в тот период в Италии со всей очевидностью проявилась небывалая острота проблем, противоречий, развернувшихся битв. И для советского читателя, который пожелает прочувствовать атмосферу тех лет, понять проблемы и значение борьбы столь далекого времени, чтение этих воспоминаний сегодня может представить интерес.

В тот период стояла задача поднять трудящиеся массы Европы и всего мира на революционную борьбу по примеру Советской России. Это не было надеждой только советских руководителей, и прежде всего Ленина. К этому стремились, этого страстно желали народы земли, руководители революционных движений в странах, для которых война была тяжелейшим и жесточайшим испытанием.

«Сделать, как в России!», повсеместно добиться для рабочих более достойного места в государстве путем утверждения справедливого и свободного общества, способного обеспечить народам широкие возможности прогресса и мира,— таковы были самые сокровенные чаяния всех тех, кто размышлял над жестокими испытаниями войны и кто видел в Октябрьской революции свою путеводную звезду.

К сожалению, революционная воля, надежды, стремления, возникшие непосредственно в послевоенный период под влиянием русского опыта, вскоре были развея-

ны. Это произошло, во-первых, в результате контрреволюционной деятельности реформистских и мелкобуржуазных течений, захвативших руководство в наиболее важных массовых демократических организациях многих стран. Этому содействовали также кровавое подавление и уничтожение всех гражданских прав и всех форм демократической жизни со стороны наиболее откровенных сил империалистической реакции, действовавших с необычайной жестокостью, не останавливаясь ни перед чем.

Кровавые репрессии начались как раз в Италии в тот период, о котором идет речь в наших воспоминаниях, а затем распространились в различных формах и в различной степени на многие капиталистические страны.

Самых крайних, бесчеловечных, диктаторских форм эти репрессии достигли в Германии с приходом к власти нацизма. Разгул нацистского режима повлиял на всю международную обстановку, на отношения между государствами и в конце концов привел ко второй мировой войне, развязанной гитлеровской Германией. Лишь благодаря героизму и жертвам Красной Армии и всех свободолюбивых народов война закончилась полным поражением и уничтожением нацизма и фашизма и возникновением в различных частях земли новых социалистических и демократических государств.

Таким образом, события непосредственно послевоенного периода, столь связанные с битвами за победу социализма, за его утверждение в качестве мировой системы, и сегодня могут в некотором смысле помочь лучше понять последующее развитие борьбы. Ныне эта борьба продолжается в конкретных условиях каждой страны, в конкретной международной обстановке. Ее цель — завоевание человечеством новой системы жизни, новых политических и общественных отношений, при которых уважались бы права всех трудящихся, всех граждан на жизнь и свободу, обеспечивалась бы национальная независимость всех народов.

Мои воспоминания, таким образом, начинаются в далекий от сегодняшних дней период. Это — воспоминания молодого человека, студента, который вынужден бросить учебу на пороге своего двадцатилетия. Причина этого — последние вспышки продолжавшейся войны, давшей ему первый политический опыт, благодаря которому он затем вступает в политическую борьбу, все более разгоравшуюся под воздействием русского опыта и призыва Коммунистического Интернационала создать новое общество — общество справедливости, мира и прогресса для всех народов.

Это, как увидит читатель, жизнь юноши, чье социальное происхождение (сын крестьян, мелких землевладельцев), семейное окружение отнюдь не создавали условий для участия в политической борьбе в рядах революционеров. В самом деле, его родители считали, что он будет государственным служащим. И поэтому, когда материальное положение семьи улучшилось, они мечтали о том, что их сын станет инженером.

Однако события тех лет привели его на путь революционера. Именно опыт войны и последовавших за ней лет, жизненный опыт, приобретенный в городе передового пролетариата, каким был Турин, живой контакт с рабочими крупных предприятий, с их тяжелыми условиями жизни и труда, школа великих битв за труд и мир заставили молодого студента из крестьянской семьи покинуть путь, предписанный ему его социальным происхождением и семейной психологией, позволили обрести политическое сознание, принять социалистические идеи, а позднее — в трудах классиков марксизма, в произведениях Ленина, которые в то время начали появляться в Италии, — найти ясный ответ на волнующие его проблемы достижения справедливости.

Возможно, тому, кто живет в социалистическом обществе, кто дышит, образно говоря, воздухом социализма каждый день и каждый час своей общественной и куль-

турной жизни, будет нелегко понять мучительный путь, пройденный нами к идее социализма в совершенно иной обстановке. Мы жили в совершенно иных общественно-политических условиях, при которых все создано и поставлено на службу одной цели — сохранению эксплуатации трудящихся, их подчинению буржуазной власти. Верно, конечно, что к пониманию необходимости борьбы с этими консервативными тенденциями приводят, с одной стороны, невыносимые условия жизни и труда, в которых живет при капитализме подавляющее большинство людей. С другой стороны, к этому массы подводит понимание целей правящих кругов, стремящихся к сохранению самых гнусных общественных привилегий и власти своего класса, в интересах которого систематически дискредитируются и подавляются все прогрессивные идеи, идеи социализма.

И сколько раз мы в ходе искусственно созданных нашим противником политических и идеологических дискуссий наблюдали всяческие увертки, гнусную социальную демагогию, которая была направлена на извращение, искажение реальной действительности, на то, чтобы еще более затруднить массам понимание истинного смысла столкновения интересов. Чаще всего целью таких дискуссий был раскол истинно рабочих и народных сил, с тем чтобы представить их разобщенными перед лицом сил консерватизма и реакции, всегда единых в защите своей власти и своих привилегий.

Период, о котором идет речь в этой книге, охватывает именно те годы, когда в различных течениях рабочего и демократического движения Италии шла острейшая дискуссия по вопросу об ответственности за то, что непосредственно после войны крупные битвы пролетарских масс, которые потрясли Италию и привели в 1920 году к захвату предприятий, не вылились в мощное движение за революционное завоевание власти. Революционное движение рабочего класса носило очень широкий, боевой

и массовый характер. Однако оно было непрочным в своей основе, поскольку не имело боевой революционной партии.

На необходимость создания такой партии, способной повести рабочие и народные массы на завоевание власти, указали всем народам Октябрьская революция и лично Ленин. Именно поэтому сразу же после войны вся дискуссия, вся политическая борьба сосредоточивается вокруг этой проблемы. Особенно это проявилось в Италии, где разрыв между революционными настроениями масс и способностью их лидеров к руководству в борьбе за захват власти был значительнее, чем в других странах. Именно это привело революционные выступления послевоенного периода к поражению.

Развитием и логическим следствием этих дискуссий стало рождение Компартии Италии, созданной на основе коммунистической фракции старой социалистической партии на съезде ИСП в Ливорно в 1921 году.

Позднее много раз возникали споры по поводу этого раскола в ИСП и создания коммунистической партии, происшедшего под влиянием опыта и идейно-политического воздействия Октябрьской революции. Этим актом мы стремились взять на вооружение опыт большевистской партии и ленинское учение для создания революционного авангарда рабочего класса Италии. Воспоминания и размышления, собранные в книге, как раз и ставят своей целью показать, что раскол в Ливорно, осуществленный пусть и с опозданием, пусть и с ошибками и неуверенностью, был все же исторически оправданным. Спросим себя, каким образом мы смогли бы вести борьбу против фашизма в долгий период его жесточайшей диктатуры, не будь у нас коммунистической партии, дисциплинированной и единой, до конца преданной делу социализма?

Именно в эти долгие годы героической борьбы Итальянская коммунистическая партия, которую вел Грамши,

а затем Тольятти, глубоко усваивает ленинское учение и осуществляет переход от левацкой революционности на словах и сектанства, свойственных ей в период бордигианского руководства, к все более глубокому изучению конкретной обстановки, к выявлению движущих сил итальянской революции и разработке ее практических целей.

Благодаря этому в тот момент, когда фашистская реакция считает, что ей удалось навсегда исключить ИКП из политической жизни, наша партия на Лионском съезде (1926 г.) разрабатывает под руководством Грамши и Тольятти правильную политическую линию в плане теоретической разработки и конкретной борьбы, направленной на достижение единства между всеми антифашистскими и патриотическими силами. Именно это единство действий позволит партии позднее, в период антинацистской войны, организовать вооруженное сопротивление фашизму и нацистской оккупации. В этой борьбе ИКП разработала план освобождения и в апреле 1945 года повела итальянский народ на национальное восстание.

Знакомство с описанными в книге сложными событиями, через которые мы подходим к победе антифашистского и антинацистского восстания в Италии, может помочь новым поколениям лучше понять многие аспекты нашей сегодняшней политической борьбы, проблемы революционной стратегии и тактики, которые мы ныне решаем в конкретных внутренних и международных условиях.

На первый план во всех событиях описанного периода выступает ведущая роль рожденного Октябрьской революцией социалистического государства в развитии мирового революционного процесса. Эта роль объясняется влиянием примера Страны Советов, ее политики, вклада ее руководителей в разработку международным революционным движением проблем утверждения ленинского учения, создания революционного авангарда, политиче-

ского, идеологического и морального воспитания его кадров, борьбы против всех опасностей сектантского экстремизма.

Я думаю, что советский читатель, интересующийся прошлым своей страны, должен испытывать за него законную гордость. И воспоминания очевидца событий тех далеких лет дадут ему новое доказательство того, с какой искренней симпатией, с каким огромным чувством солидарности следили все народы за великой борьбой, потребовавшей столько жертв его дедов. Они защищали Октябрьскую революцию против всех контрреволюционных выступлений, открывая новым поколениям путь к построению социализма, к созданию нового общественно-политического и экономического устройства. Они создавали славную историю, и сегодня могут в полной мере оценить величие достигнутых результатов, которые превратили Советскую страну в крупнейшую державу планеты с самым передовым политическим и общественным строем, являющуюся гарантией мира, общественного и гражданского прогресса для всех народов.

Издание этой книги на русском языке может, на мой взгляд, дать советскому читателю еще одно доказательство той ведущей роли, которую его великая страна играла в годы фашизма и войны и которую она и ныне играет в борьбе за мир во всем мире. Международное рабочее, коммунистическое и национально-освободительное движение планеты имеют огромный неоплатный долг перед Октябрьской революцией и первой в мире страной социализма. Мощь, достигнутая нами, наше постоянное продвижение вперед не были бы возможны без влияния, престижа политики мира и международной солидарности, постоянно проводимой Советским Союзом.

Если эту книгу советский читатель воспримет как новое свидетельство нашей признательности и уважения к Стране Советов, ее публикацию на русском языке можно будет считать оправданной.

Луиджи Лонго

ПОЧТИ ВСТУПЛЕНИЕ

Вот как родилась эта книга воспоминаний и размышлений. Немногим более года назад¹ ко мне пришли товарищи Карло Салинари и Никола Тети, соответственно директор и издатель «Народного календаря»² с предложением написать что-то для их журнала. Мы обменялись обычными в таких случаях общими фразами, я вспомнил кое-что, объяснил кое-какие факты прошлого.

А затем вдруг Салинари говорит:

— Почему ты не напишешь воспоминания?

— Да что ты! На это у меня нет ни времени, ни желания. Не имея ни личных архивов, ни дневников, я был бы вынужден проделать огромную работу — поиски материалов, сопоставление фактов, — что меня отнюдь не вдохновляет.

— Но именно сейчас ты рассказывал нам столько интересного о своей жизни, что, если эти воспоминания сложить вместе, они бы представляли огромный интерес, особенно для молодежи, столь мало знающей прошлое. Ты рассказывал о прожитом и увиденном с массой деталей, очень точно и живо. И мне не верится, что написать книгу воспоминаний тебе действительно будет очень сложно.

— Но какой интерес может представить мой рассказ, в котором размышления над событиями прошлого и

настоящего перемежаются разными смешными историями?

— Нет-нет, дорогой Лонго. На протяжении более пятидесяти лет ты был свидетелем и участником всех важнейших событий истории итальянского и международного коммунистического и рабочего движения. Ты был лично знаком с виднейшими руководителями коммунистического движения. Ты всегда был на руководящих постах в ходе вооруженной борьбы против фашизма, от первых групп коммунистических действий до войны в Испании, до движения Сопротивления. После освобождения Италии ты постоянно находился во главе партии, вначале — в качестве ближайшего сотрудника Тольятти³, а затем — как Генеральный секретарь ИКП.

— Все это так. Однако моя личная деятельность не может иметь значения, если ее рассматривать вне рамок тех ситуаций и тех проблем, которые на различных этапах характеризовали развитие революционной борьбы в Италии и в мире. Для того, чтобы уточнить те или иные данные, мне пришлось бы просматривать документы, проверять даты, позиции — словом, делать то, что мне не по душе.

— Это ясно. Однако ты мог бы использовать в этих целях научные исследования, художественные произведения, различные документы, которые старательно и честно уже написаны другими. К примеру, та же «История Итальянской коммунистической партии», написанная Сприано⁴, может послужить основой для необходимых уточнений и проверок, а кроме того, и стимулом для воспоминаний и размышлений.

В тот день мы не достигли никакого согласия. Салинари продолжал настаивать, приводя все новые доводы в пользу того, чтобы я написал книгу воспоминаний. Я же в свою очередь продолжал отказываться.

Однажды в сентябре, когда мы сидели в беседке моего дома, Салинари вновь вернулся к разговору о моих воспоминаниях.

— Знаешь,— сказал он мне,— а я уже придумал великолепное название: «Диалоги в беседке».

Речь шла, попросту говоря, о диалогах между мной и Салинари — диалогах, аналогичных тем, которые мне часто приходится вести с товарищами по партии, особенно с молодыми, когда они интересуются тем или иным фактом, просят разъяснить то или иное событие. А я еще раньше говорил Салинари о том, что если он хочет получить мои воспоминания, то должен принять участие в написании книги.

— С огромным удовольствием,— ответил мне он тогда.— Я буду «провоцировать» тебя, заставляя отвечать на вопросы, по которым или нет полной ясности, или имеются сомнения не только у меня, но и у всех тех, кто размышляет над сложной и многообразной историей нашей партии. Я принадлежу к одному поколению, ты — к другому. Мы с тобой вышли из разных социальных слоев. По-разному шло формирование наших личностей. Когда ты уже делал первые шаги в политике, я только-только появился на свет; когда за твоими плечами был уже богатый опыт войны в Испании, вскоре после которой ты стал руководителем итальянского Сопротивления, я еще только выбирал свой путь в жизни. И сейчас, когда я участвую в политической жизни лишь немногим более четверти века, ты накопил богатый опыт более чем пятидесятилетней борьбы. Ты и сейчас постоянно находишься в самой ее гуще. Я преподаю в университете, поддерживаю каждодневные контакты с новыми поколениями, которые, так же как и я когда-то, ищут свое место в жизни, мучаются сомнениями, размышляя над проблемами, которые я и хотел бы поставить в наших диалогах.

Предложение начинало заинтересовывать меня. Возможность сопоставить мой опыт, мои раздумья с проблемами новых поколений казалась все более привлекательной. Задача изложить, пусть и схематично, собственные воспоминания о деятельности партии внутри рабочего

класса и в массах в целом уже не казалась мне настолько сложной и мучительной, чтобы отказаться от предложения.

Однако я все еще отказывался, желая глубже поразмыслить над этим вопросом. Но Салинари продолжал настаивать. И, наконец, мы договорились.

Первоначально мы хотели сделать нечто краткое, сжатое, динамичное. Однако, как это всегда бывает, по ходу дела работа все более удлинялась и усложнялась, как потому, что отвлекали другие дела, так и потому, что замысел все более расширялся.

Эта книга воспоминаний посвящена первым годам жизни Итальянской коммунистической партии. Эти годы, впрочем, охватывают самый сложный период ее формирования, в ходе которого возникли проблемы, и до настоящего времени остающиеся в центре дискуссий и полемики. Мы надеемся, что в дальнейших наших диалогах нам удастся быть более краткими.

Луиджи Лонго

ГЛАВА I
ЛУИДЖИ ЛОНГО
СТАНОВИТСЯ СОЦИАЛИСТОМ

От Фубине до Турина

— Итак, с чего же мы начнем наши диалоги о пятидесяти годах моей деятельности коммуниста?

— *Если можно, я хотел бы начать их с одного моего воспоминания, касающегося лично тебя.*

Дело было в 1957 году, когда я вместе с тобой поехал в Югославию в составе делегации нашей партии, которая после многих лет официально возобновила контакты с югославскими товарищами. Во время долгих бесед тех дней ты часто повторял, что коммунистом можно стать случайно, однако оставаться в партии случайно нельзя. Эти слова поразили меня. Ведь шел 1957 год. И именно в те недели мы имели возможность проверить на событиях в Венгрии, сколько случайных коммунистов было в нашей партии.

Однако твои слова поразили меня, прежде всего, по другой причине. Мне показалось, что они отражали в какой-то степени и твой собственный опыт.

— Если ты хочешь сказать, что мой приход в социалистическое движение был случайным, я вынужден разочаровать тебя. Нет-нет, даже размышляя об этом сейчас, так сказать, на трезвую голову, я должен ответить отрицательно.

Я вступил в социалистическую партию¹ в феврале 1920 года, когда более года спустя после мировой войны был уволен из армии. Я демобилизовался с твердым намерением стать социалистом. И отнюдь не потому, что ощущал в себе какое-то призвание к политической деятельности. Напротив, я предпочел бы заняться наукой.

И не скрою, что среди многих честолюбивых планов, которыми так богата молодость, я возлагал кое-какие надежды даже на свои литературные и артистические способности.

Я вступил в социалистическую партию, потому что после трагического опыта, приобретенного в результате войны, считал своим гражданским долгом не уклоняться от проблем и борьбы, которая могла стать решающей для судеб страны в целом и для каждого из нас в отдельности. Можно сказать, что политическую деятельность я рассматривал в качестве морального долга, считая, что заниматься лишь собственными делами, собственной карьерой, собственным устройством в жизни было уже попросту невозможно.

Мое политическое «созревание» проходило в армии. Разумеется, этому способствовал мой социальный опыт человека, выросшего в крестьянской семье, которая была вынуждена покинуть деревню в связи с кризисом сельского хозяйства. Как видишь, уход из деревни — явление отнюдь не только сегодняшнего дня.

Мы уехали в город в год необычайно высокого урожая винограда. Однако цены упали так низко, что, как рассказывал мой дед, на деньги, вырученные на рынке Казале за продажу огромной корзины винограда, ему, за вычетом расходов на дорогу, едва удалось купить деревянный кран для винных бочек.

Моя семья не могла более прокормиться, имея участок земли в два-три гектара, раскиданный маленькими кусками в противоположных концах деревни. Труд для моего отца, единственного работоспособного члена семьи (три совсем маленькие дочери и я, самый младший, совсем еще ребенок), был непомерно тяжелым. Оборудование, удобрения, химикаты стоили необыкновенно много, в то время как доходов от продажи вина не хватало для удовлетворения потребностей семьи.

И все же нельзя сказать, что я приехал в город с наклонностью к политике, несмотря на то, что моей деревенькой — Фубине — руководила социалистическая администрация, одна из первых, как мне кажется, в Алессандринской провинции, и несмотря на то, что моя семья в течение многих лет голосовала за социалиста Винью.

Однако случилось так, что отношения наши с Виньей вдруг испортились. Произошло то, что часто бывает ме-

жду родственниками в деревне: ссора с дядей из-за куска земли. Разумеется, адвокатом мы избрали нашего депутата. Дядя же (представь, какое совпадение) пригласил адвокатом кандидата от другой партии.

Дело переходило из одного суда в другой вплоть до кассационного. Правда была постоянно на нашей стороне, однако тяжба все продолжалась, а вместе с ней росли и расходы. В связи с этим у моего отца зародилось подозрение, что виной всему были сами адвокаты, заинтересованные в проволочках, поскольку они имели дело с людьми, способными платить за услуги. Рассердившись, мой отец более не голосовал за социалистов. Таким образом, ко времени нашего переезда в Турин социалистические идеи в семье потеряли значительную часть своей первоначальной притягательности. Оставался, однако, важный социальный опыт. Мне, ребенку, казалось, что мы покинули среду униженных и оскорбленных, постоянно борющихся с нищетой, что ставило их на низшие ступени социальной лестницы. Даже не понимая в достаточной степени причин этой униженности, я тем не менее ощущал себя на стороне этих оскорбленных, разделяя их беды и гнев.

Многие мои земляки в то время уезжали в Америку, где гнули спину на самых тяжелых и унижительных работах, переносили любые лишения, с тем чтобы потом вернуться на родину и умереть спокойно. Таких людей называли «американцами». Вместе с горстью монет они привозили также кое-какие новые идеи, как правило, носящие откровенно бунтарский и даже анархистский характер. Анархист Ванцетти, которого отправили на электрический стул вместе с Сакко в результате полицейской фальшивки, был родом из моих мест.

— *Зачем вы поехали в Турин?*

— Зачем мы могли поехать в Турин, как ты думаешь? В деревне мы производили вино, в город поехали, чтобы заняться его продажей. «Вино собственного производства» — было написано на дверях нашей лавчонки, которую мы называли громким именем «винного магазина», в то время как на самом деле это была всего-навсего захудалая и нищая харчевня.

Находилась она на проспекте Понте Моска, параллельном проспекту Верчелли, где незадолго до этого был построен один из цехов фиатовского завода «Гранди Мо-

торн»². Лавка была куплена у предыдущего владельца за четыре тысячи лир, взятые в долг у одного из моих дядей. В качестве гарантии оплаты этого «любезного» долга мои родители выдали дяде подписанные и заверенные ими самими векселя. Родственники родственниками, а предосторожность никогда не помешает! В такой системе финансовых отношений между родственниками не было ничего необычного. Она была своеобразным правилом и законом жизни. Правда, родственники платили друг другу только четыре процента от суммы, полученной в долг, в то время как в торговле эта цифра равнялась пяти.

Я вспоминаю, что необходимость платить проценты по векселям, оплачивать сами векселя постоянно была кошмаром для всей семьи. Ужас моих родителей, живущих в страхе, что очередной взнос не удастся сделать, был столь велик, что отражался и в моей детской душе.

Доходы наши были невелики: всего лишь несколько лир в день. Из этих денег ежедневно приходилось откладывать 36 сольдо (меньше двух тысяч сегодняшних лир) для того, чтобы приготовить на следующий день еду для всей семьи. Каждый вечер я помогал матери подсчитывать расходы, и мы не ложились спать до тех пор, пока не находили достаточно убедительных причин для траты каждого сольдо. Считали мы так: столько-то на хлеб, столько-то на сахар, на соль и так далее, пока не получали нужную цифру. Эту привычку подсчитывать все расходы, в том числе и минимальные, я перенес позднее и в свою собственную семью. Для того чтобы воспитать нас в духе экономии, мать использовала очень эффективный метод: она посвящала всех, в том числе и меня, самого младшего, во все дела семьи: в сроки выплаты процентов, оплаты векселей, в дневные доходы, убытки и так далее.

Разумеется, когда разговор велся со мной, все кончалось одной и той же моралью: относись бережно к ботинкам, одежде, не изнашивай их так быстро; у нас ведь нет денег, чтобы купить что-то новое. Я бы с удовольствием ходил и босиком, но родители не разрешали: останавливала гордость. Даже в бедности они не теряли чувства собственного достоинства.

И вот тогда-то, чтобы не ходить играть с окрестными ребятами, где я и снашивал обувь и одежду, я принял

героическое решение: порвал с ними всякие отношения, ни с кем не здоровался и жил так все остальные десять лет нашего пребывания в этом квартале.

Робость, отчужденность, любовь к одиночеству, по-видимому, идут именно от этих лет, что, конечно, отрицательно повлияло и на формирование моего характера.

Я вырос в бедной семье, которая понимала свое положение и страдала от этого. Однако в то же время мои родители предпринимали все усилия для того, чтобы не казаться слишком бедными в глазах других и не обеднеть еще больше. Моя мать, занимавшаяся домашним хозяйством, следила также и за соблюдением дисциплины в семье; она была очень ласковой, но это не доходило до излишней слащавости. Она придерживалась твердых принципов, но это не превращалось в жестокость. Я не помню ни одного подзатыльника ни от матери, ни от отца, очень доброго человека, который занимался исключительно нашей маленькой торговлей.

— *В Турине ты столкнулся с рабочей средой. А ведь она резко отличалась от той, к которой ты привык в Фубине.*

— Все это верно лишь отчасти. Дело в том, что мои родители, занявшись мелкой торговлей вином, сохранили умственный склад, психологию крестьянина, по крайней мере крестьянина моих краев. Они постоянно относились с недоверием ко всем и ко всему, особенно когда речь шла о представителях власти и о законах. Для моих родителей это были враги, созданные лишь для обмана бедняков.

Работа в магазине, обязанность помещать на каждую мелочь этикетки и талончики постоянно была источником беспокойства для моих родителей, все время боявшихся забыть что-нибудь. Фонарь (тогда они были газовыми) весь вечер держал в напряжении семью: его нужно было зажигать у входа в магазин, но он часто гас от порывов ветра. При звуке твердых шагов на улице все вздрагивали, думая, что патруль идет к нам, чтобы оштрафовать за незажженный фонарь на 10 лир — сегодня это 10 тысяч.

Доказательство хитрости и коварства полицейских, способных, как говорил мой отец, превратить в бандитов и анархистов даже святых, мы получили в один из дней, когда двое полицейских в штатском зашли в мага-

знии для того, чтобы якобы сыграть партию в карты. Посидев немного, они спросили у отца, нет ли у него случайно сигар. Отец поискал в ящике и, не найдя ничего, сказал, что ходит в ближайшую табачную лавку. Он вышел и вернулся с сигарой. Полицейские взяли сигару, заплатили, а затем оштрафовали отца за незаконную торговлю товаром, на который государство сохраняет монопольное право.

Моему отцу даже в голову не пришло идти протестовать, требовать, настолько сильно в нем было убеждение в том, что виноваты всегда бедняки и, чем дальше они держатся от властей, адвокатов, судов, тем лучше для них самих.

«Прав ты — неправ, старайся никогда не попадать в тюрьму», — говорят в моей деревне. Иными словами, старайся держаться подальше от Закона.

— *В твоих устах пословица звучит несколько весело. Однако цель моего вопроса состояла в том, чтобы выяснить, изменили ли рабочая среда и город в целом твой характер молодого крестьянина.*

— Нет, во всяком случае, не сразу. Я вынужден был заниматься и делать свои уроки тут же в лавке, поскольку у нас было лишь две комнаты, в которых жила вся семья, все шесть человек. Условия, в которых мне приходилось учиться, раздражали меня, особенно в субботу и воскресенье, когда клиентов было особенно много. Они играли в карты, разговаривали, курили, плевали повсюду без всякого стеснения. После многих часов игры к дыму сигар, а зачастую и трубок, добавлялись и винные пары. Позже появлялись жены, чтобы увести домой мужей, которые часто были немного навеселе. Одни уходили домой безропотно, другие продолжали играть в карты и спорить, несмотря ни на что. Как правило, споры эти были бесконечными. Весь этот базар унижал меня, вызывал отвращение. Но что я мог поделать? Ведь эти люди были клиентами, и нужно было относиться к ним с почтением, даже если они лезли в мои тетрадки, которые я всегда держал в полнейшем порядке. Мне вспоминается один сапожник, который говорил о том, что «учился», хотя закончил лишь первый класс семинарии. Он зачастую приходил уже рано утром и начинал свои разглагольствования. Перелистывая тетради, сапожник неизменно кончал разговор фразой: в мое время это не проходили.

— Однако рабочие, по-видимому, приходили в магазин не только пить вино и играть в карты. Наверное, они говорили и о своей работе и о своей борьбе?

— Разумеется. На протяжении недели в часы, когда клиентов было мало, рабочие часто говорили между собой, а я их слушал. Они говорили о своей работе, о своих проблемах, о происходивших волнениях, о собраниях в Палате труда³ или в парке Микелотти. Именно тогда я впервые услышал имена Буоцци⁴, Квальино⁵ и других профсоюзных руководителей.

В то время в Турине в связи со смертью депутата Гея должны были состояться дополнительные выборы. Я слышал тогда, как рабочие очень горячо спорили об этом, называя имена Бонетти⁶ и Муссолини⁷.

Из этих разговоров, обрывков споров я смог представить себе тяжесть их работы, несоответствие зарплаты тем огромным жертвам, которые они были вынуждены приносить. Мне вспоминается более чем шестидесятидневная забастовка туринских металлистов. Я узнал тогда, какие лишения терпят рабочие: они не платили уже наличными деньгами, просили записать их покупки в книжечках. Жены рабочих относили в ломбард все, что могли: не только золотые серьги и кольца — свое приданое, но и матрацы — одним словом, все, что принималось в заклад. Некоторые утверждали, что продолжать борьбу дальше нельзя, что нужно уступить. Наиболее отчаянные, в свою очередь, говорили, что нужно держаться, даже ценой полного уничтожения всего и всех. Разумеется, это были слова, брошенные на ветер. Однако именно это отчаяние становилось причиной кровавых столкновений с кавалерией, которую власти часто использовали для поддержания порядка, с полицией, посылаемой для организации провокаций, подавления волнений и арестов. Летели камни, удары сыпались и на рабочих, и на полицию. Были раненые и убитые. А затем — неизбежные аресты, процессы и приговоры, которые всегда обрушивались, конечно, на рабочих, виновных якобы в нарушении порядка и в том, что они-де «никогда не бывают довольны».

На меня произвели огромное впечатление солидарность масс с жертвами репрессий и истинный героизм, с которым рабочие, их жены, их семьи участвовали в борьбе.

Во всем этом было что-то величественное и духовно необычайно высокое, хотя всех причин этого героизма в то время я еще не мог осознать полностью.

Мои связи с народом, чувство справедливости и солидарности с бедным людом, заложенные во мне с самого детства, помогали мне по-человечески понять и прочувствовать боль тех, кто находился по эту сторону баррикад, отделяющих бедных от богатых и могущественных, — тех, против кого власти бросали полицию и кавалерию.

Плотник или инженер?

— Одним словом, тебе нравилась учеба, твои тетради всегда были в порядке, тебе претила неаккуратность. У тебя, таким образом, были задатки образцового школьника, а между тем ты стал профессиональным революционером.

— Именно так. И если ты перенесешь еще одну банальность, я скажу: революционеров создает само общество, в котором ты живешь.

По замыслу моей семьи, я не должен был заниматься учебой. Когда мы приехали в Турин, я поступил во второй класс начальной школы имени Джузеппе Парини⁸. Школа находилась в трехстах — четырехстах метрах от дома. Мне вспоминаются несколько фактов, свидетельствующих о том, как тяжело мне было привыкать к новой городской среде. Соседи по дому и школьные товарищи вышучивали меня за крестьянское произношение, которое ощущалось, когда я говорил на туринском диалекте. Я даже не знаю, на каком языке я говорил: на итальянском или на каком-то его подобии. Помню, однако, что первый школьный диктант был для меня трагедией. Вместо того чтобы ставить знаки препинания, которые называла учительница, я писал все словами: точка, запятая, точка с запятой, двоеточие. Это напоминают мне до сих пор даже мои сыновья, когда я упрекаю их за какую-нибудь школьную провинность.

Учительница, очень способная женщина, по фамилии Кашет, прекрасно понимала, что я только-только вылутился из скорлупы, или, как говорят в моих краях, только что вышел из леса, а потому все равно перевела

меня в следующий класс. В третьем классе дела пошли несколько лучше, и, таким образом, я добрался и до четвертого класса, и до пятого, где был уже первым или вторым учеником.

Наступил момент решать мое будущее: пойти работать на завод? продолжить дело отца в коммерции? попытаться стать чиновником?

Наиболее трудные годы нашей торговли миновали. Мы приобрели бакалейный магазинчик, который находился буквально рядом с винной лавкой. Торговля несколько расширилась и, если так можно выразиться, «облагородилась».

Моя старшая сестра вела обе лавки. Одним словом, мои родители стали думать, что, живя в городе, я мог бы продолжать учебу без особых расходов, особенно если бы мне удалось добиться освобождения от налогов, которые, впрочем, были очень скромными. Родители были бы очень довольны, если бы я стал плотником. «Это чистая и достойная профессия,— говорили они.— Ты бы мог завести собственную мастерскую и быть независимым». Однако возможность стать в перспективе чиновником где-нибудь на почте или железной дороге («надежная» зарплата, пенсия к старости) представлялась мне приятным сном, ради реализации которого можно было вынести любые жертвы. Именно поэтому я поступил на первый курс технической школы, которая готовила служащих для мелкой торговли и для государственных учреждений. Школа находилась в километре от моего дома. Таким образом, туда можно было прекрасно добираться и пешком.

Я начал свою учебу в двенадцать полных лет и оказался за партой с ребятами на год, а то и на два моложе меня. Это меня очень унижало также и потому, что, будучи физически крепче остальных, я, как мне казалось, был самым глупым во всем классе.

Может быть, также и поэтому я принялся за учебу очень ревностно. Я только и думал, что о школе, стремился иметь хорошие оценки, с тем чтобы не платить налоги. В конце трехлетней учебы я добился блестящих результатов и был выдвинут на медаль, которую Торговая палата Турина предоставляла школе для награждения лучших учеников.

Это стремление быть, несмотря ни на что, среди пер-

вых еще более возросло, когда на втором курсе я был удостоен «чести» нести знамя на организованном школой торжественном акте премирования ученика, который все три года был лучшим. Награжденным был Энрико Тольятти, младший брат Пальмиро Тольятти, о существовании которого в то время я даже и не подозревал. Эта церемония произвела на меня огромное впечатление, и я задался целью также стать первым учеником в конце учебы. Как видишь, я не только имел задатки, по в некотором смысле был и на деле примерным юношей.

Школу я закончил в мае 1915 года, то есть накануне объявления Италией войны Австрии. Окончание учебы было ускорено, и когда я предстал перед директором для получения диплома, он поздравил меня с успешным окончанием, но ничего не сказал о награждении, на которое я в глубине души надеялся.

Должен сказать, что я был несколько разочарован, так как мне казалось, что результаты, которых я добился на экзаменах, были лучшими. Однако о медали никто и ничего не говорил: абсолютное молчание... Я вернулся домой довольный результатами, но немного разочарованный тем, что не был награжден. К счастью, я никому не говорил, как было в моих правилах, о своих тайных желаниях, а потому мне не пришлось давать никаких объяснений.

Однажды (я уже проучился добрую половину года на первом курсе техникума) я сидел в лавке, занимаясь уроками. Это был час, когда почтальон разносил послеобеденную почту. Размышляя об этом, я начал фантазировать: «А что он принесет сегодня?» Я представлял себе: вот он заходит, вручает мне конверт. Я открываю его и вижу сообщение о награждении меня медалью. Так оно и случилось. Я открыл конверт и с замиранием сердца прочел несколько написанных от руки строчек. Помню до сих пор последние слова, которыми директор школы Пиначчи поздравлял меня и желал «продолжать учебу, чтобы прославить награду семьи, школы и Родины». Конечно, этот человек и не подозревал, что каким-то образом я позднее действительно «прослаблю» семью и Родину.

— *Даже в таких мелочах большую роль играет разница в социальной среде. Я тоже получил однажды медаль как первый ученик в классе, однако от этого мне,*

как говорится, не было ни холодно, ни жарко. Я помню об этом только потому, что по этому случаю один мой дядя, очень скупой по натуре, подарил мне двадцать лир, чем привел в великое изумление все семейство.

— Для меня, однако, это было важное событие, а моя привязанность к учебе была столь сильной, что, когда к власти пришел фашизм, мне стоило больших страданий бросить ее и заняться политической деятельностью.

Когда я окончил техникум, мои родители, убедившись, что учеба не была особым бременем для семейного бюджета и что мои дела шли довольно-таки успешно, вновь принялись решать мою дальнейшую судьбу. Я настаивал на продолжении учебы, и они не стали возражать. Некоторая неопределенность оставалась в вопросе о том, какой путь мне избрать дальше. Мои родители не слишком-то были знакомы со школьной системой, а потому и не представляли, куда я мог пойти. Они мечтали о том, чтобы я стал или бухгалтером, или чертежником, или инженером, не понимая толком, какая разница существует между средним и высшим образованием. Знали они одно: титулы очень почитаются. А посему считали бы для себя большой честью, если бы их сын добился этого.

Даже когда меня избрали депутатом, моя мать не могла простить мне того, что я так и не получил никакого диплома. Она никак не могла примириться с мыслью о том, что на вопрос «кто я и чем занимаюсь» она не могла ответить, что я чертежник, или инженер, или бухгалтер (для нее это все не имело никакой разницы). «А ты говори, что я депутат»,—объяснял я ей.—«Нет, нет, это совсем другое дело».—И она была права.

— *Если я не ошибаюсь, твоя мать очень повлияла на формирование твоего характера.*

— Да, это так. Я всегда очень ценил мнения моей матери, как, впрочем, думаю, и все сыновья. Мне кажется, я перенял многое от ее характера и темперамента. Это была очень простая женщина. Она кончила лишь три класса начальной школы, однако была человеком высоких и благородных идеалов. Меня она, конечно, идеализировала, хотя вслух никогда об этом не говорила. «Он добрый,—рассказывала она обо мне,—никогда не скажет «нет». Однако потом все равно делает все по-своему».

До слез жаль, и я упрекаю себя в этом и сейчас, что заставил ее столько страдать, когда на протяжении почти двадцати лет был далеко от дома, бродя по Европе. И в каких условиях: то в тюрьме, то на войне. Когда я сражался в Испании, мои родители получили, уж не знаю от кого, сообщение о том, что я расстрелян. Друг другу они ничего не сказали, и каждый хранил это в глубине души. Известие это было эхом сообщения, которое попало и в газеты, о том, что республиканцы расстреляли испанского командира по имени Галло. Имя это было реальным, но сообщение фальшивым. Кроме того, речь шла отнюдь не обо мне, так как имя Галло было лишь моим псевдонимом*.

— *Твоя мать была католичкой.*

— Суди сам. Конечно, она не была святошей. Ходила в церковь, когда у нее было время, потому что так делали все. И оправдывала она это так: худо от этого не будет, а там, кто знает... Когда умер отец, мать узнала, что деревенский священник, который сопровождал прах на кладбище, плохо говорил об «этом большевике», то есть обо мне, с теми, кто был рядом в момент погребения. Лучше бы он этого не делал! Мать была возмущена до глубины души и заявила, чтобы на ее похоронах ни за что не было никакого священника.

Моя мать была «за справедливость» и за то, чтобы каждому было дано свое. Однако она никогда не склоняла головы перед несправедливостью и насилием. Даже двадцать лет назад, когда в возрасте 80 лет она переехала ко мне в Рим после смерти отца, ничто не смогло ее заставить сказать свое имя полицейскому, который, увидев, что она вытряхивала в окне покрывало, явился оштрафовать ее. Она твердила, что находится в своем доме, что это — ее право и что никому ничего плохого она не сделала, а потому свое имя не скажет. И так и не сказала.

В трудные моменты борьбы против фашизма, когда собрания зачастую кончались потасовками, когда в ход шли палки и пистолеты, она с болью в сердце провожала меня рано утром на какой-нибудь митинг или собрание в провинции. «Я не могу не идти, — оправдывался я, — я ведь обещал». — А она отвечала: «Раз обещал, иди, но в другой раз не обещай этого больше!»

* Галло — от итал. gallo (петух). — *Прим. ред.*

От несостоявшегося художника до неполучившегося летчика

— В техникуме, если я не ошибаюсь, ты поступил на физико-математический факультет с тем, чтобы потом иметь возможность пойти на инженерный факультет университета? По крайней мере, так я прочел в одной из твоих биографий.

— Совершенно верно. Однако в какой-то момент, и здесь как раз вновь проявились мои наклонности к художественному творчеству, о которых я уже говорил, я загорелся идеей поступить в туринскую Академию художеств.

— Вот почему после освобождения Италии тебя часто можно было видеть на открытии различных выставок в римских галереях! Но были ли у тебя на самом деле природные способности к рисунку и живописи?

— Не думаю. Однако я очень желал испробовать этот путь. Еще в техникуме я нарисовал акварелью огромную карту Пьемонта: долины — зеленым цветом, реки — голубым, горы — прекрасным светло-коричневым, ледники — белым с легкими разводами голубизны. Одним словом, как в лучших атласах. На эту работу у меня ушла неделя, и мне казалось, что я создал нечто значительное. Такого же мнения придерживался и мой преподаватель географии, который впоследствии в каждом семестре выводил в моем дневнике великолепную девятку⁹, даже не спрашивая меня.

Однако все мои художественные амбиции потерпели полный крах из-за одного пустяка. Мой дядя был владельцем единственной в наших краях фермы быков. И вот он пожелал как-то, чтобы я нарисовал ему рекламную вывеску, на которой была бы изображена голова красивого быка. По его мнению, я должен был уметь делать абсолютно все, поскольку учился в техникуме. Задание меня отнюдь не испугало, и я принялся за работу: на жестяной пластине стал рисовать голову быка. Не помню, сколько дней я трудился. Однако голова, на мой взгляд, получилась на славу. Причем это была голова именно быка, а не коровы и не вола: только истинные знатоки могут понять разницу между головами этих животных.

Подошел день открытия вывески. Все было готово, и деревенские мальчишки ждали, когда моя работа будет показана. Упало полотно, отовсюду слышались возгласы восхищения. Но я помню, как побледнел, как похолодел, почувствовав даже мурашки на спине: только сейчас я заметил, что написал не «пьемонтский бык», как полагалось, а «пьемотский» — буква «н» так и осталась в коробке с красками. От стыда я сбежал и несколько лет не появлялся в деревне. Однако вывеска осталась на своем месте: по-видимому, никто так и не заметил моей ошибки.

Несмотря на эту неприятность, я все-таки во время каникул стал готовиться, причем в какой-то мере даже успешно, к поступлению в туринскую Академию художеств, чтобы получить специальность инженера-архитектора. Однако военные события убедили меня в необходимости пойти по обычному пути для того, чтобы стать инженером. Я полагал, что молодежь моего возраста (1900 года рождения) еще успеет попасть в армию и отправиться на фронт. В самом деле, так оно и случилось, по крайней мере, для тех, кто, как я, родился в первые четыре месяца 1900 года.

Я учился в техникуме, а война между тем продолжалась, жестокая и беспощадная. В это время я начал следить по газетам за военными и политическими событиями. Из того, что говорилось в нашей лавке приезжающими с фронта людьми, и из того, что писали и сами газеты, хотя все сообщения, которые можно было расценить как пораженческие, неизменно снимались цензурой, я узнал, что война эта была самой настоящей бойней. Депутат-социалист Тревес¹⁰ в то время уже произнес на заседании Палаты депутатов свою знаменитую фразу, которая четко и твердо выражала волю людей: следующий год встречать уже не в окопах!

— Именно в Турине в то время проходили мощные антивоенные выступления трудящихся. Сразу же после летнего восстания 1917 года¹¹ Грамши¹², если я не ошибаюсь, был избран секретарем Туринской секции социалистической партии?

— Как раз в августе 1917 года несколько рабочих районов Турина восстали против войны: возникли баррикады, происходили вооруженные бои с полицией и армией, брошенной на подавление этих выступлений трудящихся.

Район, где я жил, Баррьера ди Милано, был одним из наиболее боевых: на улице, параллельной той, где был мой дом и где возвышался моторостроительный завод ФИАТ, в одну ночь из перевернутых грузовых вагонов, пригнанных с ближайшей железнодорожной ветки, и огромных деревьев, спиленных под корень по всему проспекту Верчелли, были построены баррикады и заграждения. Все говорили об этом в нашей округе. Как-то после обеда моей матери также пришло в голову пойти посмотреть, что там происходит. Меня она попросила проводить ее. Мы прошли метров двести — триста, когда услышали сильную стрельбу на проспекте Верчелли. Так началось жестокое и кровавое подавление восстания.

Вывеска нашей лавки была в нескольких местах прошита ружейными пулями. Два старика из соседнего дома, вышедшие на балкон, чтобы подышать свежим воздухом, были убиты наповал так называемыми слепыми пулями. Через несколько недель после Туринского восстания пришла весть о поражении итальянских войск под Капоретто¹³, в результате чего значительная часть Венето была оставлена и линия обороны была создана в районе Пьяве. Тогда я и увидел в Турине массы беженцев. В их глазах был ужас. Они несли свои скромные пожитки.

Все эти события, социальная среда, в которой я рос, знакомство с жизнью бедного люда, которому я сочувствовал, горе, которое несла с собой война, не проходили, конечно, бесследно: они оказали на меня глубокое воздействие. Однако все это еще не определило моего ухода в политику: я продолжал учебу и беспокоился лишь о хороших отметках, которые позволили бы не платить налоги.

Так я подошел к началу 1918 года, имея за плечами совсем небольшой жизненный опыт и голову, забитую всем тем, что преподавали в школе. Но вот в апреле 1918 года, то есть когда мне только-только исполнилось восемнадцать лет, был объявлен призыв в армию юношей, которые родились в первой четверти 1900 года. В их числе был и я: ты ведь знаешь, я родился во второй половине марта. Как я тебе уже говорил, отношения между детьми и родителями в нашей семье были сдержанными, с виду даже холодными. Когда, приехав в

город, мы увидели, что дети, уходя в школу, целуют мать, мы никак не могли понять этих нежностей. В конце концов, они уходили только в школу, думали мы, а отнюдь не уезжали куда-нибудь в Америку. Если мы — и я, и мои сестры, и родители — встречались случайно на улице, мы даже не здоровались: лишь смотрели друг другу в лицо, как бы говоря: «я тебя увидел».

Подошел и день моего ухода в армию. В час, когда мне нужно было отправляться на место сбора призывников, я только что закончил мыть очередную партию бутылок. Я надел пиджак и сказал матери, помахав рукой: «Ну, я пошел». А она мне: «Веди себя достойно!» — И все.

Я в первый раз уезжал из дома надолго. Я уходил в армию, а в это время шла война. Но прощание наше было таким, как будто я уходил в ближайший магазин за мелкой покупкой.

И именно служба в армии, как я тебе уже говорил, способствовала формированию моего характера. Для этого оказалось достаточно буквально нескольких месяцев.

— *Что же так потрясло тебя в армии, если за несколько месяцев ты обрел политическое сознание, в то время как до этого, несмотря на твой социальный опыт, ты оставался вдалеке от политики?*

— Сейчас объясню. Как только я приехал на место службы (часть находилась в районе Брешии), меня очень поразило отношение старших чинов к нам, молодым солдатам. Они смотрели на нас не как на людей, а как на вещь, с которой можно было делать все что угодно. Это был первый сильный удар по представлениям о мире, которые я вынес из школы, — о мире как о чем-то организованном на принципах справедливости и гуманности. Какая там гуманность! Юношей оскорбляли и били при малейшем подозрении в том, что они «увиливают» от дела.

Мы жили по четыре человека в палатке. Спали чуть ли не друг на друге на нескольких метрах земли. Спали зачастую в грязи, когда шел дождь. Холод и непогода постоянно одолевали нас наряду с бесконечными упражнениями и тяжелейшими маршами, необходимыми «для закалки тела и духа», как говорилось в учебниках. Но шла война, и все это можно было понять. Я не понимал

и возмущался другим: отношениями между старшими и младшими офицерами и солдатами. Эти отношения оскорбляли всякое человеческое достоинство, противоречили самым элементарным правам. Из человека здесь умышленно создавали солдата, то есть существо, способное лишь к «беспрекословному, абсолютному и постоянному» повиновению. Социальная и культурная иерархия в армии, о которой в школе говорилось, что она естественна и воплощает в себе вечно действующий принцип превосходства тех, кто стоит выше, представилась мне в истинной природе как оправдание для создания новых и утягощения старых социальных различий в рангах: угнетенные — внизу, угнетатели — наверху. И все это с одной лишь целью: обеспечить подчиненное положение одних и всевластие других.

К этому моему открытию добавилось чтение одной из «Биографий» Маркса, изданной Формиджани, «Манифеста Коммунистической партии» и газеты «Аванти!»¹⁴, которая в то время была запрещена в казармах. И этого оказалось достаточно для изменения моего социального сознания, для того, чтобы я начал видеть более ясно характер и цели войны, для того, чтобы сразу же, как сухой лист с дерева, мое представление о ней освободилось бы от всякой патриотической демагогии, для того, чтобы я почувствовал себя противником войны, антимилитаристом и социалистом. Именно эти изменения в моем сознании перевернули все мое мироощущение, мои представления, мои идеи, заставили меня размышлять над множеством проблем.

Мне вспоминается, что однажды в Клузоне я получил от своих родителей очень тревожное письмо. Они сообщали, что мое письмо пришло к ним полностью искореженное цензурой: целые строчки были замазаны черными чернилами, так что прочесть их было невозможно; некоторые фразы были даже вырезаны ножницами. Я увидел это письмо, когда вернулся домой для того, чтобы учиться на курсах летчиков.

— *Как, ты собирался стать и летчиком?*

— Я был молод, и какая-то доля любви к приключениям, желание узнать мир заставили меня обратиться с просьбой о зачислении на курсы летчиков. Однако меня не приняли. В то время свирепствовала так называемая «испанка», которая вызвала множество жертв. В моем

доме ею заразился отец. У меня также была небольшая температура, в результате чего не все анализы оказались положительными, и меня, к моему сожалению, отправили снова в ту же часть, где я был раньше.

Но вернемся к изуродованному письму. В нем, кстати, не было ничего столь уж опасного: лишь мои мысли о ходе войны, о ее возможном исходе. Это были размышления, в какой-то степени затрагивающие военную и общественную тему, — размышления восемнадцатилетнего юноши, у которого открывались глаза на действительность. Однако вид моего письма, превращенного в обрывки, вселил в меня гордость. Мне казалось, что я уже стал значительным лицом, если цензура увидела такую опасность в моих строках.

Вступление в социалистическую партию

— *Когда и при каких обстоятельствах ты вступил в социалистическую партию?*

— Может быть, это покажется неправдоподобным, но сразу же вступить в социалистическую партию оказалось нелегким делом. Я жил изолированно, не имел друзей и знакомых, которые могли бы ввести меня в партию. После окончания войны мои родители сменили место жительства и лавку. Я не имел контактов с рабочими. Лишь четыре месяца спустя после демобилизации, в феврале 1920 года, я прочел в «Аванти!» об одном студенческом собрании, целью которого было создание студенческой социалистической группы. Я пошел на это собрание. Группа была создана, и я, разумеется, стал ее членом.

— *Социалистическая партия не спешила выступить с инициативой организованных действий среди студенчества. Насколько мне известно, после войны прошел целый год, за который не было сделано ничего. Серьезными упущениями характеризовалась политика партии и в отношении бывших фронтовиков. Помнится, что, когда я был еще мальчиком, одну из своих основных ставок фашистская пропаганда делала как раз на фронтовиков, которых якобы «оскорбляли» и которым угрожали «бешеные» социалисты. Эта тема находила широкий отклик в душах возмущенной и напуганной мелкой буржуазии.*

— Несвоевременность инициатив соцпартии в отношении студентов можно объяснить, как мне кажется, очень распространённым в то время в рабочем и социалистическом движении предубеждением против всех тех, кто был «интервенционистом»¹⁵. Это убеждение распространялось и на интеллигенцию, и, в частности, на студентов, которые в мае 1915 года создали наиболее активные группы «интервенционизма». При этом забывалось, однако, что после так называемых «радужных дней» мая¹⁶ в войне были годы далеко не радужные, а черные и трагические, что в эти годы многие «интервенционисты» перед лицом жестокого урока действительности увидели крушение собственных мифов; что многие студенты начинали учебу в обстановке, резко отличающейся от той, которая была налицо в мае.

— *Твое политическое формирование было, разумеется, медленным и трудным. Оно представляет интерес не только потому, что в последующие годы ты стал одним из главных действующих лиц итальянского и международного рабочего движения, но и потому, что твой опыт типичен для юноши из крестьянской семьи, социальное происхождение и характер которого заставляют его искать собственное решение проблемы социального роста, что в конце концов приводит к иному результату: к формированию политического взгляда на общество и собственную судьбу.*

Следует отметить, что твой политический выбор, по-видимому, можно рассматривать в рамках общей волны восстаний, роста чувства неудовлетворенности и требования справедливости и обновления, которое, созрев в период «беспольных убийств», зазвучало столь мощно сразу после войны в связи с пониманием неизмеримости понесенных жертв и укреплением в массах сознания того, что они были вовлечены в бойню горсткой спекулянтов.

— Я думаю, что ты прав. Имей в виду, что причинной этой волны восстаний была не только необходимость добиться справедливости в борьбе против тех, на ком лежала ответственность за войну, тех, кто использовал ее в своих целях, но и убежденность в том, что общество нуждается в более справедливом и более гуманном устройстве жизни. Отсюда — осуждение всего прошлого, приведшего к войне, всех сил и всех идеологических направлений, сделавших ее возможной.

Рабочее и социалистическое движение, которое было наиболее решительной и массовой составной частью этой волны восстаний, подвергло острой критике и пересмотрело свою собственную организационную структуру, состав своих руководящих органов и свою ориентацию, хотя итальянское движение в своей совокупности и не приняло постыдного «священного союза», объявленного социал-демократическим руководством других стран.

Разумеется, моральный бунт против войны был более чем справедливым. Я лично не помню ничего о той острейшей борьбе, которая предшествовала вступлению Италии в войну. Однако обман масс был слишком явным. Подумай только, о соглашении между Францией, Англией и Россией говорилось как о союзе держав демократических. При этом умалчивалось, что среди них была царская Россия, этот европейский жандарм, и что грязные интересы крупной промышленности, в первую очередь металлургической, зарождавшейся в Италии, маскировались самой низкой демагогией. Заявлялось о долге оказать помощь «бедной и демократической» Франции, «на которую напала» варварская Германия, поддержанная австро-венгерской монархией, этой «тюрьмой народов и вековым врагом» единства Италии. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что сразу же после войны лишь подозрения в принадлежности к движению «интервенционистов» было для социалистов достаточно, для того чтобы заклеить человека ярлыком бесчестия и подлости. Именно в этом следует искать истоки широкой кампании против людей, ответственных за войну, кампании «священной», поскольку ее цель заключалась в том, чтобы покончить с авантюристами и спекулянтами, которые хотели войны. Однако именно эта кампания привела социалистическое движение к грубейшей политической ошибке: они не проводили различия между «интервенционистами» и теми, кто лишь «принял участие» в войне, между спекулянтами и их жертвами, между палачами и теми, кого они вели на эшафот.

— *С момента вступления в социалистическую студенческую группу начинается также и твоя политическая деятельность в партии, в Социалистической федерации молодежи?*

— Да. В тот период я стал выполнять работу также и в молодежном кружке, который помещался на первом

этаже Палаты труда, сбоку от центрального салона, где проходили собрания и наиболее важные политические манифестации.

Желая быть полезным, я начал с того, что тоже стал выступать с лекциями на культурные темы. Я следовал очень простому и соответствующему моему характеру принципу: я читал, комментировал и обсуждал с товарищами наиболее важные отрывки из «Манифеста Коммунистической партии» и произведений Ленина. Интерес к этим беседам постоянно возрастал по мере активизации агрессивных действий фашистских громил, которые все более нагло угрожали расправой.

Самые молодые члены кружка считали эти собрания пустой тратой времени в то время, когда, как они говорили, были дела и посерьезнее: антифашистские выступления на площади. Товарищ Массола¹⁷, в то время очень молодой, который имел анархистские склонности и высоко задранный нос зазнайки, однажды пригрозил мне палкой: или ты кончишь эти беседы, сказал он мне, или этой палкой я проверю твою голову.

Товарищ Массола примирился со мной и мои беседы лишь после того, как мы вместе приняли участие в антифашистской манифестации молодежи, которая была должным образом вооружена «убеждающими аргументами». Когда мы возвращались в помещение кружка, он вынужден был констатировать, что с трудом выдерживал мой шаг берсальера. Именно тогда он стал употреблять свое любимое выражение «я тебя уважаю», которое впоследствии стало его боевым псевдонимом в партии.

— Я познакомился с ним, когда он был руководителем отдела кадров на улице Боттеге Оскуре¹⁸. До этого я считал его «твердолобым». Однако когда мы встретились, я понял, что это очень человечный, чувствительный, невероятно мягкий в обращении с другими товарищ.

— То же самое можно сказать и о всей нашей партии, о которой часто говорят, что она состоит из «твердолобых» людей. На мой же взгляд, следует подчеркнуть, что питающей ее основой является как раз гуманность.

Меня все чаще использовали в тех случаях, когда дело требовало времени и способности к письму. Мне говорили: ты ведь студент, делать тебе нечего, так что работай вот эту инструкцию, напиши это письмо, отредактируй этот протокол, составь повестку дня, расклей эти плакаты.

Старые туринские социалисты

— *Я вижу, что ты очень живо помнишь то время. А остались ли в твоей памяти какие-нибудь типичные деятели социалистической партии?*

— За исключением нескольких интеллигентов (некоторые из них были даже рабочего происхождения), которые работали в газете, в Туринской секции (две небольшие комнатки на третьем этаже: в одной сидел инвалид войны, занимающийся административными делами, во второй — проходили заседания руководящего комитета секции), как я уже говорил, наиболее активную роль играла группа, состоящая из простых людей: это были рабочие с наиболее крупных предприятий Турина, как, например, Пароди¹⁹, Сантя²⁰, Роботти²¹, Оберти²²; железнодорожные рабочие или еще более скромные труженики: ремесленники, сапожники — люди совсем небольшой культуры.

Сантя неутомимо заполнял своим почерком, который отнюдь не легко было разобрать, все новые и новые страницы. Эту писанину затем он небрежно передавал мне. «Наведи порядок в этих каракулях», — говорил он. Я с удовольствием расшифровывал и редактировал его писанину, поскольку в ней, даже несмотря на нечеткость почерка и неполадки с грамматикой, я находил зерно оригинальных мыслей, являющихся реальным вкладом в развитие затронутой темы. Он был доволен моим сотрудничеством, говоря мне, что только я его понимаю и что, редактируя его, создаю именно то, что он и собирался сказать. Это сотрудничество продолжалось долгое время, причем и за границей, словом, всякий раз, когда нам приходилось работать рядом. Однажды он сказал мне шутя, что за эти мои качества он назначил меня своим личным секретарем по собственному желанию.

— *Ты в то время был не только бордигианцем, но и убежденным абстенционистом²³. И когда я думаю о том, что за Бордигой²⁴ шел и ты, и многие другие товарищи — руководители национального масштаба, меня это поражает.*

— Нельзя сказать, что я полностью разделял так называемую теоретическую аргументацию Бордиги по поводу абстенционизма, однако мне казалось, что на фоне поднимающейся волны оппортунизма и борьбы лишь за

голоса избирателей абстенционизм, то есть неучастие в выборах, был наиболее подходящим лекарством против болезни этого периода. Разумеется, я ошибался. Болезнь нельзя излечить, отказавшись от борьбы там, где она существует. Среди последователей идеи абстенционизма мне вспоминаются Пароди и Боэро²⁵, которые фактически руководили фракцией и для которых держать в руках перо было сложнее, чем орудовать молотом. Столь же скромными и простыми, как они, были многие товарищи, и абстенционисты, и те, кто не входил в это течение. Всеми ими двигало достойное восхищения чувство класса и революционной борьбы: они постоянно были на собраниях, митингах, дискуссиях. Меня поражало чувство долга, даже некоторый педантизм, с которым эти простые люди занимались административными делами: оформляли получение партийных и иных взносов, расходы, которые несли товарищи, отправлявшиеся в провинциальные районы «по партийным делам». От них для оплаты расходов требовали даже билеты на поезд и трамвай. Разумеется, в том, что касалось питания, им советовали обходиться в зависимости от случая: или брать еду из дома, или обедать у кого-либо из товарищей на месте командировки.

— Эта уловка была в ходу и много лет спустя. Мне вспоминается, что, когда я руководил организационным отделом Римской федерации, у нас в группе пропагандистов был один адвокат, который в законах разбирался весьма слабо. Он каждое утро отправлялся в прокуратуру, чтобы добыть клиента. Бедняге никогда не удавалось заработать на обед и ужин. Он был единственным, кто всегда с энтузиазмом соглашался выступать на митингах, особенно в провинции. И я подозреваю, что эти митинги были для него единственной возможностью нормально пообедать и поужинать. Был и еще один тип, журналист, который нуждался не в макаронах и колбасе, а в «славе». После каждого митинга в каком-либо провинциальном городке он звонил в федерацию и измененным голосом говорил: «Я товарищ из (предположим) Рокка Сан-Стефано. Оратор, который выступал у нас вчера, был великолепен. Не могли бы вы прислать его еще раз?» А мы, узнав его, говорили: не валяй дурака, скажи лучше, сколько человек было на митинге?

— В дни моей юности все было еще более скромно, поскольку товарищи в провинции находились в основном в тяжелейших экономических условиях: ведь это были сапожники, крестьяне, батраки. Меня поражали в этой бедности, скажем, даже нищете, стремление сэкономить каждый сольдо, необычайная четкость в административных делах. Счета проверялись так называемыми ревизорами с дотошностью, которая сегодня показалась бы оскорбительной, но тогда воспринималась всеми как справедливая и оправданная. Каждый товарищ считал бы за бесчестье, если кто-нибудь мог бы заподозрить его в присвоении денег партии, пусть даже одного сольдо — двадцатой части лиры.

В Турине также были люди, похожие своим тщеславием на твоего журналиста, который сам себя хвалил по телефону, пусть и измененным голосом. Мне вспоминается некий Норленгг, высокий, худой, с острой бородкой, с какими обычно изображают сатиров. О нем говорили также, что он был выходцем из знатного рода. Он написал, а затем и опубликовал на собственные средства небольшую пропагандистскую книжку, а после этого обошел все книжные магазины Турина, спрашивая ее. Поскольку ответ был отрицательным, он говорил: жаль, а мне сказали, что это очень интересная книга. Достаньте-ка ее, будьте добры, а я зайду и куплю.

— *Этим скромным и простым товарищам, о которых ты говорил, и была поручена пропагандистская работа в партии?*

— Разумеется, Грамши, Тольятти и других товарищей из газеты «Ордине нуово»²⁶ приглашали в провинцию особенно часто. Но они не могли поспеть всюду. И тогда прибегали к помощи наиболее скромных товарищей, которые охотно отзывались на просьбы. Одним словом, действовал закон, который в моих краях в крестьянской среде, где, как ты знаешь, не очень-то выбирают выражения для того, чтобы выразить свои мысли, формулировался так: когда коней недостаточно, и ослы бегают. И все же я считаю, что именно речи этих товарищей, зачастую прямолинейные и полные грамматических ошибок, были для слушавших их в Пьемонте и рабочих районах Турина наиболее непосредственным и эффективным источником социалистических идей, нежели выступления высоко образованных и высоко котирующихся руко-

водителей, чье ораторское мастерство признавалось всеми.

— Когда ты говоришь о пропагандистах, чьи речи страдали прямолинейностью и множеством грамматических ошибок, ты имеешь в виду, по-видимому, Чикина Барбериса²⁷, имя которого в те времена было для буржуазной печати чуть ли не символом бескультурья и неотесанности социалистической партии?

— Да, я имею в виду и Чикина Барбериса, который был отдан под суд и осужден в связи с антивоенными выступлениями августа 1917 года. Однако я говорю также и о многих других товарищах — мужчинах и женщинах, которые постоянно, по воскресеньям, по вечерам обходили туринские кружки и объезжали провинциальные центры, неся в массы лозунги партии, а затем в секциях защищали идеи тех течений, к которым принадлежали. Конечно, в их речах встречались «перлы», которые мы, молодежь, первыми пускали в оборот, усиливая их, а иногда и придумывая специально собственные детали. И речь не идет лишь о знаменитых выдумках Чикина Барбериса, о его неизменных отвлечениях в речах, в Палате депутатов, но и об «остротах» многих других товарищей. Их преданность партии, социализму, делу трудящихся не вызвала и тени сомнения. Трудящиеся считали их плотью от своей плоти и шли за ними с любовью и верой, несмотря на все промахи, которые «ученые мужи», молодые и старые, находили в их речах. И если во всем этом есть что-то достойное упрека, так это, скорее, лень товарищей, способных вести эту работу лучше, но отказывавшихся от проведения митингов и лекций, а также та легкость, с которой руководители некоторых секций и федераций поручали этим скромным людям дела, которые были выше их возможностей и способностей.

— Скажи, а ты охотно проводишь митинги или делаешь это, только подчиняясь партийной дисциплине?

— Я бы сказал, что провожу их потому, что вижу в этом свой долг. Если мы требуем этого от других, то как же могу отказаться я? И потом, зачастую товарищи из первичных организаций просят столь настойчиво и так ждут, что я просто не в состоянии разочаровывать их. И все же, поднимаясь на трибуну для выступления, я часто думаю про себя: опять на эшафот.

— *Кстати, о послевоенном Турине. Это верно, что помещение ежедневной газеты «Ордине нуово» было превращено в подобие крепости, которая могла защитить его от опасности фашистских вылазок?*

— Да, что-то вроде этого было сделано в помещении (типография, редакция и издательство), которое находилось в одном из полуразрушенных домов на углу улиц 20-го Сентября и Епископата. Прямо на углу стояла церковь, названия которой я сейчас уже не помню. В помещении «Ордине нуово» можно было попасть двумя путями. Черный ход выходил на улицу 20-го Сентября. Через него вы попадали в коридор, в который выходили на первом этаже окна типографии. Вход с улицы Епископата вел в маленький коридор, выходивший во двор, из которого через большой проход вы попадали в другой двор — типографии. На втором этаже беспорядочно располагались комнаты редакции и издательства. Все внешние двери были забаррикадированы изнутри мешками с землей. Проходы же, расположенные зигзагообразно, вели от дверей во дворы и прерывались в нескольких местах специальными заграждениями из колючей проволоки. В нежилых полуразрушенных комнатах первого этажа, особенно со стороны улицы Епископата, у каждого окна и под крышей были сложены груды кирпича и камней, которые в случае необходимости можно было использовать как оружие. В укромных углах стояли также корзины с гранатами и несколько ружей.

Оба входа постоянно охранялись. Кроме того, имела специальная группа охраны, состоящая из 10—15 человек, которая находилась в резерве. В случае тревоги каждый член группы через переходы пробирался при помощи переносных лестниц на свое место. При необходимости эту группу охраны можно было усилить типографскими рабочими, редакторами и работниками издательства. Ночью, а также в «горячие» дни и другие товарищи из различных кружков и предприятий приходили на помощь. По очереди с другими товарищами я тоже время от времени входил в состав этой группы.

— *А пробовали фашисты напасть на помещение, несмотря на эти оборонительные меры?*

— Нет. Не предпринимала таких попыток и полиция. Все знали, что мы готовы достойно встретить любое нападение. С другой стороны, мы и не скрывали намерения

защищаться любой ценой. Я думаю, что именно поэтому до прихода к власти фашисты ни разу не осмелились напасть на здание нашей газеты и поджечь его, как это случилось с «Аванти!» в Милане.

— Я читал, не помню уже где, что однажды у входа в здание «Ордине нуово» появился Бенедетто Кроче²⁸, который сказал, что хотел бы видеть Калоссо²⁹, сотрудничавшего в газете.

— Да, в тот день и я был в редакции. Я увидел Кроче в коридоре, выходящем на улицу Епископата, в тот момент, когда он ожидал ответа. Если я не ошибаюсь, ни Калоссо, ни Грамши в редакции как раз не было, и один из редакторов сообщил об этом философу прямо в дверях.

— Были ли еще какие-нибудь важные дела, которыми ты занимался в этот начальный период своей партийной жизни?

— В связи с выборами 1921 года я принимал активное участие в избирательной кампании. Закон в то время разрешал избирателям опускать в урну бюллетени с написанными от руки именами кандидатов, за которых он голосовал. Бюллетени могли быть заполнены заранее и затем раздавались избирателям у входа в избирательный участок. Сколько бюллетеней я заполнил в то время с терпением, достойным профессионального писаря! Я помню имена наших кандидатов в том порядке, в каком они тогда писались на бюллетенях, которые мы затем раздавали перед избирательными участками: Грамши, Миззиано³⁰, Рабедзана³¹; Грамши, Миззиано, Рабедзана, и так тысячи и тысячи раз. Другая, более «научная» работа была поручена мне на областной конференции социалистической молодежи Пьемонта, перед национальным съездом молодежной федерации во Фьезоле. Тогда мне предложили сделать обзор материалов дискуссии. Я взялся за дело с чувством большой ответственности: записал старательно все выступления, а затем изложил их, стремясь к максимальной близости к оригиналу. Все это впоследствии опубликовали небольшой книжкой. Это была, можно сказать, моя первая литературно-политическая работа, и я с большим волнением вновь взял ее в руки лишь несколько лет назад, когда кто-то из товарищей разыскал ее, уж не помню, в каком архиве.

Таким образом, под предлогом того, что я был студентом и делать мне было нечего, меня все более вовлекали в партийную работу: политическую и организационную.

— *Вечная история! Ты даешь политике лишь один па-лец, а она очень скоро поглощает всю твою жизнь, никогда не оставляя в покое.*

— Но, с другой стороны, как я мог уйти в сторону? Борьба разгоралась, фашистская опасность становилась все более ощутимой, появились первые дезертиры. И было бы просто подлостью устраниваться от дел именно в этот момент. Еще раз понимание долга, необходимости быть последовательным взяло верх в выборе, который я тогда сделал.

ГЛАВА II

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Атмосфера послевоенного периода

— *Как ты оцениваешь в свете впечатлений того времени, твоего последующего опыта и прочитанных книг атмосферу первого послевоенного периода?*

— Радость по поводу окончания «бессмысленной бойни» длилась недолго. С окончанием войны и демобилизацией огромных армий миллионы людей вернулись в свои дома после многих лет страданий и лишений. Они вернулись с глубокой ненавистью к тем, на ком лежала ответственность за эту трагедию; их прежние взгляды на жизнь, их вера были потрясены до самых оснований. Многие вернулись инвалидами или с подорванным здоровьем.

Пример большевистской России был перед глазами у всех. Он зажигал в душах людей надежду и желание протестовать. В некоторых странах, особенно побежденных,— Германии, Венгрии,— поднялись самые настоящие народные восстания. Однако в этих странах, пусть и разрушенных войной и в политическом, и в экономическом отношении, консервативные и реакционные силы, благодаря поддержке руководителей социал-демократов, сумели потопить в крови гнев и протест народов и обрушить против растущего революционного движения «белый террор» военных и полувоенных организаций, тайных обществ, подбиравших все человеческие отбросы, порожденные войной: офицеров, оставшихся без дела и без денег, авантюристов, бандитов всех мастей.

И именно в этих условиях крушения старого мира, совершившего столько преступлений и пролившего столько крови, перед лицом величественных задач создания

нового мира, социал-демократы различных стран пошли на предательство. После стольких лет социалистических проповедей, после заключения «священного союза» с собственной буржуазией социал-демократы стран, охваченных революционными волнениями, бросились на поддержку рушащегося старого мира, протянули руку помощи его самым черным силам, тем, которые преследовали, судили и уничтожали мужественных руководителей пролетариата, таких, как Карл Либкнехт и Роза Люксембург в Германии, стремившихся сохранить свою верность делу освобождения пролетариата и вести дальше, по примеру России, борьбу за социализм.

— Я думаю, что социал-демократов мы еще не раз встретим в наших беседах, и почти всегда в облике реакционеров. Я понимаю, что в непосредственно послевоенный период их предательство казалось особенно мерзким и вызвало огромное отвращение к ним со стороны революционных борцов многих стран, а также вызвало глубокое изменение ориентации социалистических партий.

— Необходимо очень хорошо проникнуться накаленной атмосферой первых послевоенных месяцев, чтобы понять весь энтузиазм и гнев, надежды и разочарования того периода. Именно в этой атмосфере в начале 1919 года из Москвы пришло сообщение о созыве в марте несколькими партиями конгресса всех партий, которые выступают против II Интернационала, для создания III Интернационала, Коммунистического¹.

Конгресс собрался с большими трудностями: в то время попасть в Россию, окруженную «санитарным кордоном», созданным капиталистическими странами, да к тому же через Европу, еще не оправившуюся после войны, охваченную множеством пограничных конфликтов, было весьма нелегко. Однако вскоре после конгресса, вошедшего затем в историю под названием I конгресса Коминтерна (хотя на нем присутствовали и не все партии, желавшие в нем участвовать, в том числе и Итальянская социалистическая партия), разразилось восстание на французском флоте, известное под названием Черноморского. Волнения охватили затем английские, и французские, и американские войска. Это было новое доказательство жизненности и роста международной солидарности с Советской страной. Главным ее лозунгом во всех

странах было требование прекратить военную интервенцию против Советской власти и признать новое, социалистическое государство.

— Это доказывало также, что существуют условия, которые Ленин считал необходимыми для начала революции: осознание широкими народными массами невыносимости условий жизни, невозможности поддерживать старый мир и растерянность правящих классов, неспособных объединить управляемое ими общество².

— Отсутствовало, однако, третье, субъективное условие: не было партии, стремящейся и способной, используя «растерянность» правящих классов, направить это сознание масс на победоносную борьбу за власть. К созданию этого третьего условия большевики призывали все народы. Победа революции в других странах отвечала не только чаяниям народов, требовавших свободы, мира и прогресса, но и рассматривалась кое-кем, кто в тот период в СССР занимал руководящие посты, в качестве условия для самого осуществления и окончательной победы русской революции³.

— Таким образом, в тех условиях и в тот момент Коммунистический Интернационал возник под знаменем большевизма и Советов?

— Иначе и быть не могло. Революционная волна, охватившая многие народы и породившая коммунистические партии, исходила непосредственно из примера и из политического и идейного влияния Октябрьской революции. Факты показывали, что пролетариат не только может захватить власть, но и создать новое общество — выражение и орудие этой власти. Русский пример показывал, что завоевание власти и создание нового общества стали возможными благодаря идеологическому, политическому и организационному разрыву с ренегатами — социал-шовинистами и оппортунистами социал-демократами, которые в огне революционной борьбы шли на новые и более крупные предательства, становясь на сторону буржуазии и самой откровенной реакции.

— Всеобщее стремление «сделать, как в России» не означало, таким образом, лишь уничтожение буржуазной власти. Оно подразумевало также и принятие на вооружение политических, тактических и организационных установок большевиков, благодаря которым они добились победы в революции и показали свою способность

защищать ее в борьбе против всех внутренних и внешних врагов.

— Разумеется. Впрочем, на протяжении длительного времени престиж и авторитет, которые имел III Интернационал, его решения, его указания не только среди коммунистических партий, но и во всем международном рабочем и революционном движении были обусловлены как раз этим большевистским почерком, советским и ленинским духом всей его работы. Одним словом, это был урок Октябрьской революции, урок, который итальянское и международное революционное движение стихийно взяли на свое вооружение, поскольку, кроме всего прочего, он являл собой пример того, как социализм может превратиться из мечты в реальность.

С другой стороны, движение масс в Италии настойчиво заставляло искать решение старых общественно-политических проблем, которые война еще более обострила, а также новых противоречий, порожденных ею.

Массы демобилизованных военнослужащих не находили работы в связи с трудностями, которые встали на пути промышленности, переходящей от военного производства к мирному. Крестьянские массы стремились получить землю, обещанную им в начальный период войны, когда было необходимо идти на жертвы. Демобилизованные военнослужащие получили в качестве «премии» так называемый страховой полис, который, если я не ошибаюсь, не превышал тысячи лир.

Ценность этих денег была практически сведена на нет в результате инфляции лиры и той бесстыдной спекуляции, которая развернулась вокруг этих денег.

Эти факторы породили обстановку всеобщей растерянности и недовольства, охвативших все слои общества: наиболее бедных — в связи с той до крайности тяжелой жизнью, которую они были вынуждены терпеть; тех, кто что-то имел, — в связи с угрозой, нависшей над их состоянием; мелких буржуа, поставлявших армии руководящие кадры; офицеров, с трудом приспособляющихся к обычной жизни, полной лишений, и считающих, что их недостаточно высоко оценили.

— *А что же предпринимала в этой обстановке Итальянская социалистическая партия?*

— Итальянская социалистическая партия, несмотря на ее широкое влияние, оставалась, как и прежде, не

только узкой организацией меньшинства, но и по-прежнему была бедна квалифицированными кадрами. Кроме того, даже они не составляли единого целого. Отсюда — ее политическое и организационное бессилие, продолжавшиеся шатания между максималистской, экстремистской фразой, за которой не следовало никаких действий, и ожиданием не известно какого революционного чуда.

Перед лицом мощных выступлений масс против вздо-
рожения жизни летом 1919 года, перед лицом невидан-
ной по своему размаху забастовки солидарности с Совет-
ской Россией и Венгрией, которым угрожала интервен-
ция, социалистическая партия не предприняла ни ма-
лейших попыток взять в свои руки руководство с тем,
чтобы направить эти выступления в нужное политическое
русло.

В обстановке политического хаоса, бурного брожения
масс максималисты по-прежнему ведут свои проповеди.
Исходя из лозунгов о так называемой революционной
последовательности, социалистическая партия отказыва-
ется даже от элементарной разработки непосредственных
промежуточных задач и целей, предпочитая им так назы-
ваемые принципиальные установки, выдвижение кото-
рых, как утверждает, не терпит отлагательства. Одна-
ко все это социалистической партии необходимо для
того, чтобы уклониться от анализа конкретной ситуации,
задач и реальных возможностей политической борьбы в
условиях еще не устоявшейся и требующей своего реше-
ния обстановки.

— *А не кажется ли тебе, что эта максималистская
тенденция, то есть тенденция уклоняться от решения
проблем практической деятельности, распыляя свои силы
в абстрактных дискуссиях и поисках формулировок, яв-
ляется злом, от которого и ныне страдает рабочее и де-
мократическое движение, а также и наша партия?*

— Да, это так. Я думаю, что порой и нас увлекает за
собой формальная логика, а не конкретное изучение
представляющихся реальных возможностей для того,
чтобы повести движение вперед, пусть и на частичные за-
воевания. При этом забывается закон общественного раз-
вития, по которому каждый успех порождает и обуслав-
ливает новые успехи.

В ранг абсолюта часто возводятся принципы и уста-
новки, разработанные в определенной ситуации и верные

лишь для нее. Иными словами, иногда мы впадаем, если так можно выразиться, в категорические утверждения, от которых затем не можем отойти вовремя и без трудностей.

— *Однако для того, чтобы не впасть в чистойшей воды оппортунизм, необходимо постоянно соотносить свою деятельность с принципами.*

— Разумеется. Необходимо постоянно сверять свою деятельность с избранной линией, при условии, однако, что эта линия постоянно проверяется в новых ситуациях с тем, чтобы серьезно и глубоко проанализировать, в какой степени и каким образом можно и должно использовать новые моменты, часто являющиеся как раз результатом нашей деятельности. Верность принципам и избранной линии никогда не может означать механическое повторение формул и лозунгов.

— *Таким образом, мы можем сказать, что ленинизм научил нас всегда сохранять верность концепции и в то же время не отрываться от действительности, использовать появляющиеся конкретные возможности для ее изменения?*

— Конечно, болтовня не имеет ничего общего с классовой борьбой. Классовая борьба — это конкретная деятельность, в результате которой достигаются конкретные результаты, пусть даже и минимальные и частичные. Лозунг «Все или ничего — это лучше, чем немного» может иметь смысл, когда налицо обстановка глубоких революционных потрясений и когда остановка на частичных результатах, отстающих от движения и от ситуации, может стать тормозом для движения, дать неприятелю передышку, которая может стать для него спасением. Однако применение этого принципа в обычной обстановке, а также в период постепенного и постоянного развития перспективы коренного изменения капиталистической системы...

— *То есть в период, который можно охарактеризовать словами Грамши как период «позиционной войны»?*

— Я бы сказал, что определение Грамши более сложно по своему значению. Давай пока использовать формулировку, которую употребил я. Таким образом, в обычной обстановке так называемый принцип «все или ничего» чаще всего превращается во «все» на словах и в «ни-

чего» на деле. И для оправдания этого принципа отнюдь не достаточно куцего утешения в том, что удалось спасти предполагаемую чистоту и всеобъемлющий характер собственных требований, даже если их реализация весьма далека.

Мне кажется, однако, что и такой ход мыслей страдает абстракцией и схематизмом, поскольку верное соотношение между действием и принципами, между тактикой и стратегией, между непосредственными и промежуточными требованиями, с одной стороны, и общими, конечными целями, с другой, не может быть указано одной формулой или несколькими мелкими методологическими правилами. Его можно добиться только в действии, и политическое искусство заключается как раз в том, чтобы умело находить это верное соотношение в любой ситуации.

— *Этот вопрос необходимо рассмотреть пошире, и я думаю, что еще вернусь к нему в ходе наших бесед, поскольку в рабочем движении, да и в нашей партии еще имеются элементы максимализма. Нет недостатка и в тенденциях к чистой воде эмпиризму, который часто переходит в оппортунизм. Напоминание о принципах необходимо, если мы не желаем, обрезав якорь, затеряться в открытом море. Заметь, что ход твоих мыслей мне кажется, в общем, верным, однако ты сам, по-видимому, замечаешь, что скользишь по острию бритвы, на грани опасности соскользнуть вправо. Но отложим на время эту дискуссию, затрагивающую самые основы нашей политики, и вернемся в 1919—1920 годы.*

— Ну что ж, как хочешь. Возвращаясь к этим годам, можно, мне кажется, с полной уверенностью сказать, что перед Бордигой проблема соотношения между стратегией и тактикой, между непосредственными, промежуточными требованиями и конечными целями никогда не вставала. Более того, бордигианство вообще не считает задачей революционной партии действовать в конкретной обстановке для того, чтобы направить ее в революционное русло. Для Бордиги все задачи сводились к «революционному воспитанию» партии и масс. Разумеется, это воспитание понималось в первую очередь лишь в пропагандистском, педагогическом смысле. Речь шла о воспитании партии в духе идеологической чистоты и четкости, с тем чтобы оградить ее революционные концепции от

каких бы то ни было затушевываний, опасность чего постоянно присутствует, по его собственным словам, «в парламентской комедии», в буржуазном порядке, который следует лишь отвергать, а никоим образом не реформировать. И это верно даже в отношении перспективы его свержения. (Вот откуда идет абстенционизм Бордиги.)

По мнению Бордиги, революционная партия и массы, участвуя в игре буржуазных институтов, предоставили бы им якобы право на законное существование.

Следует-де отвергать всякую деятельность, которая может лишь воспрепятствовать или затруднить формирование сознания абсолютной несовместимости между рабочими и трудящимися массами, с одной стороны, и буржуазной системой — с другой. Необходимо избегать всяких контактов с буржуазными институтами, с тем чтобы уберечься любыми способами от пагубного влияния разлагающейся системы.

— *Это типичная мелкобуржуазная концепция, которую мы, впрочем, встречаем и во многих формулировках нынешних так называемых левых «внепарламентских» групп. Но каковы были взгляды других течений ИСП на этот вопрос?*

— Позиции социал-демократов были диаметрально противоположны установкам Бордиги: они считали, что, только «вписавшись» в систему, только исправляя ее эксцессы, можно было сделать что-то полезное для трудящихся классов.

Турати⁴ заявлял, обращаясь к революционерам, что они, воспитывая пролетарские классы в духе ожидания чудотворной разрушительной силы, уводят их в сторону от кропотливой и сложной работы постепенных завоеваний, в которых и заключается революция. Революция, которая, по Турати, никогда не должна затрагивать основ капиталистической системы.

Даже Серрати⁵, чье классовое сознание значительно отличалось от сознания Турати и чья революционная закалка несравнима с той, которую прошел Бордига, доходит, однако, до поразительных выводов, проповедующих пассивность. Он заявляет, что «перед марксистами не стоит задача делать историю». «Мы, марксисты,— говорит он,— интерпретируем историю, а не делаем ее; мы обновляемся во времени в соответствии с логикой фактов и вещей». Однако он не замечает, что, говоря так, все

еще остается в тисках материалистической концепции Фейербаха об изменении обстоятельств. Он забывает уточнения Маркса в «Тезисах о Фейербахе», согласно которым «обстоятельства (логика фактов и вещей, по словам Серрати) изменяются именно людьми», и поэтому «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»⁶.

— *Имели ли эти дискуссии какое-нибудь отражение в итальянской действительности?*

— Совершенно очевидно, что в то время как различные течения социалистической партии изощрались в схоластических дискуссиях по поводу абстрактных, так называемых принципиальных формул, итальянская действительность постепенно изменялась и усложнялась. Привычка этих течений не замечать фактов, оставаясь в плену абстракций, не позволила им понять эти общественно-политические изменения. Итальянское государство разлагалось, что было одним из условий для победы революции. Однако этому разложению не сопутствовало появление даже основы новой организации и власти. Ни рабочее, ни социалистическое движение не только не принимают в расчет промежуточные социальные слои — мелкую буржуазию города и деревни в качестве силы, которую необходимо завоевать и вовлечь в движение рабочих и батраков, но и рассматривают ее как препятствие, которое следует преодолеть. Таким образом, сохранялась якобы верность концепции, которая считалась безусловно классовой, в то время как на самом деле она была лишь проявлением интеллектуальной и политической слепоты. Именно на эти слои, предоставленные самим себе, обрушивается националистическая и консервативная пропаганда, которая подталкивает их к реакционному повороту. На них нацелена деятельность буржуазных политических групп, берущих на свое вооружение в качестве знамени националистические идеи движения бывших фронтовиков. На Севере на эти слои направляют свои организационные усилия группы католического и народного действия⁷. Все это выливается в раскол и во внутреннюю борьбу между народными силами, которые при условии их объединения, или, по крайней мере, согласия по ряду принципиальных вопросов, могли бы продвинуть вперед дело широкого и плодотворного обновле-

ния и добиться более благоприятной расстановки сил между передовыми слоями общества, с одной стороны, и консервативными силами — с другой. Однако над требованием единства действий народных масс возобладали старые предрассудки, личные эмоции, соперничество, которые играют на руку реакции.

— *А какой ориентации придерживается молодежь в этом брожении идей, в этой обстановке борьбы?*

— Совершенно естественно, что русская революция, ее героизм, решительные позиции, занятые ею против буржуазных режимов, против оппортунизма социал-демократов, были восприняты молодежью с огромным энтузиазмом, породили твердую решимость последовать этому примеру.

Рядом с ИСП, начиная с 1907 года, постоянно существовала Федерация социалистической молодежи (ФСМ)⁸, которая независимо от изменений курса социал-партии на всех этапах решительно выступала вместе с левыми силами, в поддержку борьбы масс и левых течений социалистов. Вопросы, которые дискутировались внутри ИСП, были предметом обсуждения и в ФСМ. Молодежь проявляла особую тягу к экстремистскому течению — в связи с его антипарламентским характером, радикализмом его тезисов, суровостью его логики и морали. Пропагандистами этих идей активисты Федерации были не только в молодежных кружках, но и в секциях партии. Однако среди молодежи деление на абстенционистов и на неабстенционистов и ординовистов было менее строгим. Мне вспоминается, что я сам, будучи абстенционистом, подписывался на «Ордине нуово» и принимал участие в его распространении.

«Ордине нуово»

— *Не расскажешь ли ты о своих первых впечатлениях партийного активиста, например, о видных руководителях, с которыми ты познакомился, о тех, кто возглавлял «Ордине нуово»?*

— На этих товарищей мы, особенно молодежь, смотрели с огромной симпатией и интересом. Этого я не сказал бы, однако, о ветеранах партии. Все еще находясь во власти старых дискуссий и деля всех на «твердых» и «не-

твердых», на «интервенционистов» и «нейтралов», они были склонны оценивать товарищей по их принадлежности к тому или иному течению, а не на основе их политических качеств и их культурного уровня: хорошими были те, кто принадлежал к собственному течению, плохими — все остальные. Совместное участие в борьбе против реакции, против войны в период мирового конфликта способствовало сближению товарищей, появлению чувства уважения друг к другу и солидарности. Однако старые предрассудки и отчужденность вновь заявили о себе сразу же после войны.

— *Не мог бы ты рассказать, в частности, о Грамши и Тольятти?*

— Беседовать с Грамши было очень интересно, а его компания была приятной. Он говорил по-особенному, пересыпая свою речь смешными историями, импровизированными воспоминаниями, о форме которых не заботился. Никогда нельзя было понять, шутил ли он над тобой, или говорил всерьез. У него в запасе была бездна иронии, порой очень тонкой, которая оставалась в памяти.

Я не часто бывал в редакции «Ордине нуово» и потому, что мешала моя замкнутость. Для такого человека, как я, было нелегким делом включиться в беседу, поскольку я ощущал необычайную робость рядом со столь квалифицированными по сравнению со мной товарищами. Однажды я осмелился взять слово на собрании студенческой группы. Потом мне показалось, что я сказал какую-то глупость, из-за чего я после этого отсиживался молчком на многих собраниях подряд.

Часто я вместе с другими товарищами провожал Грамши из Палаты труда в редакцию газеты. Он не любил одиночества, ему нравилось беседовать во время прогулок. Накануне раскола я написал одну заметку, которая была опубликована в туринском издании «Аванти!». Мне было очень приятно, когда Грамши во время одной из таких прогулок спросил, не я ли был ее автором. Мне даже показалось по его тону, что заметка ему понравилась. Это вдохновило меня на написание второй заметки, которая тоже была опубликована. Однако когда я встретил товарища Галетто⁹ (мне кажется, именно он вел предсъездовскую рубрику), тот без всяких обиняков заявил мне: если ты еще раз пришлешь мне столь же

длинный материал, я его сокращу вдвое, и пеняй на себя, если его потом никто не поймет. На собраниях у меня не появлялось желаний выступить. Я предпочитал молчать, размышляя про себя об услышанном.

У Грамши был слабый голос. Говоря, он как бы размышлял, собирая воедино свои мысли, перемежая их отступлениями, веселыми историями. Его речи поэтому не отличались той же стройностью и четкостью, что и его статьи. В данном случае трудно было увидеть в нем вожака масс в традиционном смысле этого слова. Иное дело его статьи: стройные, простые, запоминающиеся. Иными словами, это были статьи истинного руководителя.

Человеком, чей облик полностью соответствовал представлениям о руководителе (твердость взгляда, авторитетный голос), был, в отличие от Грамши, Бордига. Он говорил с такой скоростью, что зачастую было трудно целиком понять его мысли. Он воспринял от марксизма совокупность твердых принципов, на которых должно основываться движение за освобождение пролетариата — подобное суждение, как мне кажется, о Бордиге высказал Сприано. Он, одним словом, не страдал от сомнений, интеллектуальных комплексов; им владело страстное желание действовать, навязчивая мысль об идейной чистоте. Все это носило явный отпечаток якобинства, робеспьеризма. Он обладал работоспособностью, которой хватило бы на троих, как признавал сам Грамши.

— *Какое впечатление создавалось о Грамши при разговоре с ним: он казался великим мыслителем или же одним из многих товарищей, пусть даже и более подготовленным?*

— Он производил впечатление руководителя, отличающегося от других: более образованного, более подготовленного и более серьезного. В нем не было заметно ни высокомерия, ни склонности к демагогии — качеств, обычных для многих руководителей социалистической партии того времени. В его статьях чувствовалась глубина, последовательность мысли, даже элегантность стиля, которая не была лишь формальным украшением. Это была элегантность истинного мыслителя, поражавшего врагов остротой иронии. В его статьях ощущалась глубокая моральная убежденность, страстность, достойная чуть ли не Савонаролы¹⁰.

— *Чем отличались Грамши и Тольятти?*

— Я думаю, что многие проблемы они обдумывали вместе или вначале обдумывал Грамши, а потом делился своими мыслями с Тольятти, который обладал большей способностью перелагать их в статьи.

Грамши писал медленно, так, что затем ему почти не приходилось прибегать к стилистым правкам. Его можно назвать учителем-стилистом. Тольятти же был в большей степени журналистом. Их почерки также были похожи. Однако почерк Грамши кажется более твердым; буквы, написанные Тольятти, как бы скользят. Тольятти писал очень быстро, свободно и легко, в полной уверенности, что его стиль верен. Они одинаково думали и чувствовали, однако не всегда соглашались друг с другом. Грамши в спорах часто заострял свое внимание на человеческом «дне», на его несчастьях, на подлости и низости людей вообще и политиков в частности. Его сарказм был сарказмом много пострадавшего человека.

Мне вспоминается митинг, на котором я впервые услышал Тольятти. По правде говоря, он не произвел на меня особого впечатления. Был день Первого мая, и толпа собралась вокруг трех ораторов: Тольятти, Ромиты¹¹ и еще одного, имени которого я не помню. Тольятти говорил медленно. Казалось, что он подыскивает слова. Мне его было почти жаль, и я чуть-чуть не начал подсказывать ему фразы, с которыми он медлил. Позднее я понял, что такой стиль выступления не был случайным. Тольятти всегда стремился к максимальному самоконтролю, и всегда его речи именно этим и отличались. Он никогда не говорил как попало, даже в случае импровизированных речей. Даже его привычка повторять последнее слово, последнюю фразу периода была уловкой, дающей ему время на размышление. На заседаниях от имени группы ординовистов чаще всего выступал он, так как здоровье не позволяло Грамши произносить длинных речей, особенно перед шумными и постоянно спорящими слушателями.

В конце 1920 года, накануне муниципальных выборов, в Туринской секции развернулись острые дискуссии. Горячо обсуждался вопрос о том, стоило или нет включать в списки кандидатов Казалини¹², очень популярного среди бедняков благодаря бесплатной медицинской помощи, которую он им оказывал в поликлиниках социалистов. Тольятти настойчиво выступал против этой кандп-

датуры. Борьба была очень острой, потому что мы боялись, что потеряем значительное число голосов, если не включим Казалини в список. Было принято решение не выдвигать его, и нам не хватило сотни голосов для завоевания коммуны. Заседание продолжалось до четырех часов утра. Я помню его, потому что в тот день мне нужно было выехать в провинцию для проведения митинга, моего первого митинга, и я отправился туда прямо с заседания. Митинг не состоялся, но я и не знаю, как бы стал проводить его. К счастью, местные товарищи забыли о необходимости его подготовки, что отнюдь не редко случалось в маленьких деревушках.

Реформы и революция

— *Вновь встает постоянно дискутируемый вопрос о соотношении между старым и новым: между старым, которое сопротивляется искоренению, и новым, которому не удастся пробить себе дорогу. Это — дилемма, суть которой заключается в вопросе о том, необходимо ли бороться против старого во всей его совокупности, с тем чтобы не оставить от него и следа, или же следует пытаться подорвать его изнутри, чтобы затем радикально изменить.*

— В политическом плане речь идет о проблеме соотношения между ближайшими требованиями и реформами, между глубокими социальными реформами и революцией, — о проблеме, которая зачастую разделяла, а временами и доводила до паралича партии и рабочее движение.

Логика, практика, опыт убедительно доказали, что на этот вопрос нельзя ответить лишь простыми «да» или «нет». Во всех случаях решение может основываться лишь на глубоком анализе каждого частного вопроса, всех его сторон, всех возможностей или объективной невозможности добиться каких-то позиций. Речь идет о необходимости решать вопросы всегда в зависимости от обстановки и перспектив, а не на основе абстрактной методологии.

— *Что было общего и что отличало вначале позиции группы «Ордине нуово» и Таски¹³, а позднее Грамши, с одной стороны, Тольятти и Террачини¹⁴ — с другой?*

— Между группой «Ордине нуово» и Таской разногласия носили, разумеется, принципиальный характер. С одной стороны, классическая революционная концепция борьбы рабочего класса в Италии. С другой — социал-демократический подход к оценке обстановки, к ее развитию, к вытекающим из этого задачам партии.

После апрельских событий¹⁵ позиции Грамши, Тольятти и Террачини совпадали в оценке объективной обстановки. Однако между ними имелись некоторые тактические разногласия в том, что касалось вопроса о целесообразности союза с абстенционистами во внутрипартийной борьбе. В этих разногласиях, на мой взгляд, проявляется различие в личностях Грамши и Тольятти. Грамши глубоко верил в силу идей: чем более четкий и точный характер они имеют, тем более они обладают внутренней способностью проникать и распространяться в других сферах. Тольятти более, чем Грамши, осознавал, что идеи не живут сами по себе. Их поддерживает также и сила стоящей за ними организации и слабость тех, кто против этих идей борется. Грамши, я бы сказал, был более рационалистичен, более интеллектуален. Отсюда — острота его полемики, отсюда — его идейная нетерпимость, твердость мышления. Тольятти же в большей степени был политиком, практиком. Это различие дает о себе знать во множестве случаев.

— *Разумеется, нельзя установить четкой грани между рационализмом и практической ценностью некоторых политических позиций. В первом случае можно легко впасть в самый настоящий схематизм, к которому легко приходят те, кто, занимаясь лишь умственными упражнениями, теряют чувство реальной действительности.*

Во втором случае существует опасность дойти до беспринципного вульгарного практицизма — болезнь столь распространенная в Италии, где она получила и свое четкое политическое определение: трансформизм.

— Я полностью согласен с твоими уточнениями. Однако мне хотелось бы подчеркнуть все, что ты сказал: часто даже самые прямолинейные, самые искусственные позиции имеют, в конце концов, свое практическое значение. Они служат ломке определенной умственной косности, помогают проверить в новых условиях ценность старых идей. Они, во всяком случае, вливают свежую струю во всю политическую дискуссию, никогда не отры-

ваясь от принципов, но и не доводя их в то же время до уровня догм и схем.

Проанализируем деятельность Бордиги в первые годы его руководства партией. Методы, при помощи которых Бордига осуществлял руководство, были бы хороши в военной среде, в условиях какой-либо военной части. И все же я думаю, что в тот период, когда социалистическая партия была похожа, по определению Грамши, на Барнум¹⁶, эти методы, несмотря на то, что они носили авторитарный характер, сыграли свою роль в деле утверждения дисциплины, создания партийной морали, воспитания в духе преданности партии. Положительное влияние этого ощущается и ныне.

С другой стороны, совершенно не случаен тот факт, что в первые годы существования коммунистической партии все были бордигианцами: от старых абстенционистов до Грамши и Тольятти, и Террачини, и даже до товарищей, которые на съезде в Ливорно колебались при решении вопроса о разрыве с социалистической партией. Я думаю также, что дух группы «Ордине нуово», а точнее, дух Грамши, именно в связи с его логической и моральной твердостью помог воспитать в товарищах политическое сознание и глубокую серьезность в споре, столь отличающуюся от поверхностных и банальных суждений, которыми часто характеризовались политические дискуссии в рядах рабочего и социалистического движения Италии.

На мой взгляд, и в бордигианском руководстве были элементы, которые, пусть и частично, отвечали требованиям момента. Я не думаю, что в этом утверждении отражаются мои старые абстенционистские наклонности. Оно подтверждает, как мне кажется, лишь необходимость твердости, дисциплины и последовательности, то есть качеств, которые всегда сохраняют свою ценность.

— Допустим также, что четко отделить истину от заблуждения, добро от зла весьма трудно. Однако твоя логика, как мне кажется, является довольно-таки новым и притом итальянским приобретением рабочего движения. В самом деле, существует немало людей, обвиняющих нас в чрезмерной идеологической снисходительности (в иные времена это называлось гнилым либерализмом).

— Я вполне отдаю себе отчет в том, что этот путь чреват опасностями. Однако, на мой взгляд, столь же

опасно целиком отвергать ошибочные, на наш взгляд, позиции, не вдаваясь в их анализ. Зачастую в них может содержаться, по крайней мере, предостережение о наших недостатках или же указание на необходимость принимать во внимание в нашей деятельности какие-то факторы. Из этих своих рассуждений я делаю лишь один вывод: необходимо всегда глубоко анализировать действительность, с тем чтобы вскрывать все ее стороны, складывающиеся из различных и противоречивых моментов, никогда не доходя при этом до самонадеянности, до уверенности, что мы сами по себе можем сделать все.

Обрати внимание, что я ни в малейшей степени не склонен соглашаться с так называемой теорией о полезности и праве на ошибки, к которой часто взывают все те, кто намерен уйти из партии и отправиться к более привлекательным берегам. Я отвергаю эту теорию как уловку людей с грязной совестью, которые хотят отказаться от своих старых привязанностей, будь они истинными или фальшивыми. Отнюдь нет! Я лишь хочу сказать, что каждая идея, каждая теория всегда должна изучаться и проверяться на основе действительности. В то же время с ними необходимо бороться, непримиримо бороться в той степени, в какой они ошибочны, или в какой степени ошибочными их считаем мы. И борьба эта должна вестись не на основе предвзятых мнений или упрощенного деления всех и вся на белых и красных.

Таким образом, не право на ошибки, не терпимость к ним или ко всему тому, что может показаться ошибочным, а глубокая принципиальная критика, являющаяся правом и долгом всех, кто участвует в идеологической и политической борьбе, идеологических и политических дискуссиях. Это, впрочем, единственный путь развития науки и теории. Каждый должен ежедневно вносить в эту борьбу, в зависимости от личных способностей, частичку своего «я». И само развитие событий соединит эти усилия с ходом истории.

— Мне кажется, что эти полувековой давности споры об организации рабочего движения вновь встают сегодня, особенно в связи с проблемой советов делегатов от предприятий. По мнению некоторых, эти советы должны явиться новой формой организации представительства рабочих — более демократичной, более унитарной, более

широкой. Они, одним словом, должны заменить традиционную профсоюзную и производственную организацию, существующую ныне в рабочем движении.

— Мне не хотелось бы углубляться в суть различных теорий, противостоящих друг другу в этом вопросе. Я хотел бы лишь подчеркнуть, что необходимо остерегаться слишком простых сравнений, слишком явных аналогий, зачастую рискованных и обманчивых: не стоит забывать, что под одним мостом никогда не течет одна и та же вода.

— *В твоей осторожности, как мне кажется, отражается тревога многих наших товарищей, работающих в профсоюзах, а также простых рабочих по поводу того, что новые формы организации используются в корыстных целях наименее мощными профсоюзами для подрыва гегемонии ВИКТ¹⁷. Так ли это, или я ошибаюсь?*

— А я почему знаю? Я отнюдь не могу проникнуть в душу руководителей этих течений. Однако если их намерения именно таковы, то, я думаю, они весьма беспочвенны, поскольку за счет ослабления одного из компонентов профсоюзного движения нельзя усилить движение в целом.

Разумеется, проблема так называемой гегемонии или преобладания Всеобщей итальянской конфедерации труда в рабочем движении существует. Однако, если такая гегемония действительно имела бы место (и это было бы верно и в отношении гегемонии любой другой профсоюзной организации), она была бы не чем иным, как законным и естественным следствием политического курса ВИКТ, ее борьбы, преданности делу ее активистов. Было бы абсурдно и, я бы сказал, антидемократично пытаться искусственно ограничить или затормозить полное развитие любой профсоюзной организации, развитие, от которого в конечном итоге выигрывает все рабочее движение. Как я уже сказал, оно сильно соилой всех своих компонентов. Таким путем «старое» соединяется с «новым» без всяких разрывов и при наилучшем использовании всего оригинального опыта, накопленного различными отрядами итальянского профсоюзного движения. Этот путь помогает избежать такой ситуации, при которой стремление к «новому» приводит к пренебрежению еще сохраняющими свою ценность элементами «старого».

При этом я не отрицаю, что в неприязни к так называемой «гегемонии» есть и законное начало, которое следует иметь в виду. Иными словами, более крупные организации не должны подавлять более мелкие. Напротив, они должны обеспечивать всем организациям, всем отраслевым категориям, в том числе и наименее важным, возможности полного развития в соответствии с курсом, который в наибольшей степени отвечает интересам каждой из них. Только при этих условиях они смогут внести в общее движение частицу своего собственного оригинального опыта, который будет максимально способствовать завоеванию и организации определенных слоев трудящихся.

Профсоюзное единство, как, впрочем, и всякое другое единство — политическое или социальное, не может не быть единством разнообразных компонентов: единством в главном выборе, в общих целях или в тех, по которым имеется согласие, единством в многообразии тенденций и движений. В этом заключается ценность нашей генеральной унитарной концепции: единство в многообразии, самостоятельность в единстве.

Фабрично-заводские советы

— *Какая политическая проблема шире других обсуждалась в кружках и на рабочих собраниях?*

— Проблемой, вокруг которой велись наиболее жаркие споры, особенно в 1920 году, в связи и с борьбой рабочего класса, и с дискуссиями в социалистической партии, был вопрос о фабрично-заводских советах, идея которых была поддержана «Ордине нуово». Грамши, Тольятти, Террачини и товарищи из рабочих, разделявшие эти идеи, шли вечерами из одного кружка в другой, разъясняя собственную концепцию советов на предприятиях, зачастую противоречащую идеям профсоюзных и политических руководителей.

Мысль о фабрично-заводских советах выдвинул Грамши. Он считал, что движение пролетариата к революции должно выражаться в собственных формах и дать жизнь собственным институтам.

Сам Грамши позднее скажет, что в позиции «Ордине нуово» нашли свое воплощение в исторических условиях

Италии главные моменты стратегии и тактики Коминтерна. В 1919—1920 годах это означало выдвижение лозунга о фабрично-заводских советах и о контроле над производством, то есть о массовой организации всех производителей на борьбу за экспроприацию экспроприаторов, за замену руководством пролетариата буржуазного руководства промышленностью, а следовательно, и государством.

— *Таким образом, речь шла не о профсоюзном, не о партийном органе, а, в некотором смысле, о первой ячейке власти, которая должна была стать альтернативой капиталистической власти.*

— Совершенно верно. Движение фабрично-заводских советов понималось Грамши как руководящая идея и как движение снизу, которое ставило бы своей целью преобразование прежних внутренних комиссий в органы, являющиеся непосредственным выражением масс, которые должны были самоуправляться по месту работы. Фабрично-заводской совет поэтому должен был состоять из комиссаров цехов, выбираемых всеми работниками, как входящими, так и не входящими в профсоюз. Он должен был глубоко изучить механизм производства, с тем чтобы в перспективе, после создания внутри самого предприятия «пролетарской власти», взять его руководство в свои руки.

Против идеи фабрично-заводских советов выступали, однако, реформисты ВКТ, которые рассматривали ее в качестве одного из проявлений анархо-синдикализма.

Серрати считал ошибкой ставить на одну доску неорганизованные массы и рабочих — членов партии и профсоюзов. Турати говорил об «атомистическом вакууме» неорганизованных рабочих и тех же штрейкбрехеров, которые допускались на выборы фабрично-заводских советов. Однако на волне роста рабочего движения и постановки им на предприятиях и в стране в целом проблем завоевания свободы и власти идея фабрично-заводских советов распространялась среди рабочих, ее обсуждали на предприятиях. Она завоевала, особенно в Турине, горячих сторонников среди левых элементов самой профсоюзной организации. Во избежание малейших недоразумений «Ордине нуово» с самого начала проводит четкое разграничение между своими позициями и позициями анархистского толка. Однако Грамши заявляет, что в

движении в целом, в фабрично-заводских организациях анархисты, как и все трудящиеся, могли и должны были иметь собственное место.

В этом, как и во многих других фактах, например в терпимости и интересе «Ордине нуово», по сути дела, ко всем течениям политической мысли, имевшим место в стране, в рабочем движении и среди интеллигенции проявляется полное отсутствие элементов сектантства во взглядах Грамши на рабочее движение и культурно-политические дискуссии, хотя сам он, защищая свои идейные воззрения и свои политические позиции, постоянно вносил в эти дискуссии порой даже очень острую полемику. По инициативе Грамши в помещении Палаты труда Турина перед рабочей аудиторией выступали даже Маринетти¹⁸ и Преццоллини¹⁹.

— *Принимала ли активное участие в разработке концепции фабрично-заводских советов студенческая группа, в которую ты входил?*

— Я бы не сказал. Группа рассматривала проблему фабрично-заводских комитетов, скорее, в ее культурных аспектах, а не в плане политической борьбы. Разумеется, этот вопрос постоянно находился на повестке дня конференций, дискуссий и групповых бесед, в которых часто принимали участие Грамши, Тольятти, Террачини и сам Таска. Также и в этом относительном отсутствии интереса к политическому завоеванию новых сторонников заключается еще одно проявление недостаточного внимания ординовистов к проблеме организации поддерживающих их идеи сил внутри партии, а, следовательно, в более широком плане — к завоеванию партии и к ее преобразованию изнутри, к воссозданию ее на новых основах.

— *Может быть, в основе движения за фабрично-заводские советы лежала идея создать итальянский вариант советской организации, рожденной русской революцией?*

— Безусловно. Однако не следует забывать о различных условиях их появления. В России в 1905 году они возникли как органы самостоятельного управления пролетариата. Большевики рассматривали их в качестве зародышей органов революционной власти. Меньшевики — лишь в качестве простых административных органов. В 1917 году Советы представляли собой структуру, при помощи которой солдаты, рабочие и крестьяне вели свою борьбу и утверждали собственную политическую

ориентацию. Они представляли собой, таким образом, организацию, которая, по словам Ленина, позволяла трудящимся и угнетенным классам использовать возможность самостоятельно организовать государство и руководить им.

Однако в момент своего появления в России это была единственная фабрично-заводская пролетарская организация, и различные политические течения боролись за руководящее положение в ней. В Италии идея Советов, движение за их создание сталкивались не только с социал-демократической ориентацией, но также и с рабочей организацией, уже пустившей глубокие корни на предприятиях и в сознании масс.

Далее. В Италии уже давно получили широкое распространение идеи чисто сектантского и профсоюзного подхода к выступлениям рабочих. Эти выступления всегда сопровождались широкими консультациями с массами, в ходе которых принимались чаще всего решения по вопросам борьбы, ее содержания и ее задач. В ходе почти каждого выступления масс создавался так называемый Комитет агитации, в который входили не только представители рабочих, входящих в профсоюзы, но и представители всех трудящихся, независимо от того, были ли они членами профсоюза или нет, и всех течений рабочего движения (к примеру анархисты, которые в ряде районов имели определенную базу на предприятиях).

Для Грамши идея фабрично-заводских советов была, естественно, намного более емкой: «орган, являющийся спонтанным продуктом масс», который управлялся бы собственными силами, который среди своих задач имел бы задачу глубокого изучения механизма предприятия с тем, чтобы подготовиться к руководству им; орган «пролетарской власти», завоеванной в ходе самого производственного процесса с целью изменения экономической власти на предприятии, а затем и центральной политической власти.

Однако вся проблема заключалась в том, что этому движению пришлось столкнуться не только со своими откровенными противниками, но и с объективным препятствием в виде уже существовавших до него форм рабочего и профсоюзного движения.

— *Однако, возможно, препятствием было не только это. Главное препятствие заключалось в том, что советы*

стремились утвердиться в качестве альтернативной власти, второй власти. Это же, мне кажется, в тот момент было весьма утопической идеей.

— Вопрос, было ли это утопией или нет, следует решать, исходя из оценки обстановки того периода. Ты уже говорил в ходе наших бесед, что в непосредственно послевоенные годы в Италии существовали два классических условия, необходимые, по утверждению Ленина, для победы революции. Я в этой связи отмечал, что не было, однако, третьего условия: отсутствовала мощная революционная партия. И отнюдь не случайно, что вся политическая дискуссия, вся политическая борьба в рабочем движении непосредственно послевоенного периода велась вокруг вопроса о том, как создать на руинах войны, II Интернационала и банкротства ИСП истинно революционную партию.

Так было не только в Италии, но и в других странах, где по различным причинам развитие обстановки подошло к критической дилемме: революция или реакция. Анализ событий тех лет и история показывают, что в связи с самыми разнообразными по своей природе и характеру ошибками наиболее передовые отряды пролетариата капиталистических стран не сумели выполнить свою историческую задачу, и весь ход революции в Европе и мире претерпевал моменты застоя и даже регресса. Проблему, которую ты поднимаешь, следует рассматривать не только в рамках итальянских событий, но и в более широком контексте, в котором необходимо принять во внимание противоречие между различными общественно-политическими силами, действующими на данном историческом этапе. Иными словами, для анализа тактики и стратегии партии в тот период необходимо изучить самые разнообразные факторы в их совокупности.

— Имела ли студенческая группа в лучшие периоды своей деятельности реальное влияние среди студенческих масс и интеллигенции вообще, а также в народных массах?

— Группа, как я уже говорил, была создана с большим запозданием (более года спустя после окончания войны) и в лучшие моменты своей жизни объединяла максимум сто — сто пятьдесят товарищей. В подавляющем большинстве это были студенты высших учебных

заведений. Среди них было несколько товарищей, которые только начинали учебу. Были и такие, кто, как я, уже закончили или торопились наверстать годы, потерянные в связи с войной. Эти последние в большинстве своем пришли прямо с фронта, а следовательно, принесли с собой богатый жизненный, общественный и политический опыт.

В группы входили выходцы из самых различных районов Италии, в основном с Севера. Большую группу составляли товарищи из Триеста.

— *Были ли среди членов студенческой группы люди, которые с победой фашизма перешли, как говорится, на другую сторону?*

— Я не знаю никого, кто стал бы предателем в прямом смысле этого слова, во всяком случае, никого, кто вступил бы в фашистскую партию. Однако, возможно, были случаи примирения с фашистским режимом, когда он стал доминирующей во всей национальной жизни силой.

Я помню очень хорошо человека, который вначале был руководителем студенческой группы. Позднее я о нем ничего не слышал. Родом из области Венето, вероятно, из Тревизо, он носил маленькую светлую бородку. Был красноречивым и умеющим убеждать оратором. Если говорить о его политических убеждениях, то, мне кажется, он происходил из республиканцев.

Среди наиболее активных и боевых участников не только студенческой группы, но и Туринской секции поначалу был Витторио Де Бирази, окончивший инженерный факультет Туринского политехнического института. На каком-то этапе он создал вместе с Грамши группу «коммунистического воспитания». Но этому многообещающему политическому началу не соответствовала дальнейшая деятельность Де Бирази: впоследствии он стал одним из руководителей фирмы Эдисон. Я встретил его в 60-е годы на Сицилии, где он был в качестве представителя фирмы, имеющей там несколько предприятий; я — в составе делегации парламентской комиссии по промышленности и торговле, которая должна была посетить как раз эти предприятия. Обычная встреча, обычное знакомство: Де Бирази, Лонго — очень приятно, очень приятно. В разговоре я упомянул о моем происхождении и добавил: мы уже как-то встречались. Он, будучи ро-

дом из Кремоны, попытался сказать: ах, да, у меня в ваших краях есть родственники. На что я заметил: нет-нет, мы познакомились в туринской студенческой группе. Не помнит ли он, спросил я, Грамши, Террачипи, Тольятти? Он не нашелся, что ответить для продолжения разговора, и, не сказав ни слова, удалился...

В летние каникулы группа ежегодно разъезжалась по всей Италии. Однако после прихода фашизма к власти не все вновь возвращались в группу в начале учебного года. Именно тогда меня избрали секретарем группы, очень поредевшей численно и значительно сократившей свою деятельность. Многие ее члены под давлением семей и из необходимости содержать их вскоре отказались от политической деятельности и полностью посвятили себя службе.

Я помню, однако, несколько имен первых членов группы, тех, кто навсегда сохранил верность идеям и борьбе коммунистов, кто сражался в подполье и участвовал в Сопротивлении, кого я встречал в Испании, среди славных бойцов интербригад.

Среди них — Платоне²⁰, в поддержку которого группа организовала манифестацию протеста, требуя его освобождения, когда он был арестован за свои политические идеи. Велио Спано²¹, который, встретившись с Грамши в Риме, переехал затем в Турин, где в условиях подполья работал среди студентов. Якшетич, словак, который был арестован. Он вел жизнь, полную опасных приключений, преследований и страданий в Италии и капиталистической Югославии, всегда сохраняя при этом верность партии. Питтони, триестинец, который вместе с Якшетичем был моим товарищем в годы учебы в политехническом институте.

Всеобщая забастовка

— 1920 год был годом самых крупных выступлений рабочего класса не только в Турине, но и по всей Италии: в апреле — крупный локаут, объявленный хозяевами в связи с изменением графика работы на «Металлообрабатывающих предприятиях»²², и, как следствие, ответ рабочих. В сентябре начинается занятие предприятий. Что ты можешь рассказать нам об этих двух крупных выступлениях рабочего класса, которые оказали столь

решающее воздействие на все последующее развитие рабочего и политического движения в Италии.

— Год начинается мощной апрельской битвой, причиной которой стал перевод часов²³ на «Металлообрабатывающих предприятиях», что было сделано по приказу внутренней комиссии. Тем самым отвергался «легальный час», введенный во время войны. Предприниматели намеревались сохранить его и в мирное время. Это был протест против мер, напоминавших о войне и мешавших традиционному распределению времени между работой и семейной жизнью. В то же время это был вызов, брошенный органом рабочих всевластию хозяев, которые претендовали на право регулировать труд, дисциплину и внутреннюю жизнь предприятия по своему желанию, не спрашивая совета у рабочих. За несколько недель до этого предприниматели уже обращались к властям с протестом против «недисциплинированности» и «наглых притязаний» рабочих, угрожая при этом прибегнуть в кратчайшие сроки к всеобщему локауту.

— *Ты говоришь, что перевод часов на «Металлообрабатывающих предприятиях» был произведен по приказу внутренней комиссии. Насколько мне известно, такой приказ исходил от фабрично-заводского совета.*

— Нет, это не так. Совет еще не существовал. Я уже говорил, что в тот период движение за создание фабрично-заводских советов только набирало силу. Широкой сети же этих новых органов еще не было. Вопрос этот обсуждался. На некоторых предприятиях фабрично-заводские советы создавались заново, на других — происходила фактическая трансформация существующих внутренних комиссий в расширенные и более представительные органы — с выборами цеховых комиссаров, на третьих — внутренняя комиссия под давлением движения за создание советов брала на себя функции, которые шли намного дальше тех, которые за нею признавались в профсоюзных договорах. Этим и объясняются протесты ассоциаций предпринимателей против недисциплинированности, «хаотического состояния», как они говорили.

Я считаю, что в случае с переводом часов инициатива исходила как раз от внутренней комиссии, единственного, впрочем, органа, существование которого официально признавалось хозяевами, и слышать ничего не желавшими о фабрично-заводских советах.

Предприниматели начали свое наступление с увольнением трех членов внутренней комиссии. Рабочие предприятия ответили остановкой станков. После этого объединение предпринимателей металлообрабатывающих заводов объявило локаут. Силы общественного порядка встали, естественно, на сторону хозяев, осадив предприятия. Предприниматели тут же представили проект положения, которое должно было определить круг обязанностей рабочих органов на предприятии, значительно ограничивая их возможности. Это было не что иное, как наступление на свободу трудящихся и фабрично-заводских органов представительства рабочих, на само существование внутренних комиссий, на порядок их выборов и на их реальную власть.

— *Разумеется, предприниматели в полной мере сыграли на ошибке рабочих, втянув их в жестокую борьбу, для начала которой они сами избрали и время, и предлог.*

— С другой стороны, трудящиеся, профсоюзные руководители, «Ордине нуово», туринская газета «Аванти!» не могли более отказываться от боя, поскольку эта битва носила ярко выраженный политический характер защиты свобод и прав рабочих на предприятии.

Мужественное сопротивление рабочих продолжалось более двадцати дней. Власти в провокационных целях стянули в город и его окрестности крупные силы войск. Организации рабочих предприняли не особенно успешные попытки расширить борьбу путем вовлечения в нее батраков Пьемонта.

Всеобщая забастовка была объявлена во всех отраслях промышленности: это — «высшая точка массовой борьбы», за которую выступали руководители «Ордине нуово». Однако предприниматели сознавали принципиальное общенациональное значение забастовки и были готовы идти на все, чтобы победить ее.

— *Совершенно очевидно, что в тот момент следовало поддержать борьбу рабочих, чего не сделали ни социалистическая партия, ни ВКТ. Но имелись ли возможности расширить забастовку до общенациональной вокруг вопроса о «легальном часе»?*

— Социалистическая партия и ВКТ не поняли принципиального общенационального значения забастовки. Я скажу даже больше: они дошли до того, что стали убеждать организации ближайших областей не участво-

вать в борьбе туринских рабочих. Кроме того, в Милане состоялась встреча национальных руководителей ВКТ и ИСП для того, чтобы «похоронить трупик», как цинично заявит позднее один из профсоюзных руководителей.

В Милане эти люди решительно высказались против какого бы то ни было продолжения и расширения борьбы. Туринские трудящиеся, находясь в изоляции, предоставленные сами себе, были вынуждены отступить.

Грамши с болью в сердце констатирует, что «туринские рабочие потерпели поражение» в связи с «узостью умственного кругозора, присущего руководителям итальянского рабочего движения», в связи с «отсутствием революционного единства в рядах итальянского пролетариата, которому не удается выделить из своей среды естественным и организованным путем централизованное профсоюзное руководство, которое выражало бы его интересы и его революционные стремления»²⁴.

— *Сприано в своей «Истории Итальянской коммунистической партии» ставит в этой связи вопрос: а не могли ли они (туринцы) поставить перед собой прежде всего проблему эффективной политической и профсоюзной координации своих действий в национальном масштабе?*

В действительности, как мне кажется, проблема не состояла в том, чтобы расширить вначале движение фабрично-заводских советов на всю территорию Италии, поскольку эти советы в тот момент были, по сути дела, скорее, идеей, чем организационной структурой.

— Кроме вопроса о степени организованности и способности фабрично-заводских советов к руководству есть еще одно общее соображение, которое необходимо иметь в виду. Оно заключается в следующем: определенные действия, имеющие революционную ценность, — вроде тех, которые предпринимались, пусть и в связи с мелким предложением, каким был перевод часов, для утверждения новой власти на предприятиях, — нельзя доверять ни гению какого-либо руководителя, ни импровизации какой-либо группы. Они должны вытекать из органичного плана, в котором учитывалось бы реальное соотношение сил в данный момент, с одной стороны, и возможности хозяев к сопротивлению и контрнаступлению — с другой.

— *А нет ли в этом опасности переоценки силы противника и недооценки собственных сил, что может постоянно приводить к выводам оппортунистического ха-*

рактера, к решениям о выжидании и отсрочках борьбы?

— Конечно, такая опасность существует. Однако это не означает, что нужно идти на борьбу с закрытыми глазами, не видя непосредственных трудностей и возможных перспектив. Я утверждаю, что следует учитывать реальное соотношение сил не для того, чтобы капитулировать перед трудностями, а для того, чтобы создавать условия для их преодоления, разрабатывая в этих целях органичный план работы.

Напомню тебе ленинскую мысль о том, что с революцией не шутят. Эта мысль, которую Ленин всегда подчеркивал, сохраняет свою ценность для всех действий революционного характера, способных вызвать реакцию противника в условиях, когда у революционеров еще нет сил достойно встретить ее и победить.

Люди, которые считают, что каждое непосредственное выступление против хозяев, против собственности, какой бы она ни была, во всех случаях и в любой момент является запалом для пороховницы революции, это люди легкомысленные, объективно играющие роль орудия, легко используемого в своих целях противником.

Не только мы, коммунисты, но и все итальянское рабочее движение уже давно преодолело эту анархистскую и луддитскую концепцию революционной классовой борьбы.

Использование этих схем, которые ныне в большой моде в некоторых группках экзальтированных людей, доказывает чаще всего не силу, а отчаяние и разжигает, причем не только в переносном смысле слова, огонь полицейских репрессий и реакции.

Сегодня рабочее революционное движение является крупной и серьезной силой. Разумеется, опасность того, что это движение может быть использовано не должным образом, не в целях обновления и революционного прогресса, существует. Однако существует и опасность иного рода: опасность дискредитации этой силы путем необдуманных действий, вызванных импровизациями тупиц, для которых «передовые» цели — лишь в авантюрах, приводящих к дезорганизации и дискредитации сплоченных сил рабочих, трудящихся и прогрессивно настроенных студентов, объединенных в мощных боевых отрядах.

Ленинское учение — это огромный урок организации, руководства и борьбы именно против импровизаций и

стихийности. Что же касается далекого ныне периода, о котором мы ведем речь, то решение встававших тогда проблем слишком часто было отмечено импровизациями, оторванностью от реальных условий, отсутствием твердой воли к действиям. Именно поэтому история того периода была в основном историей отрицательной.

— *Можно ли сказать, однако, что в 1920 году существовала революционная ситуация?*

— Можно сказать, что в 1920 году было налицо мощное революционное движение в городе и деревне, однако его силы были разобщены, раздроблены в целой группе отраслевых организаций. Каждая категория трудящихся шла своим путем, который зачастую находился в противоречии с направлением и ориентацией других сил и различных организаций политического и профсоюзного характера.

Различные категории, различные течения вместо того, чтобы стремиться к объединению, к вовлечению в свою борьбу даже наиболее отсталых и наименее зрелых сил, вступали в конфликты, которые носили порой кровавый характер. И все это из-за пустяков, из-за конкуренции. Вспомни хотя бы о той ненависти, которой характеризовались отношения между активистами «белых» организаций²⁵ и «красных», между организациями ВКТ и профсоюзами анархо-синдикалистского толка.

На фоне этой разобщенности, отсутствия наступательной, унитарной или, по крайней мере, общей линии в главных вопросах стратегии и тактики действовали силы хозяев, которые очень быстро оправались после шока послевоенного периода и перед лицом угрозы рабочего наступления сразу же поняли, что следовало предпринять для защиты собственной власти и собственных привилегий. Вначале они заняли линию упорной обороны своих классовых интересов, а затем, после первых удачных попыток опоры на фашистские банды в городе и деревне, достигли всеобщего согласия о широком наступлении. Таким образом, им удалось повести за собой силы, которые могли бы стать их противником при более разумной политике руководителей социалистической партии и профсоюзов.

— *Если я правильно понимаю, ты считаешь, что нельзя говорить о наличии в начале 1920 года, в момент перевода часов, ситуации, безвозвратно потерянной для рабочего движения.*

— Нет, этого нельзя сказать. Однако совершенно очевидно, что развитие обстановки подошло к моменту разрыва неустойчивого равновесия, которое складывалось в период всего 1919 года.

Предупреждение, с которым предприниматели обратились к туринским властям накануне перевода часов, доказывает, что они полностью осознавали значение момента, к которому подошло развитие обстановки, и подготовили планы контрнаступления. Нет никаких доказательств, что одновременно и профсоюзные, а также политические руководители сделали то же самое. Они не разработали никаких планов ни для того, чтобы подавить контрнаступление хозяев, которое можно было предвидеть, ни для того, чтобы поднять в наступление рабочие массы, если они считали это возможным. Их застигло врасплох решение о переводе часов, принятое внутренней комиссией, которая действовала, конечно, по собственной инициативе. Их застиг врасплох уже подготовленный во всех деталях план контрнаступления хозяев, действовавших, во всяком случае в Турине, на основе директив централизованного руководства.

В этом заключалась драма апрельской битвы, которая открывала период классовой борьбы в Пьемонте и во всей Италии, период, начинавшийся поражением рабочих. К нему рабочее движение подошло — и это сейчас уместно отметить — в плену детских иллюзий и необоснованных амбиций.

В первый послевоенный период на предприятиях царил климат, как сейчас говорится, двоевластия: с одной стороны, власть хозяев, которая находилась под угрозой, с другой — власть рабочих и их фабрично-заводских органов. Рабочая власть оказывала влияние на решение различных вопросов, однако она носила неорганизованный, временный, стихийный характер. Наглядный тому пример — перевод часов. Этой власти недоставало внутренней дисциплины, четкого понимания своих целей и способов их достижения. Не было руководящего центра, который, ни в коей мере не снижая накала и не препятствуя стихийным выступлениям масс, координировал бы их борьбу за непосредственные и более отдаленные цели.

Существовала уверенность — и в этом как раз наивность руководителей того периода, — что двоевластие,

отражая в самом деле неустойчивое равновесие, должно обязательно развиваться в пользу рабочих. Чистейшей воды наивный фатализм подменял собой марксистскую, классовую диалектику. Отсутствовала правильная оценка силы, способности класса хозяев перейти в контрнаступление, имея при этом возможность полностью опереться на репрессивные силы государства. А это были силы, которым, конечно, не угрожали ни упадок, ни возможные противоречия. Напротив, они могли рассчитывать на единство сил государства, на смычку этих сил с руководящими группировками промышленности и сельского хозяйства. Таким образом, очевидно, что в этих условиях борьба за перевод часов велась наихудшим образом и не могла не закончиться поражением, о котором говорил впоследствии Грамши.

Занятие предприятий

— *Еще не утихло эхо апрельской битвы, как на горизонте уже просматриваются другие, более широкие и более трудные выступления рабочих — борьба металлистов за повышение заработной платы и за внесение поправок в трудовые договоры.*

Еще в детстве я слышал о занятии предприятий. Об этом говорили, как о каком-то кошмаре, о чем-то вроде генеральной репетиции революции. Сейчас, однако, мне кажется, что тот момент не был, конечно, наиболее благоприятным для рабочих, усталых и деморализованных провалом апрельской битвы. И все же в этих условиях борьба доходит до весьма передовых форм: до занятия предприятий.

— Вот как обстояли дела.

После трех месяцев переговоров профсоюзы не добились никаких результатов, поскольку хозяева, ободренные апрельским успехом, не собирались ни в чем уступать. Более того, они вели дело к фронтальному столкновению с тем, чтобы нанести новый удар по рабочей организации.

Помнится, как-то вечером, в туринской редакции «Аванти!» я встретил Бруно Буоцци, руководителя профсоюза металлистов, который приходил к нам, чтобы узнать новости по поводу переговоров между профсою-

зами и предпринимателями и сообщить нам свои сведения. «Что касается исхода битвы,— говорил он,— то на сей раз я настроен весьма пессимистично. Хозяева не желают ни в чем уступать, а правительство не намерено вмешаться, чтобы заставить их пойти на более разумные соглашения». Грамши тоже был далек от оптимизма. Буоцци говорил, что переговоры нельзя заканчивать, ничего не добившись. Решение о занятии предприятий было, таким образом, принято для того, чтобы оказать давление на правительство. Что же касается забастовки, то она представлялась в тех условиях тяжелой и слишком обременительной для рабочих.

— *Каким образом появилась на свет идея занятия предприятий?*

— Занятие предприятий было новой формой борьбы, проверенной с определенным успехом за несколько месяцев до этого на ряде отдельных предприятий. Эта мера была использована и для того, чтобы организовать протест, помешать закрытию заводов. В Пьемонте два ткацких предприятия фирмы Мадзонис в Торре Пелличе и в Понтеканавезе были заняты рабочими, и правительство вынудило хозяина пойти на соглашение. В Неаполе же на предприятиях Миани и Сильвестри рабочих заставили силой освободить цехи. В них стреляли, в результате чего один рабочий погиб.

Решение о переходе ко всеобщему занятию предприятий, благодаря своей новизне и более передовому характеру, было поддержано с энтузиазмом почти во всех районах Италии, особенно на Севере. Узнав об этом решении, хозяева и технический персонал покинули предприятия. Внутренние комиссии были преобразованы в фабрично-заводские советы, которые взяли на себя ответственность за поддержание дисциплины и порядка на фабриках, а также за ход производства.

Рабочие регулярно приходили на предприятия и занимали свои обычные места. Производство продолжалось, даже несмотря на саботаж и препятствия властей подвозу сырья и транспортировке готовой продукции с одного предприятия на другое. Фабрично-заводской совет там, где он был, действовал постоянно. Он следил за тем, чтобы работа, проделанная каждым рабочим, отгрузка и погрузка продукции были должным образом зарегистрированы. На предприятиях, где это оказалось

необходимым, инженеры и техники, не выходящие на работу, заменялись добровольцами извне. Я пошел работать в одну из административных служб ФИАТа на улице Данте. Точно так же поступили студенты, инженеры и служащие, располагавшие возможностями для этого.

Ежедневно главные предприятия, как, например, ФИАТ, издавали бюллетени о выпущенной продукции, тем самым показывая, что фабрика может прекрасно обходиться без хозяев и верных им инженеров. Работа была организована столь умело, что, когда речь пошла об освобождении занятых предприятий, фабрично-заводские советы передали хозяевам в сохранности не только здания, административные службы и оборудование, но и произведенную продукцию, которая была зарегистрирована и оплачена рабочим.

На ФИАТе передача проходила даже с некоторой торжественностью. Председатель фабрично-заводского совета Пароди и президент административного совета фирмы Джованни Аньелли²⁶ при этом обменялись краткими речами. В своем выступлении Аньелли дал высокую оценку порядку, который был сохранен в цехах. Рабочие же были довольны тем, что доказали свою способность к дисциплине и к самостоятельной организации производства.

— *Хорошо. Однако повсеместное занятие предприятий, организованное в политических целях, с самого начала обречено на провал, если оно не выливается в захват политической власти. И Джолитти²⁷, в общем-то, понимал это, предоставляя рабочим вариться в собственном соку.*

— Это действительно так. Правительство, которым в то время руководил Джованни Джолитти, заняло в той обстановке позицию, которая была расценена как весьма разумная, хотя вначале ее резко критиковали промышленники, возмущенные тем, что ставится под угрозу их «священное право» на собственность, а власти ничего не предпринимают для его защиты.

Правительство ограничилось тем, что организовало наблюдение извне, следя за тем, чтобы предприятиям не было нанесено ущерба. Оно не препятствовало входу и выходу рабочих. Оно, конечно, не обращало внимания на охрану, выставленную рабочими у входа, на крышах и

в других стратегических пунктах предприятия, прекрасно зная, что за этими баррикадами, заградительными стенками, заборами из колючей проволоки стояло, в лучшем случае, лишь несколько старых орудий, которые вряд ли могли стрелять. Самым воинственным элементом этой охраны были, пожалуй, шлемы па головах кое-кого из рабочих, оставшиеся в качестве воспоминания о войне и найденные неизвестно где.

— *Правда ли, что в Турине боеприпасов у вас было не более, чем на два часа боя?*

— Может быть, и меньше. Кроме того, правительство знало, что движение, сильное внутри предприятий, находилось в изоляции за воротами заводов. Организация батраков Федертерра²⁸, особенно влиятельная в районе Паданской низменности, не высказывала намерения призвать на борьбу своих членов. Реформисты, как в профсоюзном, так и в партийном руководстве, выступали против какого бы то ни было революционного развития движения за занятие предприятий. Оно рассматривалось и использовалось ими лишь как средство давления на правительство и хозяев. Социалистическая партия, с другой стороны, призывая крестьян и солдат быть готовыми выступить бок о бок с рабочими, делала это, как обычно, впустую, поскольку она не имела ни организационной структуры, ни какого бы то ни было руководящего органа, способного стать во главе пусть даже незначительного революционного движения. Рабочие массы в наиболее передовых городах так же были не в состоянии что-либо предпринять за пределами предприятий, в которых они находились взаперти, практически в качестве добровольных пленников.

Занятие предприятий, таким образом, непосредственно затрагивая право хозяев на собственность, могло показаться вначале и действительно казалось очень передовой формой борьбы. Однако, не будучи увязанным с перспективой завоевания власти, оно оказалось лишь одной из форм пассивного сопротивления, которое в плане охраны общественного спокойствия не доставляло властям никаких хлопот. Я бы сказал даже более того. О каких насильственных действиях и о каких целях могла идти речь? По воле профсоюзных и политических руководителей борьба ни в малейшей степени не выходила за рамки профсоюзного движения и не ставила перед

собой никаких политических целей. Речь не шла о промежуточных задачах, которые позволили бы осуществить шаг вперед, создав новые возможности для прихода рабочего класса к власти, для реализации его воли к победе.

Борьба постоянно велась в тех же рамках, в каких она была начата: за повышение заработной платы, против дороговизны и за контроль над производством. Все эти лозунги были бы, разумеется, передовыми и имели большое политическое значение, если бы контроль над производством рассматривался в качестве инструмента власти на предприятиях. Однако реформистские руководители рассматривали его лишь как контроль профсоюзно-корпоративного характера, то есть как более передовую форму сотрудничества между рабочими и хозяевами. Дело дошло до того, что сам Джолитти предложил ввести этот контроль в качестве компромиссного решения на переговорах. Хозяева не выдвинули против этого никаких возражений, будучи уверенными в том, что такой контроль никаких ущемляющих их интересы последствий иметь не будет.

— *В самом деле, в результате достигнутого по вопросу о контроле над производством компромисса на свет появляется проект закона, который и поныне лежит мертвым грузом в архивах. И только Буоцци предпринимает попытку вытащить его на свет, причем делает это после 25 июля 1943 года, то есть в период сорокапятидневного существования правительства Бадольо*²⁹.

— Вопрос о занятии предприятий был вновь поставлен на встрече высших руководителей ВКТ и социалистической партии в Милане, организованной в соответствии с пактом о союзе между ВКТ и ИСП³⁰. Политическая суть проблемы, однако, не рассматривалась. На встрече не говорилось не только о необходимости захвата власти, но даже и о борьбе за новое положение рабочего класса в системе политического управления страной.

Проблема эта продолжала рассматриваться в качестве обычного вопроса, относящегося к профсоюзной и экономической сфере. И контроль был предложен хозяевами лишь в качестве приманки. В действительности же он осуществлялся лишь сверху; хозяева рассматривали его только в качестве нового инструмента контроля над деятельностью и самостоятельностью трудящихся и их

организаций. Профсоюзные же руководители отнюдь не видели в нем инструмента контроля трудящихся, направленного против самоуправства и всевластия хозяев.

На встречах в Милане руководство социалистов выступило, как обычно, с позиций голой фразы. Оно говорило о переходе от занятия предприятий к их захвату. При этом, однако, не уточнялось, в чем различие между этими двумя словами, в каком смысле захват должен действительно стать поворотом во всей борьбе, для развертывания которой ИСП, впрочем, располагала лишь зажигательными лозунгами. Ведь все инструменты организации и руководства трудящимися массами находились в руках профсоюзных руководителей и реформистов, для замены которых попросту не существовало новых и более решительных людей. Все это свидетельствовало об общем отставании не только профсоюзных и политических руководителей, но и всего рабочего движения в целом, для воспитания и поднятия уровня которого ничего не было сделано ни во время войны, ни в период, за ней последовавший. Таким образом, мощный боевой потенциал движения за занятие предприятий, а также печальный конец этого движения еще раз и со всей настоятельностью показали неотложную необходимость создания новой революционной организации пролетариата, то есть новой партии.

Такова оценка, которую мы тогда давали. Впрочем, и сегодня она кажется мне справедливой. Вставала проблема организации масс на революционную борьбу, проблема создания партии нового типа, партии, как писал Грамши, «однородной, монолитной, имеющей свою теорию, свою тактику, партии, поддерживающей жесткую и суровую дисциплину»³¹.

Опыт показал и движение за занятие предприятий вновь подтвердило, что организации, существующие в рабочем движении (ВКТ, отраслевые профсоюзы, организация батраков Федертерра, союз между ВКТ и социалистической партией, в котором преобладающий вес имели депутаты-реформисты), отнюдь не способствовали усилению и лучшей расстановке сил трудящихся. Существование этих организаций приводило к тому, что они постоянно переключивали друг на друга ответственность. За ними крылось отсутствие серьезной координации и эффективного унитарного руководства всем рабочим дви-

жением, что стимулировало в более широком плане развитие оппортунизма. Они способствовали, таким образом, уничтожению всякой организации и всяких революционных возможностей. Одряхлевшая рабочая организация наглядно показала свое бессилие, что пугало и отдаляло от нее те слои, которые могли бы быть завоеваны на сторону рабочих. В период развития движения не было создано никакой действительно эффективной и прочной организации, которая знала бы, к чему она стремится, и не жила бы лишь одним днем, а двигалась вперед по глубоко разработанному плану, к ясным реалистичным перспективам.

— Однако о наличии этих задач не подозревали даже наиболее видные руководители социалистической партии?

— Да, это действительно так. Достаточно вспомнить Серрати — этого честного борца, в те годы, несомненно, наиболее авторитетного руководителя всего социалистического движения, который со страниц «Аванти!», по сути дела, руководил партией. Серрати писал, что «задача социалистической партии заключается не столько в том, чтобы повести массы на улицы, сколько в том, чтобы подготовить все силы социалистического движения, необходимого для укрепления нового режима и создания условий для его окончательной победы. В этом плане, то есть в плане создания «поддержки» (именно так говорил Серрати) революции Итальянская социалистическая партия является, вероятно, наиболее подготовленной». Это, конечно же, заблуждение, если посмотреть на позиции Серрати на основе советского опыта и ленинского учения. Впрочем, это заблуждение не покажется неожиданным, если мы вспомним, что для Серрати, как мы это уже говорили, «более революционным, по сути дела, было преобразование средств производства, чем все абстрактные заявления».

— Этим объясняется тот факт, что в период, следовавший после занятия предприятий, в октябре 1920 года необходимость окончательного разрыва с реформистами становится очевидной для всех групп, всех революционных течений, существующих в социалистической партии и во всех наиболее важных центрах Италии. Этот разрыв рассматривается в качестве средства окончательного отхода от псевдореволюционных традиций, укорре-

нившихся в ИСП, средства, благодаря которому рабочий класс получил бы руководство, «радикальным образом отличающееся от того, которое он имел раньше».

— Да, это так. Однако Ленин с самого начала говорил о настоящей необходимости порвать с реформистами. Он думал, таким образом, о расколе справа, в результате чего вне партии оказались бы реформисты. Однако ход событий, позиция, занятая Серрати против изгнания реформистов, привели к расколу слева, оставив в ИСП силы, которые могли бы быть завоеваны новой партией и воспитаны в коммунистическом духе.

ГЛАВА III
ВЕЛИЧИЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ
КОММУНИСТОВ 1921 ГОДА

Ливорнский съезд

— *Можно ли сказать, что занятие предприятий представляло собой высшую точку борьбы рабочих и социалистического движения Италии в послевоенный период?*

— Я думаю, да. В 1924 году Грамши, возвращаясь к этим событиям и анализируя их, заявил, что с занятия предприятий начинается период упадка рабочего движения.

Еще раньше Ленин отмечал, что движение за занятие предприятий не имело промежуточных целей, что ИСП не только не смогла добиться их осуществления, но и оказалась не в состоянии даже предложить их, что в тех условиях никто в Италии не показал себя истинным марксистом. Ленин считал, однако, что итальянская обстановка по-прежнему оставалась открытой для революционного развития, в связи с чем следовало как можно быстрее освободиться от контрреволюционеров, окопавшихся в ИСП. И именно после занятия предприятий идея разрыва с реформистами, а следовательно, и раскола партии находит все более широкое число сторонников среди левых элементов ИСП¹.

Грамши и Тольятти говорили о необходимости не допустить рассеивания наиболее передовых сил ИСП с тем, чтобы объединить их в новой партии, которая не отказалась бы в решающий момент от своей роли, партии, чьи руководители возглавили бы массы. Они думали о необходимости создания определенного типа политической организации пролетариата, определенным образом связанной с международным центром. В вопросе о необхо-

димости дисциплины взгляды Грамши и Бордиги на раскол совпадают.

Компромисс, которым закончилось занятие предприятий, оставлявший открытыми, по сути дела, все проблемы, не только не удовлетворил обе стороны, но и обусловил их твердую решимость использовать временную передышку для того, чтобы в ближайшие месяцы добиться реванша.

Однако в то время, как внимание рабочих и социалистов было полностью обращено на решение внутренних проблем движения, хозяева, в свою очередь, вели практическую подготовку к сопротивлению и контрнаступлению. К недовольству промышленников, считавших, что правительство бросило их на произвол судьбы в момент занятия предприятий, добавлялось недовольство аграриев, особенно в районе Паданской низменности. Аграрии с самого начала года вели упорную борьбу с широким движением протеста в деревне и были вынуждены под давлением правительства Джолитти пойти, в конце концов, на подписание соглашения, согласно которому доля крестьян-испольщиков в урожае возрастала до шестидесяти, а в ряде районов и до шестидесяти пяти процентов.

— *В подобной обстановке было нетрудно предвидеть, что в ближайшее время произойдет широкое столкновение противостоящих сил.*

— Ленин, в самом деле, предупреждал, что «буржуазия Италии и всех стран мира сделает все возможное, пойдет на все преступления и зверства, чтобы не дать пролетариату власти, чтобы свергнуть его власть»².

Еще в 1920 году промышленники и аграрии перед лицом роста движения трудящихся начинают объединяться в собственные организации, целью которых является защита их интересов и антисоциалистическая борьба. Крупные успехи, одержанные социалистами на муниципальных выборах в конце 1920 года, подталкивают, особенно в Эмилии, к активным насильственным действиям те группы антисоциалистического толка, которые создавались из авантюристов, обедневших военных, офицеров, демобилизованных для того, чтобы они оказали помощь силам реакции.

В этот период происходят первые нападения на руководителей и на помещения левых политических и проф-

союзных организаций. Дело доходит, таким образом, до чудовищной акции сквадризма³ аграриев Эмилии против муниципалитета Болоньи, где социалистический список одержал блестящую победу на выборах. Фашистские банды совершают нападение на здание, в котором находится муниципалитет, проникая при этом даже в зал заседания городского совета. Погибают девять социалистов. Однако буржуазная и фашистская пропаганда поднимает шум только вокруг смерти одного из советников — националиста Джордани, который впоследствии на протяжении многих лет будет символом фашистской буржуазной пропаганды всех мастей, синонимом так называемой «варварской и преступной сущности» рабочего и социалистического движения.

В то время как эти столкновения происходят на площадях и в деревнях Италии, различные течения социалистической партии ведут подготовку к съезду, который должен решить внутренние проблемы руководства и организации.

— *Каким образом ведется эта подготовка?*

— Вопрос был поставлен после занятия предприятий на заседании Руководства ИСП, где речь шла о принятии или непринятии «21 условия» приема в Коммунистический Интернационал⁴, а также о разрыве с реформистами. На этом заседании Террачини ставит вопрос без всяких обиняков: раскол слева или раскол справа? Он выступает против первого решения также и потому, что, как он говорит, «удаление из партии ее сплоченных и крупных течений окажет отрицательное воздействие на пролетарские массы, идущие из ИСП в связи с ее тактикой и ее экстремистской программой». За второе решение он выступает в связи с тем, что, по его мнению, оно не вызовет широких последствий, так как затронет партию лишь незначительно, поскольку реформисты имеют меньше последователей.

В этот момент еще казалось возможным осуществить раскол так, как это советовал Коминтерн, то есть путем простого освобождения партии от ее правого крыла. В самом деле, на этом заседании Руководства резолюция, предложенная Террачини: безоговорочно принять «21 условие» и разорвать с реформистами — была одобрена большинством голосов. Пять членов Руководства во главе с Серрати вновь заявили, однако, о необходимости

единства партии и сохранении самостоятельности в вопросе о «21 условии». Именно на этой основе позднее, перед съездом, во Флоренции будет создана новая фракция, которая затем получит название «центристской». Во главе ее станет Серрати. Создание центристской фракции означало, что эта группа не имела намерения блокироваться с коммунистами против реформистов, а предполагала оставаться вместе с этими последними под предлогом сохранения единства партии. К тому времени коммунисты уже открыто заявили о своем намерении создать новую партию в случае, если реформисты не будут изгнаны.

Линия водораздела между двумя партиями, которые фактически уже существовали в ИСП, сдвигалась, таким образом, влево. Раскол уже не был возможен в тех рамках, в каких этого хотели и на какие надеялись в Коминтерне, который до Ливорнского съезда считал возможным привлечь на свою сторону центристское течение Серрати.

Именно эта позиция Коминтерна, а также отказ итальянских коммунистов от каких бы то ни было компромиссов и соглашений с центристами и упорство Серрати в сохранении своих взглядов, приведут на Ливорнском съезде к расколу слева. Попытка Грациадей⁵ и Марабини⁶ (предпринятая в виде так называемого «циркуляра») перекинуть мостик между центристами и коммунистами не имела сколь-нибудь существенных результатов. И все те, кто поддерживал эту инициативу, в Ливорно пошли вместе с коммунистами.

Реформисты, собравшиеся в Реджо-Калабрии, заявили о том, что они более самостоятельны и более едины, чем Серрати, создали собственную фракцию, названную течением «социалистической концентрации». Их намерением было «отказаться», как они заявляли, «от катастрофических программ и в духе согласия и доверия посвятить себя расширению деятельности на уровне парламента, коммун, экономических организаций».

В конце ноября в Имоле официально встретились абстеиционисты и ординовисты, а также руководители Федерации социалистической молодежи. Целью встречи было создание коммунистической фракции, которая заявила о несовместимости присутствия в партии тех, кто выступает против «21 условия» приема в Коминтерн. Для

предотвращения каких-либо случайных компромиссов эту же мысль она повторяет в одном из своих официальных документов. С этого момента фракция начинает свою организационную деятельность в масштабах всей страны, в то время как до этого она велась каждым входящим в нее течением отдельно. Грамши, Пароди и Террачини избираются членами областного комитета фракции в Пьемонте, а мне поручается вести всю практическую организационную работу под их руководством.

Оформление различных фракций сделало более сложным и практически невозможным деятельность Руководства партии даже по самым незначительным вопросам, которые изо дня в день ставились перед ним. В связи с этим ни по одному из них не было принято унитарного решения, и все откладывалось до съезда.

— *Я читал, что товарищ Д'Онофрио⁷ выступил с критикой привычного представления о создании ИКП: у истоков рабочего движения существовали две фракции, которые оспаривали идеологическое и политическое руководство в социалистической партии: с одной стороны, ординувисты в Турине, и, с другой стороны, бордигуанцы, выпускающие в Неаполе в качестве своего органа газету «Совет».*

— Да, это так. В своих воспоминаниях, направленных на конференцию в Имоле по случаю пятидесятилетия создания коммунистической фракции, он писал, что схема, которую ты сейчас изложил, может быть использована лишь в случае, когда имеется стремление изобразить все в упрощенном виде. На самом деле, с точки зрения идеологической и политической, течения, которые ты назвал, были главными, однако не единственными в ИСП. Для углубления анализа сил, говорит Д'Онофрио, которые способствовали созданию коммунистической партии, необходимо принять во внимание и другие элементы, другие левые группы, действовавшие в тот период. Прежде всего, речь идет о молодежной федерации, чья организационная сила была значительной. Д'Онофрио подчеркивает в этой связи, что фракции Грамши и Бордиги в организационном плане не охватывали всю территорию, на которую распространялось влияние ИСП. Первая действовала почти исключительно в Пьемонте, а вторая — в Кампании: в Неаполе и ряде южных провинций. Каким образом можно тогда объяснить, спрашивает Д'Онофрио,

тот факт, что борьба за создание партии развернулась по всей стране и что повсюду коммунистическая партия нашла последователей, кадры и помещения? Это объясняется тем, что кроме двух фракций существовала еще одна, более крупная коммунистическая фракция. В ее состав входили молодежная фракция, в то время насчитывавшая шестьдесят тысяч членов, и газета «Авангард», выходявшая тиражом в двадцать пять тысяч экземпляров, которая проникала повсюду и оставляла далеко позади тираж газет «Ордине нуово» и «Совет».

Кроме того, следует иметь в виду, что Федерация социалистической молодежи в сентябре 1917 года единогласно одобрила платформу возникшей тогда фракции «последовательных революционеров», а в 1918 году приняла решение о том, что всем ее членам, которые по возрасту могут вступить в ИСП, следовало войти в эту партию с тем, чтобы внутри нее вести борьбу за превращение ИСП в подлинно революционную организацию. Когда события повернулись таким образом, что партия разделилась на течения — с одной стороны, ординовисты, бордигианцы (то есть те, кто выступал за участие в выборах, а также абстенционисты), с другой — максималисты и реформисты, позиция ФСМ в немалой степени способствовала ускорению процесса создания коммунистической фракции в Имоле, которая впоследствии должна была развернуть борьбу на съезде в Ливорно.

— *Мы подошли, таким образом, к знаменитому Ливорнскому съезду. Принимал ли ты в нем участие и в каком качестве?*

— Я был членом туринской делегации. Мою кандидатуру выдвинул и отстаивал товарищ Пароди. Не знаю, почему он это сделал: то ли в связи с тем, что я также был абстенционистом, то ли потому, что в секретариате пьемонтского комитета коммунистической фракции, руководимой Террачини, я выполнял всю практическую работу. А может быть, в мою пользу сыграли оба фактора.

Комитет в период своего существования, то есть за месяц с небольшим, разумеется, не смог провести большой работы. В секциях и федерациях раскол между различными течениями к тому времени уже произошел. С другой стороны, мы заметили трудность в том, чтобы заставить изменить позиции товарищей на местах, кото-

рые были очень привязаны к руководителям своих организаций. Эти руководители в то же время были связаны тесными узами с наиболее крупными деятелями национального масштаба, принадлежащими к тому или иному течению. Во многих партийных организациях патриотизм, привязанность к имени «старой и славной партии» были очень велики. Коммунистическая фракция и оба ее компонента — бордигианцы и ординовисты — не имели широко разветвленной структуры в масштабах всей страны. Периферия была, как правило, предоставлена самой себе. Лишь молодежная федерация имела более широкую и более прочную национальную структуру. Однако и она охватывала далеко не все районы страны. По сути дела, подавляющее большинство членов партии как во время войны, так и в ходе суровых битв на предприятиях сохраняло верность «старой и славной партии», которую представляла в первую очередь газета «Аванти!», руководимая Серрати. «Аванти!» распространялась во всех областях, за исключением Пьемонта, куда приходило ее туринское издание.

Таким образом, очень скоро мы были вынуждены констатировать, что максималистско-центристское течение Серрати превалировало почти повсеместно. Однако мы смогли пойти на съезд в Ливорно, поведя за собой в том, что касается Пьемонта, более шестнадцати тысяч голосов, отданных за коммунистическую фракцию: добрую четверть всех голосов, полученных ею в стране. В общей цифре Милан, где властвовали Серрати и Турати, а также весь Юг составляли очень незначительную часть.

— Ты назвал цифру шестнадцать тысяч. Каким образом удалось сосчитать эти голоса?

— Число голосов, отданных за различные фракции, не означало, что именно столько товарищей лично и непосредственно проголосовали за них. На собраниях в секциях участвовали, как правило, наиболее активные товарищи. Согласно практике, которой, как мне кажется, следовала социалистическая партия, результаты голосования присутствовавших членов партии были положены в основу пропорционального распределения делегатских мандатов на съезд между различными течениями. Разумеется, каждое течение активизировало в связи со съездом борьбу за вовлечение в партию новых членов с тем,

чтобы увеличить число своих сторонников. Однако у меня нет полной уверенности, что каждому новому партийному билету соответствовал реальный человек. На съезде в Ливорно подсчеты проводились на основе числа партийных билетов, выданных в течение всего 1920 года. Таким образом, цифры членов партии, «представленные» на Ливорнском съезде, оказались несколько раздутыми. К моменту своего создания в театре Сан-Марко наша партия формально имела пятьдесят восемь тысяч голосов, однако этим голосам, разумеется, не соответствовало такое же число членов партии.

— *Насколько мне известно, этот съезд не был образцом порядка и корректного поведения.*

— Я впервые участвовал в национальном съезде партии. И он произвел на меня огромное впечатление. Так называемая охрана съезда была организована товарищами из Ливорно, которыми руководил, как мне кажется, депутат Эмануэле Модильяни⁸, исполнявший в некоторой степени роль хозяина дома. Тучный, в очках, со своей знаменитой огромной бородой он был очень хорошо заметен в партере. В комических фильмах Чарли Чаплина он был бы как раз на месте в роли «приличного господина». Время от времени он проходил между рядами, раздавая направо и налево дружеские шлепки и рассказывая местные анекдоты, торопясь навести порядок там, где возникали мелкие ссоры. Делегаты различных течений сидели попеременно в партере и в ложах. Коммунисты усаживались предпочтительно слева по отношению к президиуму, максималисты и реформисты — в центре и справа. В ближайшей к авансцене ложе слева, как раз над президиумом, находились руководители коммунистической фракции (Бордига и другие). Там пашлось место и для меня. В ложах напротив президиума находились руководители центристов и реформистов. В президиуме были Дженнари⁹, тогда еще секретарь партии, Баччи¹⁰ и другие члены Руководства.

— *Какое впечатление производили заседания?*

— Заседания проходили в нервной и тревожной обстановке. Чувствовалось, что дело шло к принятию серьезных и окончательных решений. Именно поэтому заседания то бурлили, то замирали в тревожном ожидании, которое легко прерывалось аплодисментами и свистом, возгласами протеста и одобрения. В любую минуту

участники съезда были готовы подняться со своих мест для того, чтобы во весь голос заявить о своем одобрении или неодобрении чего-либо или кого-либо.

Турати слушали с уважением на протяжении почти всей его речи. В некоторых местах речи его сторонники, а также максималисты начинали бурно аплодировать. Бордиге и Террачини также удалось заставить выслушать себя. В зале раздался самый настоящий взрыв иронических выкриков и смеха, когда Террачини упрекнул реформистов в том, что у них не хватило смелости даже войти в правительство, несмотря на тот факт, что их политика была политикой сотрудничества с буржуазией.

— *А не думаешь ли ты, что, если бы реформисты вошли в правительство, у нас было бы по-прежнему буржуазное правительство? Ведь тогда нам удалось бы избежать правительства фашистского.*

— Трудно сказать. Для этого нужно было бы проанализировать всю обстановку под этим углом зрения.

— *Хорошо, что ты хоть не сказал, что история не делается с «если», потому что история, которая не стремится оправдывать все то, что произошло, только потому, что это произошло, должна иметь и свои «если». Но вернемся к съезду.*

— Я уже не помню фразу Террачини, в которой, как мне кажется, он называл заслугой Народной партии¹¹ тот факт, что она организовала и повела на политическую борьбу широкие массы крестьян, которые до того времени были предоставлены сами себе. Однако я помню, что в этот момент по всему театру пронеслись иронические возгласы: пи-пи, пи-пи, пи-пи. Этим ироническим термином в то время называли Народную партию, предшественницу нынешней Христианской демократии.

Серрати получил самый противоречивый прием: аплодисменты, свист и крики негодования. Казалось, что его лютой ненавистью ненавидят все. Для всех он был «предателем». Для коммунистов — потому что выступал против вхождения в III Интернационал, для реформистов — потому что он не «следовал» эволюционистским идеям, которые они считали присущими социализму.

Совершенно неприличным шумом справа — криками, свистом, оскорблениями была встречена и вся речь товарища Кабакчиева¹², который вместе с Ракоши¹³ пред-

ставлял Исполком Коминтерна. Имя Кабакчиева искажалось и превращалось в «Папачиева». Призыв отделиться от реформистов, с которым он обратился к съезду от имени Коминтерна, сравнивался с папской буллой.

— *Предпринимались ли во время съезда попытки достичь компромисса, с тем чтобы избежать раскола?*

— В какой-то степени позиция центристов и Серрати сама по себе была попыткой компромисса в том смысле, что, принимая «21 условие», они выдвигали требование предоставить самой партии решение вопроса о времени и способах выполнения этих условий. Однако эта позиция была лишь формально компромиссной, поскольку все прекрасно понимали, что главным вопросом, по поводу которого следовало высказаться, был вопрос об изгнании реформистов из партии или о примирении с ними. Фактически центристы отказывались выполнить свой долг в данном вопросе.

Несколько лет спустя Серрати признался, что единственной крупной ошибкой его жизни было то, что он, благодаря своему авторитету и своим добрым намерениям, породил движение, которое, как он надеялся, будет воплощать в себе революционное пролетарское единство и которое на деле имело как раз все, кроме революционного духа.

И лишь Пауль Леви¹⁴, присутствовавший в Ливорно в качестве представителя немецкой партии (из которой он вышел спустя некоторое время после Ливорнского съезда), счел дурным предзнаменованием для рабочего движения разрыв с максималистами и предпринимал попытки уговорить Серрати и Грациадеи оставить открытым путь к компромиссу. Однако в вопросе о разрыве с реформистами Кабакчиев был неумолим. Повторяем, сказал он, что Коминтерн отвергает всякую резолюцию, которая будет отличаться от резолюции, предложенной коммунистической фракцией, под которой мы подписываемся.

— *Значит, не совсем неправы те, кто утверждает, что раскол произошел лишь потому, что его желал Коминтерн.*

— Слова Кабакчиева могут с виду дать какое-то основание для выдвижения такого тезиса. Но дело в том, что, как указывает Сприано, Кабакчиев редактировал свой доклад и свой ответ, разумеется, с ведома Бордиги

и Грамши. С другой стороны, не было необходимости подталкивать к расколу, поскольку — и это явствует из всего, что мы уже сказали, — он был главным требованием коммунистической фракции, отказаться от которого она не могла.

Таким образом, можно с полной уверенностью сказать, что причиной раскола было не давление извне. Это был ответ, который по предложению коммунистов рабочее и прогрессивное движение Италии дало в послевоенный период банкротству и предательству реформистов.

Таким образом, раскол отвечал необходимости создать партию, способную провести анализ борющихся общественных сил, партию, которая привела бы массы к пониманию действительности, причин, ее создающих, и способов, при помощи которых ее можно изменить с учетом тех возможностей, тех препятствий, тенденций и противоречий, которые составляют эту действительность и постепенно изменяют ее объективные характеристики.

Утверждение о необходимости создания новой партии исходило из понимания противоречия между развитием обстановки в революционном направлении и неспособностью социалистической партии взять в свои руки руководство этой обстановкой, неспособностью, которая объяснялась условиями возникновения и развития ИСП.

— Остается, однако, фактом, что рабочие установки, на основании которых создавалась новая партия, предполагали революцию, в то время как в борьбе того периода уже намечался спад. Несомненно и то, что в течение нескольких месяцев эти установки было необходимо изменить и нацелить на сопротивление фашизму.

— Что ты этим хочешь сказать? Не считаешь ли ты, что мы могли бы вести непрестанную борьбу против фашизма на протяжении более чем двадцати лет, если бы мы не порвали с реформистами и не создали революционную партию ленинского типа, осознающую свою ответственность, способную к политическому анализу и идеологической непримиримости, имеющую богатый моральный и политический багаж, дисциплинированную и сплоченную? Те, кто вступил в коммунистическую партию в тот период и в последующие годы, были людьми — и это можно сказать со всей уверенностью — особого склада. С огромным мужеством и готовностью к жертвам

они боролись в опасной и трудной обстановке. И именно эти люди создавали историю партии — партии, которая смогла выполнить свои задачи благодаря тому, что объединила в единой организации исключительно стойких людей.

— *Во всяком случае, в тот период, когда налицо были вполне определившиеся позиции различных течений, съезду не оставалось ничего другого, как перейти к голосованию.*

— Его результат нам известен. Заключительным моментом участия коммунистической фракции в дискуссии в театре Гольдони стало выступление Бордиги, в котором он обратился к делегатам, голосовавшим за коммунистическую резолюцию, со знаменитым призывом покинуть зал и отправиться в театр Сан-Марко для того, чтобы создать Коммунистическую партию Италии. С пением «Интернационала» мы покинули театр Гольдони.

— *Это был, вероятно, драматический момент.*

— Хотя мы шли с пением «Интернационала», ни у кого не было праздничного настроения: ни у нас, кто уходил, чтобы создать новую партию, ни у тех, кто оставался в «старой и славной партии».

Мы, уходящие, понимали лежащую на нас огромную ответственность. Однако мы не могли не размышлять со всей серьезностью над тем фактом, что нас было намного меньше, чем мы предполагали, когда, создав коммунистическую фракцию, поставили вопрос о расколе. Лишь Бордига, вероятно, мог чувствовать себя удовлетворенным достигнутыми результатами, поскольку, по правде говоря, он и не боролся за большинство на съезде и беспokoился, скорее, о качественной стороне, о «чистоте» новой партии, чем о числе ее членов.

Те, кто оставался в театре Гольдони, понимали, что теряли наиболее динамичную и боевую часть рабочего и социалистического движения Италии и что жизнь новой партии не будет скоротечной, как это кое-кто предсказывал.

— *Таким образом, вы направились в театр Сан-Марко для того, чтобы создать коммунистическую партию.*

— Да, мы шли под массивной охраной полицейских и королевских гвардейцев. Рядом с нами, явно поддерживая нас, шли также группы рабочих и трудящихся Ливорно.

Театр Сан-Марко в то время был лишь слабым напоминанием о театре. В период всей войны здание использовалось в качестве склада военного снаряжения. Ложки были разрушены, в окнах отсутствовали стекла, двери не закрывались, и ветер, свободно проникающий в зал, гулял повсюду. Не было ни стульев, ни скамеек, и делегатам пришлось стоять. Все это выглядело очень грустно. Нас, однако, поддерживало и воодушевляло сознание исторического значения происходящего события. Работа съезда в театре Сан-Марко не была, впрочем, продолжительной. Все было подготовлено уже заранее. В тот же день, 21 января, партия была создана. Был принят ее устав и избран Центральный Комитет. Местом пребывания руководящих органов партии было решено сделать Милан. Центральным органом партии должен был стать новый еженедельник — «Коммунист». «Ордине нуово» с 1 января уже выходила как ежедневная коммунистическая газета. Перед началом работы съезда в театре Сан-Марко состоялось заседание делегатов, входивших в старой партии во фракцию абстенционистов, членом которой был и я. Некоторые из присутствующих выступили за сохранение, пусть и негласное, старой фракции. Мне вспоминается, что против этого очень твердо выступил Бордига. Свою позицию он объяснял необходимостью проявить лояльность по отношению к другим течениям, влившимся в партию, а также политическими причинами — в целях обеспечения единства руководства.

— *Как население Ливорно восприняло эти события и как оно следило за их развитием?*

— Рабочие встретили их с интересом. Правительство направило в Ливорно мощные силы полиции с целью предотвращения каких бы то ни было инцидентов. На улицах делегатов было легко узнать по их одежде, по тому факту, что ходили они всегда группами, зачастую вместе с кем-нибудь из хорошо известных руководителей. Фашисты не предприняли никаких попыток помешать работе обоих съездов. Не задевали они и делегатов. Собравшись группками возле баров и в других обычных местах встреч, они лишь наблюдали и обменивались ироническими улыбками.

Организационный комитет съезда устроил все наилучшим образом. Была договоренность и с хозяевами ресторанов об организации нашего питания. Я обедал в очень

чистом и уютном ресторане, находящемся недалеко от центра. Мы почти все время были вместе с другими делегатами Турина. За наш стол часто садился и Грамши. Порой к нам присоединялись и другие товарищи, которые подходили, чтобы поприветствовать Грамши или других руководителей.

Мне вспоминается организатор профсоюзного движения в Бьелле-Никколо. Это был высокий и худой человек, голос которого был столь сильным, что его слышали во всех углах зала. За одним из столиков всегда серьезный, всегда одетый в черное обедал туринский депутат Рабедзана, который до этого был чиновником городского муниципалитета. Он сидел насупившись, в одиночестве, и было ясно, что компания не привлекает его. К его чести, хотелось бы вспомнить о том, что он руководил Туринской секцией в годы войны, проявил несгибаемую твердость перед лицом репрессий. Его арестовали и предали суду в августе 1917 года в связи с туринскими событиями. Он также был членом коммунистической фракции.

— Не мог бы ты объяснить, почему Грамши не выступал в Ливорно — ни в театре Гольдони, ни в театре Сан-Марко? Ты знаешь, что в связи с пятидесятилетием образования партии некоторые журналисты вновь подняли этот вопрос и дали на него самые разные ответы, ни один из которых, однако, не является удовлетворительным. Некоторые утверждают, что Грамши не выступал по не заслуживающим внимания причинам: потому что в то время еще не было громкоговорителей; потому что, как утверждает Джансиро Феррата, ему дали понять, что он не был достаточно хорошим оратором для того, чтобы подчинить себе собрание с таким количеством противников; потому что состояние его здоровья не позволило бы ему говорить громко и его бы не услышали.

Другие авторы утверждают, что молчание Грамши следует объяснить психологическими факторами: его сдержанностью, неприязнью к съездовским дискуссиям, откровенным отвращением к сплетням, тем, наконец, что он был якобы огорчен брошенными по его адресу во время дискуссии в театре Гольдони оскорблениями. Даже в театре Сан-Марко римский делегат Д'Амато выступил против его избрания в Центральный Комитет новой партии. Ты неоднократно встречался с Грамши в

Ливорно и, вероятно, сможешь рассказать что-либо в этой связи. Не говорил ли Грамши за столом о причинах своего молчания?

— Нет, Грамши ни разу не коснулся этого вопроса. Серьезные политические проблемы он не обсуждал за столом. Я думаю, что во всех названных тобой причинах есть своя доля истины. Я помню, сколько оскорблений было брошено по его адресу в театре Гольдони. Я прекрасно помню эпизод с Д'Амато, который произвел на меня впечатление неуравновешенного человека. Представь себе, дело дошло до того, что Грамши обвинили в том, что он был якобы героем войны. И это при его физических недостатках! Это обвинение в то время находилось где-то посередине между обвинением в «интервенционизме» и в фашизме.

Мне кажется, что его молчание объясняется как отворачиванием к выступлениям с высоких трибун и к оправданию перед лицом столь низких обвинений, так и определенными политическими колебаниями и нерешительностью, несмотря на его четкие и ясные позиции, занятые перед съездом по вопросу о «21 условии» и о расколе.

В жизни Грамши в тот период можно отметить, впрочем, и другие проявления нерешительности и колебаний при принятии решений по политическим вопросам. Я имею в виду в данном случае то, о чем мы уже говорили: мы не дали прочной организационной базы движению фабрично-заводских советов в масштабах всей страны, не создали в момент занятия предприятий организационного центра, который руководил бы деятельностью этих комитетов, с опозданием приняли решение о союзе с абстенционистами и о четком отмежевании от реформистов.

В ходе дискуссий в комиссии IV конгресса Коминтерна, занимавшейся проблемой воссоединения Коммунистической партии Италии и ИСП, он сам признавал, что в тот период «изворачивался». В самом деле, речь, произнесенная им в этой связи, была очень запутанной и малопонятной даже для нас.

Тольятти, в свою очередь, говоря о создании партии и о первых годах ее жизни, вспоминал, что все те, кто был знаком с Грамши, знали о его глубоких разногласиях с Бордигой. «Но Грамши из боязни смешаться с

правыми элементами совершил ошибку, заключающуюся в том, что он не принял мер, чтобы, выступая совместно с Бордигой против реформистов и центристов, в то же время отмежеваться от него публично. Он не сумел в этот момент и в первое время существования коммунистической партии вести *борьбу на два фронта*»¹⁵.

Заочное избрание в руководство Федерации молодежи

— *Неделю спустя после Ливорнского съезда во Фьезоле состоялся съезд Федерации молодежи. Не мог бы ты рассказать об истоках ФСМ, характерных чертах этой организации, о ее деятельности?*

— Д'Онофрио рассказывает, что федерация была создана в 1907 году в ходе борьбы против групп и тенденций анархо-синдикалистского толка, в основе которых лежал тезис о том, что рабочее движение не нуждается ни в какой политической партии. Достаточно было якобы придать профсоюзам более классовый характер, а следовательно, и большее политическое значение. В борьбе против анархо-синдикализма ФСМ выступила с позиции поддержки ИСП, единственной существовавшей тогда рабочей партии, и делала это, используя все свои возможности, несмотря на преобладание в ней реформистских тенденций.

Что касается отношений между партией и молодежью, то в ИСП доминировала тенденция лишить Федерацию молодежи всякой возможности существовать и вести самостоятельную политическую деятельность, стремление ограничить эту деятельность лишь простой пропагандой, организацией пикетов и демонстраций во время профсоюзных битв и избирательных кампаний. Эта тенденция проявлялась в некоторой степени и в молодежной среде. На IV Национальном съезде федерации большинством голосов была отвергнута резолюция, выдвинутая Анджело Таской, который предлагал превратить ФСМ в некую «культурную» организацию, которая, как говорилось в документе, должна играть роль воспитательного органа, распространяющего культуру, стремящегося к развитию умственных способностей и духовных качеств молодежи. Задачей федерации поэтому дол-

жно было быть общее, литературное и научное воспитание с целью подготовки умелых организаторов и хороших пропагандистов путем совершенствования их профессионально-технического уровня, без которого, как утверждалось, нельзя осуществить социалистическую революцию. Речь идет, как мы видим, об откровенно патерналистской концепции, которая, основываясь на чистом воспитании, должна была держать молодежь в стороне от борьбы. В молодом Таске уже жила душа социал-демократа.

Однако молодые социалисты восстали против этой концепции и постоянно выступали бок о бок со всеми левыми течениями, образовывавшимися в партии. Они поддерживали и коммунистическую фракцию, которая после Октябрьской революции воплотила в себе новый дух и стала организатором истинно революционной борьбы. Стержнем всей политической деятельности ФСМ была борьба против войны, за мир. Эта линия постоянно присутствовала в борьбе молодых социалистов. Именно ею характеризовалось развитие молодежного движения, именно в этой борьбе Федерация социалистической молодежи добилась наиболее крупных успехов.

В тот период молодые социалисты зачастую оказывались единственными борцами против войны. К примеру, они были почти одиноки в борьбе против войны в Ливии¹⁶. Социал-демократическое течение считало колониальные войны «показателем прогресса и развития общества». После того как разразилась мировая война, молодые социалисты вступили в открытую борьбу против социал-патриотизма реформистов типа Турати. Военный трибунал Рима организовал процесс против ряда руководителей ФСМ, которые были затем осуждены на четыре-пять лет тюрьмы за публикацию антивоенного плаката, выпущенного на молодежной конференции в Берне в апреле 1915 года¹⁷. Когда отправка в штрафные роты солдат, подозревавшихся в симпатиях к социалистам, приобрела массовый характер, ФСМ организовала движение народной солидарности с ними. Во всех секциях и кружках молодежи был создан фонд помощи, средства которого использовались для помощи солдатам, отправленным в штрафные роты, а также тем, кто занимался в армии пропагандой. Летом 1917 года ФСМ выступила во главе крупных манифестаций в защиту мира, прокатив-

шихся по всей Италии. В июне Союз молодежи Рима с помощью Костантино Ладзари¹⁸, занимавшего тогда пост секретаря ИСП, организовал антивоенную манифестацию перед зданием парламента. В первый послевоенный период солдаты бригады «Сассари», размещавшейся недалеко от церкви «Святого креста в Иерусалиме», распропагандированные Д'Онофрио, отказались выехать в Албанию. В этой связи Д'Онофрио и другие члены руководимого им кружка были отданы под суд.

— *Можно ли сказать, что Федерация социалистической молодежи была третьим компонентом, но только организационным, при создании нашей партии?*

— На этот вопрос также отвечает Д'Онофрио. Разумеется, вклад молодежи особенно очевиден в организационном плане. Однако в то же время очевидна и политическая роль ФСМ, заключающаяся в том, что она воспитывала молодежь того времени в духе коммунистических идеалов. Эта молодежь, вступая в партию, укрепляла левые силы, которые уже боролись внутри ИСП за новую ориентацию.

Ясно, что Федерация молодежи не была центром идей, мнений, самостоятельных инициатив, какими были группы «Ордине нуово» и «Совет». Однако ФСМ возникла и вела борьбу еще до «Совета» и «Ордине нуово». В ее истории постоянно присутствовал важнейший политический и идеологический момент. Вначале это был антимилитаризм, а впоследствии — борьба против войны. В самом деле, во время первой мировой войны ФСМ занимала такие позиции и вела такую деятельность в массах, которая по своему размаху и по своей политической ориентации отличала ее не только от руководства социалистической партии, но и от всех других левых течений и групп, существовавших внутри ИСП. В ФСМ присутствовали все течения, которые имелись в ИСП. В газете «Авангард» выступали все представители различных левых течений социалистического движения. Тот же Бордига в течение ряда лет был даже директором газеты. Кроме того, после Октябрьской революции не было такой важной речи, произнесенной русскими товарищами, которая не публиковалась бы, не распространялась и не пропагандировалась этой газетой.

Как говорит Д'Онофрио, Октябрьская революция изменила всех нас без исключения: от Грамши до рабочего

Баттисты Сантиа, до Оберти из Турина, до меня, Д'Онофрио, из Рима. Я не разделяю позиций тех, кто стремится представить Грамши грамшианцем с самого рождения, скрывая при этом идеологические и человеческие трудности, через которые он прошел и с которыми пришлось столкнуться всем нам в сложном и трудном процессе формирования и создания партии. Я не могу понять, почему нужно скрывать или ослаблять значение того факта, что на нас всех воздействовали и решающим образом влияли идеи Октябрьской революции, идеи Ленина, указания Коминтерна. Неужели мы должны стыдиться этого?

Кое-кто развлекается тем, что выискивает в политической деятельности Грамши и Тольятти следы влияния Кроче. При этом, однако, эти люди забывают обратить внимание на все те элементы, которые своим появлением в творчестве этих наших руководителей обязаны Ленину, марксизму, ленинизму, Великой Октябрьской революции. Мы росли интернационалистами, и мы стали еще более интернационалистами в разработке задач общей борьбы в прошлом. И сегодня мы обладаем большей, чем когда-либо, способностью разрабатывать и претворять в жизнь собственную теоретическую и практическую линию, соответствующую итальянской обстановке в данный исторический момент. Именно в этом заключается марксизм, творческий ленинизм. Также и поэтому нельзя не сказать о той роли, которую ФСМ сыграла в политической и идеологической дискуссии в период, предшествовавший образованию партии. В тот период существовало множество идеологических позиций. Все вместе они являлись источником хаоса в социалистическом движении, хаоса, который присутствовал и в левых течениях и группах. Но в этот момент колебаний и хаоса, отсутствия перспективы всех нас захватили и повели вперед, отмечает далее Д'Онофрио, события Октябрьской социалистической революции. Эта революция, благодаря своей идейной силе, дала толчок развитию нашего мышления, всей нашей деятельности. В Ливорно мы все достигли согласия о необходимости бороться с реформистами и центристами и создать коммунистическую партию. Для характеристики этого периода можно было бы использовать, перефразируя, знаменитую мысль: мы создали коммунистическую партию, теперь необходимо создать коммунистов.

Именно на этом втором этапе столкновение с Бордигой становится неизбежным. В его взглядах, в бордигизме вообще следует различать два момента. Момент политической и пропагандистской борьбы против реформизма, неспособности руководителей ИСП и ВКТ возглавить революцию, и, с другой стороны, момент теоретической разработки тактики и стратегии итальянских коммунистов. Мне кажется, что большая часть товарищей примкнула к Бордиге, поскольку в тот огневой период позиции и действия Бордиги казались смелыми, решительными и боевыми. Однако эти же товарищи отошли от Бордиги или же стали сомневаться в нем, когда, к примеру, в период борьбы против фашизма Бордига выступил против участия нашей молодежи в группах «народных смельчаков»¹⁹, а также когда он в условиях начавшейся победы фашизма начал маневрировать внутри партии и международного коммунистического движения.

Подавляющее большинство делегатов съезда во Фьезоле решительно высказалось за преобразование ФСМ в Федерацию коммунистической молодежи и за ее слияние с коммунистической партией. На съезде поэтому не могли возникнуть ни драматические моменты, ни сложные проблемы тактики. В самом деле, в первый же день съезда позиции немногих делегатов реформистского или центристского толка были опровергнуты весьма простым способом. Без лишних слов эти люди были выставлены за дверь.

— *А были ли среди этих изгнанных те, кто затем стали руководителями национального масштаба?*

— Да. Фернандо Санти²⁰ остался в старой федерации, и мне кажется, что уже тогда среди молодых социалистов он занимал одно из первых мест. Действительно, позднее ему было поручено руководство новым еженедельником ФСМ «Джовенту социалиста». Газета «Авангард», которая всегда была молодежной, перешла к большинству, то есть к коммунистической федерации.

— *За период после съезда во Фьезоле и после Сопротивления Санти проделал огромный путь. Он был ближайшим сотрудником Ди Витторио²¹ и постоянно действовал в согласии не только с ним, но и с коммунистами вообще.*

— Действительно, Санти всегда и последовательно выступал с унитарных позиций. Он уважал и высоко ценил нашу партию и наших товарищей за их верность и преданность делу. Таким же уважением и вниманием пользовался и сам Санти в среде коммунистов. Он любил повторять, что был единственным истинным реформистом. Это утверждение носило определенный полемический и иронический заряд и было направлено против социал-демократов, которых он считал в высшей степени приспособленцами, жуликами, любителями доходных кресел и легких заработков. Он всегда оставался верен своей партии, несмотря на то, что критиковал ее за непоследовательность и за определенную моральную и политическую слабость, особенно после разрыва пакта о единстве действий с коммунистами. Он умер социалистом, руководителем рабочего движения, разделявшим и понимавшим его чувства и чаяния. Он умер большим нашим другом.

— *Ты принимал участие в съезде во Фьезоле?*

— Нет, не принимал. После съезда в Ливорно я не осмелился взять еще одну неделю каникул. Политическая деятельность начала отражаться на моей учебе. Я уже не учился так, как мне этого хотелось. Первый курс политехнического института был для меня успешным. Второй прошел кое-как, а на третьем я стал пропускать даже экзамены. После «похода» Муссолини на Рим, когда началась моя подпольная деятельность, уже и речи не могло быть об экзаменах. Однако добрые намерения я сохранял в течение длительного времени. Многие годы подряд я возил из города в город, из тюрьмы в тюрьму книги и разработки к экзаменам, которые мне еще нужно было сдать. Я все время надеялся на лучшие времена. У меня уже было двое сыновей, а мои чемоданы были по-прежнему наполнены институтскими учебниками, что вызывало гнев моей жены, которая ругала меня за лишний вес и лишнее место, которое эти книги занимали. И это случалось часто, так как, не желая подпасть под око полиции, мы постоянно меняли место жительства. Моя жена сразу же поняла, чем закончится эта история с экзаменами, хотя по своей доброте она часто предлагала мне свою помощь в учебе. Мудреность терминов и сложность математических формул отнюдь ее не пугали.

— Если я не ошибаюсь, во Фьезоле ты был избран членом руководства Федерации коммунистической молодежи?

— Да, это был более чем редкий случай: ведь меня выбрали, хотя я и не присутствовал на съезде и был почти неизвестен большинству делегатов. Я ни разу не принимал участия в общенациональных конференциях Федерации коммунистической молодежи. Мою кандидатуру выдвинула и поддержала туринская делегация, во главе которой был товарищ Марио Монтаньяна²², высоко ценивший меня. С тех пор, благодаря авторитету, которым я был обязан своим положением национального руководителя, я участвовал в заседаниях всех руководящих органов Федерации коммунистической молодежи Туринской провинции и в самом Турине. Я участвовал в заседаниях в качестве приглашенного. В действительности же мне приходилось выполнять роль советника этих товарищей, которые, впрочем, охотно принимали мое сотрудничество. Это соответствовало моему характеру, в котором крылось стремление избежать проповедей из президиума и с трибуны. Эти живые контакты с молодежью давали мне возможность непосредственно познакомиться со всеми проблемами движения, а также конкретизировать мое участие в работе национального руководства Федерации коммунистической молодежи. Именно тогда начинаются мои частые поездки из Турина в Рим на заседания руководства Федерации коммунистической молодежи.

— Кто в национальном руководстве молодежного движения был в те годы наиболее активным?

— Назову Берти²³, секретаря Федерации коммунистической молодежи, который был теснейшим образом связан с Бордигой и был, можно сказать, почти его воспитанником. Так продолжалось до «похода на Рим», после которого Берти пережил политический кризис и занял откровенно правые позиции в партии, примкнув, в частности, к Таске. Назову Касситу, отвечавшего за газету. Это был очень способный товарищ, родственник каких-то весьма влиятельных семей Сардинии. Во время войны итальянский военный трибунал приговорил его к смерти за антимилицаристскую деятельность, и ему удалось спастись в самый последний момент, как раз благодаря вмешательству могущественных родственников.

Это был обаятельный, толковый, скромный, остроумный товарищ с прекрасными черными глазами. И мы часто подшучивали над ним за то, что он пользовался успехом у наших женщин.

Среди товарищей, которые работали в Риме, был управляющий делами Димиркантонио, бухгалтер по образованию, постоянно озабоченный проблемой изыскания средств для партийного аппарата. Если ты обращался к нему с просьбой об авансе, то от волнения он даже начинал заикаться. Мы были вынуждены постоянно спорить с ним по поводу возмещения расходов на поездку и на питание. Эти расходы зачастую или не оплачивались, или сводились до минимума, которого хватило бы лишь на обед в «трактире слез», как мы его называли потому, что он не внушал нам ничего, кроме тоски.

Среди руководителей был Д'Онофрио, который участвовал в наших собраниях в качестве представителя Рима. Кроме меня в руководство входили Альдо Горелли из Милана, Челестино Тело из Кремоны, который умер от туберкулеза несколько лет спустя, Монтанари²⁴ из Реджо-Калабрии — удивительный человек, рабочий, скромный и кристально честный, который впоследствии стал управляющим делами нашей партии. Он был убит на одной из станций метро в Париже провокатором из троцкистской организации, которая критиковала партию «слева».

Были также Фальчипьери из Венето, Фраузин²⁵ из Триеста, который возглавил борьбу партизан в своем городе и, как утверждают, был заживо сожжен немцами. Были еще несколько человек, чьих имен я не помню. На этих заседаниях руководства Федерации коммунистической молодежи я глубже узнал Д'Онофрио, который, хотя ему и было лишь 20 лет, уже считался ветераном молодежного движения. Уже в тринадцать лет он вступил в борьбу за социалистические идеи. Когда он впервые попал под суд, то был очень унижен тем, что его, как несовершеннолетнего, отделили от других обвиняемых. Нет необходимости говорить, что уже несколько лет спустя он вновь удостоился «чести» попасть под суд. На сей раз его судили вместе со всеми другими, поскольку он уже подросток.

Приезжая в Рим, я останавливался или у него, или у его невесты. Они жили рядом в одном из домов, которые стояли особняком сразу же за районом Санта Кроче.

Вокруг, где сегодня повсюду видны дома, в то время были луга и поля. Вблизи и вдали были видны стены, башни, арки Древнего Рима и луга, как это обычно изображается на картинах XVIII века.

— Ты, таким образом, достаточно хорошо был знаком с товарищем Д'Оноффрио?

— Да. С наших первых встреч мы сразу же понравились друг другу. Нас объединяли определенная общность темперамента, стремление к ясности, строгость в вопросах политики и морали. Повороты в нашей борьбе часто приводили нас к совместной работе. Вся жизнь Д'Оноффрио была жизнью молодого рабочего, ставшего активистом, а затем одним из высших руководителей партии и рабочего класса благодаря, в первую очередь, его воле, его стойкости, его политической страстности. Он овладел основами теории и практики марксизма-ленинизма, используя все свои силы для работы и учебы. Он завоевывал знания частичку за частичкой, точно также, как в детстве ему приходилось бороться за каждую крошку хлеба. Он работал и учился, овладевая профессией, и активно боролся в социалистическом движении. Из ученика слесаря он стал рабочим. Изучил черчение, стал токарем, а затем и наладчиком. К зрелому возрасту он подошел с огромным опытом. Мальчик на побегушках у хозяина лавки стал пропагандистом, журналистом, политическим руководителем.

— Твоя оценка Д'Оноффрио для меня очень интересна, потому что я также очень хорошо знал этого товарища. Разумеется, уже после Освобождения, когда он стал руководителем Римской федерации. Я в то время был секретарем одной из секций нашей партии в центре Рима. Так я познакомился с Д'Оноффрио. Со временем мы стали друзьями, так как именно при нем я вошел в аппарат федерации и стал руководителем организационного отдела римской городской организации.

— По моему мнению, Д'Оноффрио был лучшим секретарем из тех, кого когда-либо имела Римская федерация (по крайней мере, до тех пор, пока я имел возможность непосредственно наблюдать деятельность партии в столице). Я считаю так потому, что он не только сумел выработать реалистичную и открытую для других сил, лишенную сектантства политическую линию того периода (именно ему принадлежит идея Народного блока²⁶),

но прежде всего потому, что ему удалось создать в Риме в сложной обстановке общественного распада, когда отсутствовали крупные рабочие организации, крепкую, организованную боевую федерацию. В нем поражали упорство, с которым он отдавался работе, способность мобилизовать товарищей, человечность и понимание, с которыми он умел подойти к личным делам каждого из нас. Его жизнью была партия. Ей он посвящал все свое время, все свои мысли и даже те немногие часы, в которые мог бы быть свободным. Таким образом ему удавалось заечь и нас, руководителей, из которых он сумел создать однородную группу, несмотря на то, что в нее входили товарищи различных поколений и различного социального происхождения: Наннуцци²⁷ — рабочий-типограф, Натолли²⁸ — врач, Перна²⁹ — адвокат, Маммукарри³⁰ — тоже интеллигент, который, однако, познал тюрьму и ссылку, Бонджорно³¹ — осужденный не за что иное, как за события 1925 года в Пальми³².

Таким образом, мы провели вместе несколько незабываемых лет, с утра до вечера полностью поглощенные партийной деятельностью. Я не помню такого вечера, когда мы не побывали бы в одной из секций, независимо от того, были ли там собрания или нет. Во всех случаях мы были вместе с товарищами. Иногда эти встречи происходили, как это принято в Риме, в одном из ресторанчиков. Мы горячо спорили, поднимали крупные внутренние и международные проблемы, и нас согревал огонь великой надежды. А развешанные вокруг лампочки разжигали фантазию. Мои отношения с Д'Онофрио были самыми откровенными из тех, что я когда бы то ни было имел с людьми. Разговаривая с ним, я не таил ничего, говорил все, что было у меня на уме, не размышляя при этом, что мне выгодно, а что невыгодно.

Но вернемся к 1921 году.

Фашистское наступление

1921 год был годом активных вылазок фашистов. Коммунистическая партия, возникшая для того, чтобы организовать и повести массы на революционное восстание, тут же вплотную занялась организацией отпора реакционному контрнаступлению и спасения собственной сла-

бой организации перед лицом сквадризма. Партия не сразу поняла и оценила тот факт, что поражение движения за занятие предприятий и фашистское контрпредприятие коренным образом изменили соотношение общественных сил. Она рассматривала обстановку и новые задачи, исходя из тактики и стратегии, разработанных ранее, в предвидении перспективы революции. Однако обстановка решающим образом изменилась.

С одной стороны находились консервативные и реакционные силы. Они стремились к реваншу и мести, располагая для осуществления своих планов достаточным количеством людей, средств, вооружения. С другой стороны стояла социалистическая партия, обескровленная расколом и внутренними разногласиями, подрывавшими ее сплоченность и снижавшими эффективность ее действий. Она по-прежнему оставалась на позициях словесной принципиальности. «Все говорят о революции, но никто ее не готовит», — заметил как-то Серрати.

— *А в это время разрушительные силы фашистских банд укреплялись.*

— Совершенно верно. Уже осенью 1920 и зимой 1921 года были уничтожены крестьянские лиги в Эмилии и палаты труда в Милане, Болонье, Ферраре и Ровиго. Весной 1921 года фашистские волны охватывают Триест, Венето, Пьемонт, Ломбардию, Тоскану. Организуются поджоги народных домов³³ в Сиене, а затем и в Ареццо и Прато. Все более частыми становятся карательные экспедиции в провинциях Мантуи, Виченцы, Истрии, в Савоне, Турине, Милане.

В то же время расширяются, по правде говоря, и ответные действия пролетариата. Однако они недостаточно сильны, поскольку затрудняются пацифистскими проповедями реформистских и профсоюзных руководителей. Все дело в том, что рабочему движению приходится бороться не только с фашистскими бандами. Их охраняют и поддерживают государственные органы — от полиции до судов. После каждого столкновения фашистов с антифашистами, когда фашистам достается по первое число, реакционная пропаганда, а также газеты так называемых благомыслящих кругов сразу же начинают говорить о большевистских засадах. Попадают под суд и наказываются не те, кто нападает, а те, на кого нападают, не те, кто разрушает, а те, кто защищает народные дома

и помещения рабочих и профсоюзных организаций.

— *Точно так же, как кое-кто хотел бы сделать и сегодня.*

— Да. Именно так, как это было в ряде случаев сделано и как пытаются сделать в более широком плане. С того времени прошло почти полвека. Память об этих событиях ослабла в умах их организаторов и свидетелей. Уроки же этих событий не были в достаточной степени переданы новым поколениям. Конечно, рабочее движение, народные массы, демократические партии и движения составляют сегодня сплоченный блок сил, который не существовал пятьдесят лет назад. Однако что касается терпимости и попустительства государственных органов, то между сегодняшними событиями и событиями полувековой давности заметна параллель, которая не может оставить нас равнодушными и спокойными.

Когда полиция получала сообщения о возможных столкновениях, она подвергала обыску лишь помещения организаций и жилье так называемых «подрывных элементов», благодаря чему фашистские провокации получали зеленую улицу. Тогда говорилось, что речь идет о необходимости избежать «насилия, с какой бы стороны оно ни исходило». Однако полицейские власти, организовавшие массовые облавы, обыскивали только дома трудящихся и помещения рабочих организаций. Никто не разыскивал оружие фашистов, спокойно лежавшее на складах и в тайниках, всегда в распоряжении тех, кто его туда поместил. Аналогичные вещи происходят и сегодня. В меньшей степени, но происходят.

— *Таким образом, тезис о борьбе с «двумя противоположными крайностями» не нов и имеет вполне определенное значение. Он означает терпимость, защиту правого и фашистского экстремизма.*

— Именно так. И это зло необходимо уничтожить в самых его корнях, хотя сегодня мы еще и не дошли до обстановки 1921 года, обстановки самого откровенного и наглого попустительства властей и правительства.

В то время фашисты зачастую получали оружие из самих военных складов. Порой фашистские банды, пришедшие со стороны, находили приют даже в казармах. Когда дело принимало острый оборот, те же самые карабинеры, Королевская гвардия, полиция приходили на

помощь фашистам, спасая их от хорошего урока. В общем, сами вооруженные силы государства, созданные по закону для защиты порядка, свободы и неприкосновенности граждан, играли в действительности роль стратегических резервов в наступательных планах фашизма.

Вот несколько фактов. В маленьком городке Скандиччи, недалеко от Флоренции, были, к примеру, использованы даже бронев автомобили и батарея пушек 75-го калибра. Эмполи, Синья, Прато, которые стойко защищались перед лицом фашистских вылазок, были с трудом захвачены полицией. Только в Сарцане карабинеры выступили против занятия города фашистами, и те были обращены в бегство выступившими массами, покидая при этом на поле боя раненых и убитых. Только в Парме население района Ольтре-Торренте, возглавляемое и вдохновляемое бесстрашным Цицелли²⁷ сумело с по-

** — Борьба таким образом велась в очень неравных условиях не только в связи с необыкновенным количеством оружия у той и другой стороны, но также и разницей в тактических условиях, в которых приходилось действовать.*

— Фашистские банды могли проводить наступательную тактику и располагать большой свободой именно благодаря тому, что они действовали в условиях не только попустительства властей, но и почти полной безопасности. Они нападали внезапно, постоянно расширяли радиус своих вылазок, используя эти позиции силы. В то же время рабочие группы находились под наблюдением, были разоружены, запуганы и дезорганизованы вмешательствами полиции. Им приходилось действовать в обороне, отвечая на фашистские нападения и ограничиваясь лишь сопротивлением и временными контрнаступлениями.

К счастью, сегодня обстановка иная. Однако я считаю, что не следует пассивно ожидать, чтобы она стала похожей на обстановку 20-х годов. Напротив, мы должны осознавать, что следует не только разоблачать происходящее, но и оказывать сопротивление фашистской агрессивности, бороться против нее, переходя в наступ-

ление, принуждая к исполнению своего долга государственные органы и всех тех, чьей задачей является защита свободы, демократии (руководители, институты, различные организации).

— *Какова была позиция нашей партии по частному вопросу антифашистской борьбы перед лицом организационной и политической растерянности, которую фашистские насилия вносили в рабочее движение?*

— Своей пропагандистской деятельностью наша партия стремилась поднять массы на борьбу и на создание для себя таких условий, при которых она могла бы дать соответствующий ответ вооруженным вылазкам. Однако вся эта деятельность находилась в слишком глобальных, а потому и далеких от действительности и от задач момента общеполитических рамках. В основе такой постановки вопроса лежал слепой фатализм, по которому исход битвы, как утверждалось, обязательно будет в пользу пролетарских сил.

Такой подход к проблеме, при котором учитывалась только главная, историческая линия и не принимались во внимание конкретные аспекты обстановки и развития событий, есть не что иное, как одна из форм экстремизма, основа максимализма, то есть болезнь, присущая итальянскому рабочему движению. И нельзя сказать, что мы воспитали необходимый и долговременный иммунитет против этой болезни.

Я хотел бы подчеркнуть, что всегда выступаю за теоретическое и идеологическое изучение каждой проблемы. Оно помогает тебе понять ход событий, их общую логику. Однако при утере контакта с действительностью необходимость углубления поисков часто превращается в абстрактные умствования. И вот тогда-то теряется всякая уверенность в том, что ты знаешь, куда идешь.

Я считаю необходимым сохранять верность основам нашего учения, сопоставлять с ним нашу практическую деятельность. В этом сопоставлении главные принципы служат отправным моментом и помогают избежать опаснейших заблуждений. Однако плохо бывает тому, кто забывает, что эти принципы — вещь живая, нуждающаяся в постоянном переосмыслении в соответствии с изменяющейся действительностью.

— *Идеология — это одно, а схемы — другое. Схемы — это забальзамированная, склеротическая идеология. В пе-*

риод, о котором мы говорим, партия порой занимала позиции, которые, по правде говоря, невозможно понять. Эти абстрактные схемы являются противоположностью марксизма, поскольку марксизм — единое философское учение, которое стремится предостеречь нас от умствования и постоянно соотносит с действительностью. По сути дела, все наши политические и организационные установки по вопросу антифашистской борьбы исходили из неверного понимания сущности фашизма и из недооценки опасности, которую он собой представляет.

— Мы исходили из представления о том, что фашизм является лишь орудием буржуазии, вернее, правительства, которое оно использует для своих маневров, и о том, что фашистский сквадризм, выполнив свою разрушительную роль, найдет выход в одной из контрреволюционных коалиций, основанных на социал-демократических и буржуазных силах джолиттиевских тенденций.

«Какие общественные силы,— спрашивал себя в мае 1922 года Бордига,— заинтересованы в том, чтобы Италия от либерального режима скатилась назад к пройденным формам абсолютизма?». «Правая диктатура» определяется им как древнее пугало социалистов.

— Если позволишь, я хотел бы сделать одно замечание. В логике того времени, в методах политической деятельности есть нечто необъяснимое для товарищей моего поколения. Сейчас поясню, о чем идет речь. В конце Ливорнского съезда вы приняли один манифест. Он недавно попался мне на глаза и произвел жуткое впечатление. В нем нет ни одного слова, которое было бы связано с Италией. Этот манифест прекрасно подошел бы и для Турции, и для Венесуэлы. В стране было в самом разгаре фашистское наступление, а в манифесте утверждается, что защита интересов класса капиталистов гарантируется буржуазным государством, «основанным на представительской системе демократии». Все это абсолютно верно, однако проблема того периода заключалась не в этом. Главной опасностью, против которой следовало бороться, была не представительская парламентская система, а угроза фашистской диктатуры. Более половины манифеста посвящено государству, которое возникнет благодаря свержению буржуазной власти. Налицо явное забегание

*вперед, достойное Коппи, или для того периода Джирарденго*³⁶.

— Ты прав. Некоторые заявления того времени, прочитанные сегодня, когда мы смотрим на них нынешними глазами, имея за спиной опыт пятидесяти лет борьбы, действительно могут показаться несколько абсурдными и невероятными. Например, вот это: буржуазия не нуждается в том, чтобы закрыть главу парламентаризма для перехода к периоду репрессий. Однако, учитывая тот факт, что уже имевшие место репрессии нельзя было не принимать во внимание, создавалось утешение в виде заявления о том, что, «вероятно, наступление буржуазии будет продолжаться до тех пор, пока угнетенные массы не восстанут, чтобы дать ему решительный ответ, и тогда именно революционные силы изберут час решающей битвы».

В этих словах мы видим преклонение перед стихийностью и отказ партии от руководящей роли. Это заявление поражает и дает повод для двусмысленных толкований: ведь оно сделано после всех дискуссий о расколе и о создании действительно коммунистической партии, способной дать революции надежное и мудрое руководство.

И это тем более верно, если учесть, что фразу, которую я процитировал, не написал ради красного словца какой-нибудь журналист. Мы находим ее в докладе, написанном Бордигой, Фортикьяри³⁷ и Гриеко³⁸, направленном Исполкому Коминтерна в 1921 году.

Ленин учил нас, что революционная ситуация создается тогда, когда буржуазия не может более править, как прежде, и прежними методами, и когда пролетариат умеет использовать эту слабость для того, чтобы пойти на революционный штурм. В 1919—1920 годах было очевидно, что буржуазия не может более править по-старому, однако было столь же очевидно, что пролетариат не сумел воспользоваться этим для организации революции.

Именно эти условия породили фашизм, который был одной из форм превентивной контрреволюции и отнюдь не был обеспокоен тем, что он закрывал главу парламентаризма и открывал период самой мрачной реакции.

Горстка героев, прямолинейных и упрямых

— В подтверждение того, о чем мы говорим, можно было бы привести программу, с которой коммунистическая партия выступила на выборах 1921 года. Если я не ошибаюсь, в этой программе заявлялось, что выборы должны стать «судом над социалистической партией», которая привела итальянский пролетариат к поражению.

— Наша идея заключалась в том, чтобы представить на суд избирателей раскол в Ливорно и причины, которые его вызвали. При этом мы были убеждены, что рабочий класс Италии «не сможет пойти вперед, не перешагнув через труп социалистической партии». Однако результаты выборов не оправдали наших ожиданий. В самом деле, социалистическая партия собрала голосов в восемь раз больше, чем коммунисты. Иными словами, соотношение сил между социалистами и коммунистами по сравнению с тем, каким оно было в Ливорно, изменилось в пользу социалистов.

— А не кажется ли тебе, что эта ваша идея является доказательством политической слепоты? Ведь речь идет об апреле 1921 года, когда бандитские действия фашистов уже привели к сотням жертв, среди которых Спартак Лаваньини и Ферруччо Киналья³⁹, когда были уже захвачены десятки и десятки рабочих крепостей. Мы в этих условиях не только выступали с лозунгами о мировой революции, но и играли в «суд над социалистической партией». Впрочем, сам Ленин говорил с сарказмом, что из борьбы против правых устраивают спорт⁴⁰.

— Дело в том, что, несмотря на растущую угрозу фашизма, во взглядах руководителей рабочего движения в той или иной степени продолжал доминировать классический фатализм, слепая вера в неизбежность движения к прогрессу, к поднятию уровня наиболее угнетенных слоев, убежденность в том, что движение трудящихся масс может быть приостановлено лишь на кратковременный период и что при решающей схватке победы добьется пролетариат.

В рамках этих фаталистических концепций, которыми ублаживали себя руководители всех тенденций, фашизм в один голос назывался преходящим явлением, которое «неизбежно исчезнет в короткие сроки». А между тем все продолжали свою деятельность и свою полемику, как

будто обстановка осталась неизменной, как будто бы в ней не наметилось никаких новых факторов.

Руководители компартии рассматривали продолжение борьбы против реформистских предателей, против недостатков и неопределенности в политике социалистической партии не только в качестве доказательства своей верности долгу, своей последовательности в борьбе за раскол, но и как настоятельную необходимость для того, чтобы отвергнуть всякую идею примирения с фашистами, идею, которая все шире проникала в ряды реформистов и максималистов. Для руководителей компартии становилась все более очевидной необходимость принять бой, навязанный фашистами, и ответить на их насилие максимально решительными и твердыми действиями.

— *Какие условия были необходимы в той обстановке для того, чтобы этот ответ мог быть действительно эффективным, мощным и твердым?*

— В той обстановке замешательства, противоречий, расколов ответ не мог быть твердым и мощным при отсутствии политических условий, а также отношений, по крайней мере, сотрудничества и согласия, между различными силами, которые можно было вовлечь в антифашистскую борьбу. Таким образом, эту борьбу следовало рассматривать не только как простое противопоставление физических сил. Для того, чтобы эта борьба увенчалась победой, было необходимо создать политические и организационные условия, дающие возможность вовлечь в антифашистскую борьбу максимально широкие общественные и политические силы.

Однако как раз в связи с сектантской ориентацией руководителей-бордигианцев все проблемы, связанные с подготовкой мощного и твердого отпора фашистам, рассматривались исключительно с организационной точки зрения. При этом критика по адресу социалистов приобрела столь ожесточенный характер, что не могла не затруднить мобилизацию самих трудящихся и достижение их боевого единства. Типичной в этом плане является позиция, занятая в вопросе о движении «народных смельчаков».

В него сразу же после возникновения стихийно вошли деятели и группы различного происхождения и различных взглядов. Это были активисты рабочего дви-

жения, анархисты, профсоюзные функционеры, социалисты и вообще люди левых взглядов, примыкавшие ранее к левому «интервенционизму». Они считали, что война может привести к революционным завоеваниям (однако не в ленинском смысле превращения буржуазной войны в войну гражданскую, революционную, а в смысле перехода к конкретному осуществлению общественных целей, которые демагогически выдвигались сторонниками войны).

Коммунисты могли использовать эту возможность для того, чтобы стать частью мощного массового движения и выйти, таким образом, из изоляции, в которой фактически они находились после раскола и особенно после подписания ИСП, ВКТ и фашистами «пакта умиротворения»⁴¹. К сожалению, в этом плане ничего не было предпринято. Более того, движению «народных смельчаков» мешали как раз те, кто должен был бы его поддерживать, придавать ему силы и более ясное политическое сознание. Ему мешали социалисты и профсоюзные руководители, связанные «пактом умиротворения», с одной стороны, и коммунисты — с другой стороны, поскольку над ними довлели доктринерские предрассудки, недоверие ко всему тому, что не было плодом их собственной инициативы. И те, и другие не поняли важности и значения этой стихийной борьбы против фашизма, не приняли в ней участия. Более того, они настойчиво разоблачали ее недостатки и отрицательные моменты.

Конечно, верно, что движение «народных смельчаков», как отмечает Сприано, начиналось по инициативе не слишком безупречных личностей, имевших весьма хаотичные «революционные» идеи. Однако это движение несло в себе огромный заряд антифашистской борьбы и революционной деятельности, заряд, который действительно мог изменить обстановку и соотношение сил. Новое движение было сразу же с энтузиазмом принято также и активистами тех партий, чьи руководители критиковали его и боролись против него. Во многих городах, от Рима до Турина, от Ливорно до Пизы, от Пармы до Генуи, образовались в короткое время «бригады», «сотни» «народных смельчаков». Проходя по улицам с цепями и другими предметами в руках, которые при случае могли сыграть роль защитного оружия, они встречали поддержку трудящихся и горожан.

Несмотря на первоначальный успех «народных смельчаков», руководители коммунистической и социалистической партий, как я уже сказал, заявили о своей непричастности к этому движению. Грамши критиковал его за слишком ограниченные цели. Однако он тут же добавлял: «Являются ли коммунисты противниками движения «народных смельчаков»? Ничего подобного. Они стремятся к вооружению пролетариата, к созданию вооруженного отряда пролетариата, который был бы в состоянии нанести поражение буржуазии и возглавить организацию и развитие новых производительных сил, порожденных капитализмом».

Однако несколько дней спустя в одном из сообщений Исполкома компартии заявлялось, что «военные и революционные формирования пролетариата должны создаваться на партийной основе». Здесь же содержался призыв к товарищам ожидать «инструкций»: И обещанные инструкции прибыли. В них отвергалась идея групп «народных смельчаков» и содержалось указание о создании вооруженных коммунистических групп. Наша добровольная изоляция лишала растущее и многообещающее движение политического руководства — силы, которая могла бы вызвать наибольшее доверие.

Мы окопались в траншеях наших коммунистических групп, которые затем свелись до уровня горстки людей, готовых на все — это так, — однако изолированных от масс и неспособных поэтому создать мощную плотину па пути распространявшейся волны фашистских насилий. Результатом этого было то, что, когда фашизм разорвал «пакт умиротворения» (который он, впрочем, никогда и не выполнял), пролетариат оказался разобренным, разоруженным и лишенным поддержки. Впрочем, причины, которыми объяснялся наш отказ примкнуть к движению «народных смельчаков», отнюдь не убедили Коминтерн, которому они были изложены в письме, подписанном Гриеко. На это письмо Коминтерн ответил суровой лекцией о революционном учении и революционной тактике. Стоит и сейчас вновь прочесть ее: «Ясно, — говорилось в ответе, — что вначале мы имели дело с организацией пролетарских и, частично, мелкобуржуазных масс, которая восставала против терроризма... Где же были в тот момент коммунисты? Не занимались ли они изучением движения через увеличительное стекло, чтобы

решить, было ли оно достаточно марксистским и соответствовало ли программе?»⁴²

«Коммунистическая партия должна была немедленно и энергично проникнуть в движение «смельчаков», сплотить вокруг себя рабочих и завоевать таким образом поддержку мелкобуржуазных элементов, разоблачить авантюристов и изгнать их с руководящих мест, поставить в руководство движением людей, достойных доверия... Для коммунистической партии нет такого движения, которое было бы для него слишком низменным и слишком нечистым, если в нем участвуют рабочие массы».

Письмо Коминтерна кончалось так: «Ваша молодая партия должна использовать всякую возможность для того, чтобы вступить в непосредственный контакт с рабочими массами и чтобы жить с ними. Для нашего движения всегда более выгодно совершать ошибки вместе с массой, чем вдали от массы, замкнувшись в узком кругу партийных руководителей, утверждать наше целомудрие из принципа»⁴³.

Ошибки партии

— Мне кажется, что главная причина, объясняющая ошибки политических установок, разработанных партией в первые годы, кроется в несоответствующем обстановке анализе фашизма как явления и возможностей его утверждения в итальянском обществе.

— Я думаю точно так же. Недооценка фашистской опасности и недостаточное понимание его истинной природы привели к серьезным политическим и организационным ошибкам, о которых мы вспоминали. К примеру, очевидно, что, не допустив мы недооценки фашизма, тактика единого фронта и политика единства, рекомендованные Коминтерном, были бы одобрены и взяты на вооружение гораздо быстрее и ошибки в отношении движения «народных смельчаков» удалось бы избежать.

— Я хотел бы, однако, чтобы ты рассказал, какую оценку давали фашизму рядовые члены партии, независимо от официальных документов.

— Я бы сказал, что рядовые члены партии немедленно и более верно поняли смысл этого явления также и потому, что насилия фашистских банд, возглавляемых

аграриями и местными реакционерами, носили четкую классовую характеристику и были направлены непосредственно против активистов и помещений организаций рабочего движения. Трудящиеся питали к фашизму инстинктивную классовую ненависть. Это была ненависть тех, кто подвергался жестокой эксплуатации, кто ничего не имел, но видел, что рядом живут другие, имеющие многое. Этим объясняются ошибки политики по отношению к крестьянам и к мелкой буржуазии города и деревни. Именно аналогичные условия, в той или иной степени постоянно присутствующие в наиболее эксплуатируемых капитализмом слоях населения, порождают в рабочем движении проявления и тенденции экстремизма.

Тот, кто обречен на бесчеловечный труд, на невыносимые условия жизни, инстинктивно подходит к убеждению, что выход лежит на пути «уничтожения всего», разрушения всего, на пути использования радикальных и глобальных форм утверждения «справедливости». Отсюда тенденция отвергать какие бы то ни было промежуточные цели, какой бы то ни было союз или согласие с силами и организациями, идущими в том же направлении, что и мы, однако иным путем.

На различных этапах истории рабочего движения эти тенденции, которые мы называем экстремистскими, имели различные названия: луддизм, анархизм, анархо-синдикализм, бордигианство, троцкизм и уже на современном этапе — маоизм. Однако не следует впадать в заблуждение по поводу разнообразия терминов, порожденных зачастую историческими событиями, происходившими в других условиях и в другие времена. Все они имеют мало общего с настоящим периодом и с движениями, которые берут эти термины на вооружение, гордо называя себя экстремистами.

Существует определенная тяга к экстремистской позе. Часто за ней скрывается совсем иная действительность. Мне вспоминается очень жаркая дискуссия, которая происходила в эмиграции между двумя очень опытными и способными товарищами, обвинявшими друг друга уж не помню в каких политических грехах. Исчерпав все доводы, один из них в какой-то момент выпалил: «Хорошо, пусть я ошибся, но имей в виду, что я всегда допускал левые ошибки». Говоря так, он думал, что взял, как говорится, быка за рога. И в самом деле, в некоторых

кругах общественного мнения «левые» ошибки считаются чем-то достойным, чего нельзя сказать о «правых» ошибках.

— *Кстати, о «левых» ошибках в нашей политической линии в 1921—1922 годах. Расскажи, пожалуйста, что ты думал тогда и что думаешь сейчас о знаменитых тезисах по вопросам тактики, подготовленных к Римскому съезду партии (11 съезд, состоявшийся в марте 1922 года)* ⁴⁴.

— Я не участвовал в Римском съезде. Разумеется, я читал тезисы, когда они были опубликованы, однако сам не выступал в предсъездовской дискуссии. Что я думал о них тогда? Мне кажется, то же, что и все, во всяком случае, те, кто разделял, как и я, линию партии. Эти тезисы были синтезом тактических норм, предложенных в Ливорно, которым партия следовала в своей деятельности в этот первый год жизни.

Что я думаю о них сейчас? Думаю, что они были чем-то вроде учебника по воспитанию «бравого капрала-коммуниста». Они давали простейший ответ для всех ситуаций, сведенных до минимума общим определителем, ответ, главными составляющими которого были почти исключительно чистота партии и оппозиция любой инициативе и любой деятельности, не связанной теснейшим образом с партией.

— *Эти тезисы вводили в ранг закона принципиальную кастовую замкнутость, как Коминтерн назвал позицию компартии по отношению к движению «народных смельчаков».*

— В этих тезисах, как, впрочем, и во всех анализах того периода, общественные и политические силы чаще всего рассматривались в качестве неких марионеток, управляемых неизвестно кем, но по определенным, установленным в наших схемах законам, которые никто когда-либо не удосужился проверить. К примеру, когда Муссолини счел необходимым придать фашизму более приемлемый для традиционных буржуазных сил внешний вид и начал говорить (не желая оставаться в изоляции, вне игры за участие в правительстве) об «умиротворении», о возможном союзе между фашистами, социалистами и Народной партией, этот факт не анализировался в качестве маневра, продиктованного тактическими соображениями и внутренними противоречиями фашистской партии, а рассматривался лишь как подтверждение

тезиса, который всегда был особенно дорог руководству коммунистов, о том, что буржуазия не пожертвует якобы демократическими формами своей власти.

«Пакт умиротворения» между фашистами, ИСП и ВКТ был подписан в августе 1921 года. Это, разумеется, ничуть не уменьшило агрессивности фашистских банд и способствовало лишь дезориентации и торможению наступательного духа и растущей организованности народных масс в борьбе против фашизма, борьбе, которая стала обрывать плотью в виде движения «народных смельчаков». Бордигианское руководство осудило «пакт умиротворения», однако в то же время оно выступило против движения «народных смельчаков», поскольку цели и намерения его организаторов не были ясными.

— *Чем можно объяснить ошибки, допущенные сначала партией в оценке фашизма как явления?*

— Следует иметь в виду, что в оценке истинной природы фашизма в первые годы ошиблись все. Никто в тот момент не сумел проделать анализа, который приближал бы к пониманию истинной сущности фашизма. Более точный анализ был проделан лишь тогда, когда фашизм с приходом к власти Гитлера показал свое лицо более откровенно, чем это было в Италии. Именно тогда, на VII конгрессе Коминтерна (1935 год), Димитров дал полный и, я бы сказал, окончательный анализ фашизма. Говоря о фашизме у власти, он определил его как *«открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала»*, как *«организацию террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции»*, как *«шовинизм в самой грубейшей форме, культивирующий зоологическую ненависть против других народов»*, как *«свирепейшее наступление капитала на трудящиеся массы»*⁴⁵.

Эта характеристика камня на камне не оставила от определения фашизма как мелкобуржуазного движения, с которым выступали все те, кто стремился скрыть классовую капиталистическую и империалистическую сущность фашизма.

— *Нельзя отрицать, однако, что в фашизме присутствовал мелкобуржуазный компонент, на который, впро-*

чем, Грамши неоднократно обращал внимание. Конечно, в первоначальных формулировках Грамши не все было четко изложено. Однако эти замечания были весьма глубокими по своему содержанию, поскольку фашизм — это явление классовое, относящееся к сферам высшей буржуазии. Однако он имеет массовую базу, основанную на мелкой буржуазии, мобилизованной на защиту интересов крупного капитала.

— Разумеется. В Италии, в частности, фашизм развивался в процессе обострения классовой борьбы. Ему удалось создать широкую базу для маневров в слоях мелкой и средней городской и сельской буржуазии путем использования в своих целях недовольства и дезориентации этих общественных слоев, обедневших в связи с кризисом и занявших враждебные пролетариату позиции, объясняемые ошибками самих руководителей пролетариата.

Фашизм не только использовал недовольство и низменные чаяния определенных слоев населения, но и развернул спекуляцию их лучшими чувствами, самими революционными и повстанческими традициями трудовых классов Италии, национальными чувствами, которые обострились в связи с войной и в результате подписания империалистических мирных договоров. Достаточно напомнить, что фашизм начинал свою пропаганду под крайне демагогическими лозунгами о социальном мире и республиканском строе. В них речь шла об Учредительном собрании, о республике, об уничтожении Сената, о роспуске армии, о создании вооруженной нации, о передаче земли крестьянам, о конфискации сверхприбылей, полученных в результате войны, и так далее. Иными словами, обо всем том, что с приходом фашизма к власти было реализовано как раз в противоположном направлении.

Один момент, однако, хотелось бы подчеркнуть. Несмотря на то, что фашизму удалось при помощи демагогии создать мощную базу для маневров среди мелкой и средней буржуазии города и деревни, было бы грубейшей ошибкой считать его правомочным выразителем интересов и чаяний этих слоев. Мелкая городская буржуазия (являющаяся всегда и только «игрушкой в руках главного штаба и наиболее реакционных сил правительства», как сказал Грамши) способствовала

лишь разгрому «крестьянской организации по воле аграриев».

— Утверждению этих аспектов фашистской демагогии способствовали негативные и сектантские позиции, на которые неоднократно становились социалистическая и коммунистическая партии в национальных вопросах, а также их тенденция к абстрактному интернационализму.

— Да, таким образом, социалистическая пропаганда дала возможность реакции представить в качестве врагов нации, предателей родины всех тех, кто был лишь врагом эксплуататоров и людей, которые привели родину к «бессмысленной бойне» войны.

— Что ты думаешь о тезисе, лежавшем в основе всей концепции, всей политики и всей тактики Бордиги, о том, что фашизм был лишь одной из форм буржуазной диктатуры, аналогичной тому же парламентскому режиму и что его приход к власти ничего не менял и не мог даже в минимальной степени повлиять на деятельность, на тактику и на стратегию рабочего класса и его партии?

— Я думаю, что все это было глупостью и что так называемые теоретические усилия, направленные на доказательство справедливости этого тезиса, были лишь бесполезным умствованием, оторванным от действительности. Конечно, фашизм не изменял природы и классового характера буржуазной системы. Более того, он был его подтверждением, его крайним выражением. Это следовало и надо было утверждать, борясь с теми, кто заявлял, что фашизм выражал собой растерянность буржуазных правящих классов, или же приход к власти мелкой буржуазии. Однако между этим утверждением и заявлением о том, что приход фашизма к власти ничего не менял в том, что касается условий труда и борьбы трудящихся классов, лежала огромная пропасть. Странно и, я бы сказал, необъяснимо, что подобная концепция появилась на свет и утвердилась как раз в тот период, когда фашизм на деле, своими насилиями ежедневно доказывал, что его удар направлен как раз против условий жизни и борьбы трудящихся. Станным и чудовищным мне кажется тот факт, что кое-кто стал защищать эти ошибочные идеи во имя марксизма и лучших традиций рабочего движения, которые учат, что проблема защиты свободы всегда была основой борьбы за продвижение вперед пролетариата и революции.

Конечно, буржуазная демократия — это не наша демократия, внутри которой пролетариат и трудящиеся массы имеют возможность решающим образом осуществлять свою власть и создавать общественно-экономические структуры нового, социалистического общества. С этой точки зрения ленинская критика буржуазной демократии в защиту демократии пролетарской остается по-прежнему в силе. Однако в момент зарождения фашизма не эта проблема была главной. Речь шла не о выборе наилучшей формы пролетарской власти, а о защите возможностей, которые буржуазная демократия еще предоставляла трудящимся классам для защиты условий их труда и для борьбы не только за спасение того, что еще можно было спасти, но и за возобновление движения вперед.

Именно этой линии мы следуем сегодня, чтобы мощной массовой борьбой продвинуть вперед дело трудящихся и революции. Мы ведем эту борьбу по месту работы трудящихся и в стране в целом, среди различных категорий тружеников в городе и деревне, защищая на каждом этапе производственного процесса свободу, право на представительство, на вмешательство заинтересованных рабочих. Мы выступаем, таким образом, против общественной и экономической власти хозяев, за ее ограничение, поднимаем уровень и развиваем организацию и силу трудящихся, защищаем их свободу, учитывая при этом соотношение сил, которое изо дня в день создает сама борьба.

Разумеется, все это еще не свобода, не пролетарская демократия, однако это путь к их достижению. Это, как говорим мы, путь Италии к социализму, основанный на традициях и специфических особенностях итальянского рабочего движения, на возможностях, которые по мере продвижения вперед открывает итальянская обстановка.

— В этой связи возникает еще один вопрос. Когда мы говорили об ошибках, допущенных социалистическим движением по национальным проблемам, мы, как мне кажется, затронули проблему не только пропаганды или тактики, но проблему, носящую глубоко идеологический характер, то есть проблему национальной и интернациональной роли рабочего класса. Что ты думаешь по этому поводу?

— Я считаю, что рабочий класс играет и национальную, и интернациональную роль. Эти два момента не исключают и не заменяют друг друга. Нельзя считать призрачной или несуществующей национальную действительность. Она результат всего исторического развития, создавшего традиции, чувства, интересы и постоянно воздействующего на сознание граждан. Пренебрежение этой действительностью может привести, как это уже приводило социалистическую партию в годы, о которых идет речь, к серьезным ошибкам: во-первых, к тому, что она не основывала свою деятельность на этой действительности, не рассматривала ее в качестве элемента проверки собственной линии и мобилизации масс. Во-вторых, она оставила широкое поле деятельности для демагогии и спекуляции сил, враждебных рабочему движению.

Рабочий класс также является продуктом исторического развития общества. И поскольку он борется за переустройство этого общества, за общество более справедливое и более передовое, он представляет собой истинно национальную силу. Но именно потому, что ситуация в каждой отдельной стране теснейшим образом связана и обусловлена международной обстановкой, очевидно, что всякий прогресс отдельной нации следует рассматривать и осуществлять в рамках общей деятельности, направленной на изменение соотношения сил между различными компонентами международной обстановки. Очевидно, к примеру, что продвижение вперед рабочего класса и народных сил данной нации способствует всеобщему продвижению вперед трудящихся и рабочих масс всех стран, и наоборот.

Ныне, на данном этапе движения различных стран к социализму, эта проблема предстает в виде необходимости интернационального единства рабочего и социалистического движения, но также и в виде необходимости самостоятельности каждого отдельного национального движения в рамках этого единства. Разумеется, мы не можем не учитывать опыта других стран. Мы не желаем закрывать глаза и не делаем этого ни перед лицом положительных фактов, ни перед лицом фактов отрицательных, когда они имеют место. Мы не отвергаем ничего из того, что может способствовать развитию и обогащению нашей социалистической концепции, с какой

бы стороны этот опыт ни исходил. Однако очевидно и то, что всякий опыт других должен быть проверен и сопоставлен с итальянской действительностью. Что касается нас, то мы считаем, что социалистических преобразований можно добиться, лишь учитывая степень зрелости итальянской обстановки, характерные особенности социально-экономического и национального характера, на которых эти преобразования должны основываться, лишь учитывая тот разносторонний вклад, который могут в эти преобразования внести выступающие за их проведение общественно-политические силы.

создавалась на исключительно конспиративной основе и состояла из пятерок. Внутри их также действовала строгая система конспирации, которая предохраняла от случайностей и последствий болтливости. Должен сказать, что эта система отлично действовала каждый раз, когда мы ее использовали. Каждый наш сбор полностью удавался назло фашистам и полиции. Именно так во многих рабочих районах мы организовали целый ряд антифашистских демонстраций, вызывавших всякий раз энтузиазм и поддержку. Уже после «похода на Рим» женщинам во главе с Эстеллой (Терезой Ноче)² удалось провести антифашистскую демонстрацию на центральных улицах Турина.

Я был настолько горд своим «изобретением», что, когда накануне 8 сентября³ в Риме мы начали готовить организацию для вооруженной борьбы с итальянскими фашистами и немцами, я, с согласия Тромбадори⁴, применил ту же систему, основанную на создании троек, максимально пятерок, которых мы быстро обучили согласованным действиям на улицах города. Из этих групп в Риме родилась ГАП⁵, вписавшая позднее столько славных страниц в летопись римского Сопротивления.

Естественно, во времена Турина задачи были проще. Надо было фашистским манифестациям противопоставить народные антифашистские демонстрации. Одним словом, мы должны были все делать неожиданно, чтобы не дать времени противнику атаковать нас превосходящими силами.

— *Но в чем конкретно состояло твое «изобретение»?*

— По правде говоря, речь идет об очень простой вещи. Все основывалось на точности и пунктуальности. Каждая пятерка имела старшего, который знал, как в течение 10 или 15 минут найти своих людей. Определенное количество командиров пятерок, в свою очередь, было связано с командиром зоны, способным за несколько минут найти подчиненных ему командиров пятерок, и так далее.

Когда нужно было собрать людей для проведения народной манифестации, командиры зон получали условные сообщения, отдавали приказ командирам пятерок, а те сообщали его членам своих боевых групп. Целью было быстро и неожиданно для противника собрать большое количество товарищей, которые в виде воинской

части под командованием вышеуказанных руководителей с песнями проходили по улицам района, размахивая флагами и скандируя лозунги.

Естественно, ввиду возможной стычки с фашистами демонстрантов прикрывали вооруженные боевые группы, которые скрытно следовали рядом с колонной и по соседним улицам. Часто оружие несли женщины и девушки, которые всегда ухитрялись спрятать его на себе в случае обыска.

— *Значит, тогда все сводилось к организации уличных шествий, застигающих врасплох фашистов и полицию?*

— В определенном смысле да, но ты должен учитывать, что в той ситуации, когда фашисты уже хозяйничали на улицах и площадях, и эти народные манифестации имели большое пропагандистское и мобилизующее значение. Они показывали, что на фашистские провокации можно было отвечать, и даже, в случае необходимости, отвечать весьма эффективно. Но, конечно, только этим мы не ограничивались.

Благодаря этой организации военного типа мы неоднократно брали инициативу в свои руки и давали достойный ответ фашистским провокаторам. Беда состояла в том, что мы начали действовать слишком поздно, когда фашисты при покровительстве полиции уже взяли верх во многих местах, и действовали слишком робко.

Помню, как-то раз мы сопровождали гроб с телом одного нашего товарища, убитого в стычке с полицией. Мы везли его из Турина на родину погибшего, и на станции Кивассо на нас напала группа фашистов. Произошло все как обычно: взаимные оскорбления, драка, выстрелы, полученные и нанесенные удары. В ответ, следующим же вечером, мы направили на станцию одну из наших боевых групп с заданием взорвать станционный буфет, где фашисты устроили провокацию.

Во время занятия фашистами Новары из Турина и из других городов Пьемонта прибыли боевые группы рабочих и коммунистов, и на центральной площади произошла жестокая схватка с фашистами, которые дорого заплатили за свои бесчинства, оставив на поле боя убитых и раненых. Разумеется, соотношение сил было уже слишком не в нашу пользу, поэтому не все наши планы могли быть с успехом выполнены.

ГЛАВА IV
ПЕРВЫЙ ОПЫТ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

стической молодежи — статью, в которой более или менее иносказательно указал причины и способы создания такой организации.

Но настоящим секретом здесь было то, что она, в целях защиты от фашистских и полицейских провокаций,

128

— С удовольствием. Я уже говорил, что наша партия решила ответить вооруженной фашистской организации созданием своей организации из самых молодых, верных и мужественных товарищей. Первоначально это было поручено в качестве специального задания молодежной организации. В Турине и Пьемонте ответственным за это дело был назначен я, уже тогда считавшийся военным «экспертом», так как в армии я был, представь себе, младшим лейтенантом. И именно этот фактор помог мне потом стать Генеральным комиссаром Интернациональных бригад в Испании и командиром итальянских Гарibaldiйских бригад¹.

Естественно, в военную организацию, в создании которой я участвовал, сразу же вошли наиболее активные члены Федерации коммунистической молодежи и партии. Я помню, что тогда сразу же написал, — как это было принято, да и сейчас это остается в силе, — и опубликовал в газете «Авангард» — органе Федерации коммунистической молодежи — статью, в которой более или менее иносказательно указал причины и способы создания такой организации.

Но настоящим секретом здесь было то, что она, в целях защиты от фашистских и полицейских провокаций,

128

Но антифашистское сопротивление в Турине не прекратилось и после «похода на Рим». В Туринском районе Борго Виттория, где за несколько дней до того я руководил одной из народных демонстраций, о которых говорилось выше, фашистские молодчики ворвались в дом моего двоюродного брата, у которого тоже был маленький вишневый магазин. Они искали его сына и, не найдя его, на глазах у всей семьи убили отца, нанеся ему 23 ножевых раны. Это было началом, как ее потом называли, туринской резни⁶, когда были зверски убиты десятки коммунистов, социалистов и анархистов. Так погибли, вместе со многими другими, два профсоюзных деятеля из Турина: анархист Ферреро и коммунист Беррути. В те дни фашисты врываются и ко мне в дом, они перевернули все книги и очень испугали моих, особенно мать, которая выбросила из моей библиотеки все книги в красных обложках, думая, что они коммунистические. Именно так получилось, что собрания сочинений Маркса, Энгельса, Лассалья, выпущенные издательством «Аванти!» в соломенно-желтых обложках, не были уничтожены и еще сейчас красуются в моей библиотеке. На книгах, правда, видны подпалины, потому что до того, как я их купил, они пережили пожар, устроенный фашистами в миланской редакции «Аванти!», где находилось и издательство.

В конце декабря 1922 года в Турине произошел мятеж Королевской гвардии — полицейского корпуса, созданного Нитти⁷. В те дни Муссолини распустил этот корпус с целью заменить его фашистской милицией. Чезаре Мария Де Векки⁸, туринский «король», тогда цинично воскликнул: хорошо еще, что до этого мы дали жестокий урок коммунистам, потому что, если бы рабочие и Королевская гвардия смогли действовать вместе, туринским фашистам пришлось бы плохо.

— *Эпизоды антифашистской борьбы, о которых ты нам рассказал, вновь возвращают нас к жгучим проблемам современной жизни. В ряде районов наблюдается определенное возобновление фашистских нападений и попытки диверсий. Во многих наших организациях существует тенденция не поддаваться на фашистские провокации, потому что на них якобы надо отвечать массовыми действиями и демонстрациями. С политической точки зрения довод не вызывает никаких возражений.*

Но исключает ли это организацию защиты наших секций в том плане, как вы делали это в прежние времена?

— Мы всегда упорно боролись против позиции социал-демократов, заключавшейся в знаменитой фразе Турати, взятой из Евангелия: «Если тебя ударили по одной щеке, подставь другую». Мы всегда высказывались против такого трусливого отношения и утверждали, что на фашистские нападения надо отвечать таким же образом, но стараясь всегда развернуть сопротивление и борьбу в массовом народном плане, готовясь в любом случае и в любой области достойно встретить фашистское нападение, на какой бы почве оно ни произошло.

Действительно, в 1920—1921 годах мы сочли необходимым, учитывая существовавшую ситуацию, создать организацию военного типа, специально оснащенную для отражения вооруженных нападений фашистов, защищаемых и часто поддерживаемых полицией и властями. Действительно, мы совершили тогда серьезную политическую ошибку, думая, что сможем ответить на требования сложившейся обстановки лишь созданием особых партийных формирований. Действительно, другой нашей серьезнейшей ошибкой было то, что мы не использовали в качестве опоры организацию «народных смельчаков», которая рождалась на военной, вооруженной основе и уже встречала широкую поддержку в массах.

Но сегодня положение, к счастью, не то, что в те времена. Сегодня рабочие и народные организации различных политических направлений и идей имеют антифашистское сознание и силу, которых раньше не существовало; сегодня существует наша партия — сильная, организованная, закаленная партия бойцов-антифашистов, сформировавшаяся именно в вооруженной борьбе против фашизма в Италии, в Испании, во время Сопротивления. Сегодня антифашизм — это достояние, заключающееся не только в нашей Конституции, но и в душе широких народных масс, и в первую очередь молодежи, рабочих и студентов. И именно это чувство, именно эти силы мы должны использовать как для организации реального массового сопротивления фашистскому насилию, так и для того, чтобы воспрепятствовать всем врагам Конституции действовать изнутри, из самого государственного аппарата с целью предать ее и свести на нет. Первый

долг всех демократов — уважать и заставлять уважать Конституцию, которая есть и должна остаться Конституцией Сопротивления. Мы должны требовать, чтобы против тех, кто нарушает демократические законы, государство, правительство выступали всеми средствами и силами, имеющимися в их распоряжении.

Государство и правительство не только несут ответственность за каждое нарушение конституционных свобод, но и становятся соучастниками тех, кто их нарушает, если не противодействуют им.

— *Но это факт, что наше государство не заставляет уважать эти законы.*

— Это верно. Поэтому мы должны быть бдительны по отношению к фашистским действиям и провокациям. Мы должны знать и предупреждать то, что готовится в лагере противника. Мы должны разоблачать это всеми способами и всеми средствами, чтобы мобилизовать массы на заводах, в городских районах, в деревнях, чтобы призвать их выйти на улицы и площади и остановить фашистов. Мы должны вносить этот вопрос на рассмотрение всех представительных учреждений, должны действовать во всех направлениях, чтобы власти, чтобы полиция — такие скорые в выступлениях против столь законных и демократичных рабочих манифестаций — выступали всеми имеющимися в их распоряжении средствами против любой фашистской вылазки. Но я хотел бы прибавить еще вот что.

Конечно, нас должны беспокоить угрозы справа, которые возникают с разных сторон и в разных формах. Но мы не должны забывать, что именно в последние годы мы, благодаря нашей инициативности, разнообразию форм нашей борьбы, заметно продвинули вперед все рабочее и народное движение и осуществили также важные завоевания экономического, социального и политического порядка, которые придали новый вес во всей жизни страны не только левым силам, и в первую очередь нашей партии, но всем народным и трудящимся социальным слоям. И вот эти угрозы справа, эти хозяйские, фашистские и полицейские провокации являются реакцией на усиление позиций и победы народных сил.

Нас не должно удивлять, что, чем больше продвигается вперед революционное, обновляющее движение, тем больше ожесточается и звереет реакция. Мы никогда

не должны забывать слов Ленина о том, что революция организует контрреволюцию и что, к сожалению, обратное происходит лишь в виде исключения, а не постоянно, как, кажется, верят определенные группки, которые думают, что можно шутить с революцией и с классовой борьбой, особенно в ее наиболее передовых формах.

— *Если я не ошибаюсь, именно Ленину принадлежит фраза: никакой строй не рухнет, если его не свергнуть*⁹.

— Да, было бы глупо думать, что в один прекрасный день капиталисты скажут трудящимся: пожалуйста, располагайтесь, место для вас свободно. Это все равно что, как раньше говорили, установить республику по королевскому указу. Очевидно, что переход от капиталистического строя к социалистическому может произойти только посредством радикального изменения соотношения сил между двумя социальными фронтами. Сроки и способ такого изменения будут определяться конкретной ситуацией данного момента, действиями и позициями обеих сторон, но ясно одно: к крушению строя приведут не изолированные действия мелких или относительно мелких групп с их наспех собранным там и сям и сомнительно действующим оружием, а широкие народные действия, которые будут влиять всеми способами на институты буржуазной власти, заставят сомневаться и колебаться вооруженные силы, охраняющие эту власть, поведут своим воодушевлением и своей сплоченностью большинство народа на сдвиг этих сил и на превращение их в инструмент обновления и прогресса.

— *В общем, ты думаешь, что это чистый инфантилизм — верить, что действия маленьких вооруженных или, вернее, вооруженных всяким хламом групп могут решать вопрос о новом строе в такой стране, как Италия.*

— Я думаю, что только в сплоченности и в решительности широких народных масс можно найти мужество и силу, в том числе материальную, чтобы парализовать всю систему защиты буржуазного строя, какой бы сильной и современной она ни была, и определить таким образом ход новой политической и социальной истории.

Во время Сопротивления, в ситуации, очень отличавшейся от современной в политическом и военном плане и с точки зрения наличия оружия, мы всегда говорили бойцам: не ждите, что оружие к вам упадет с неба (ведь нам никто его не посылал!), оружие надо завоевать, и

мы окончили войну с оружием, которым смогли разгромить банды фашистских преступников, парализовать и в некоторых случаях вынудить сдать немецкие части, как это было в Генуе и в других местах.

Все это не может быть затуманено детским лепетом какого-нибудь фантазера, придерживающегося еще концепций революции 1848 года. С тех пор и особенно в последние десятилетия время шло быстрыми шагами. Мы прошли путь, если я не ошибаюсь, от дилижанса до межпланетной ракеты. А некоторые, претендующие быть ультрасовременными, хотят возвратить нас обратно к перекладным.

Дискуссия в Коммунистическом Интернационале

— *Если я не ошибаюсь, сразу же после раскола в Ливорно в Коминтерне начинается процесс пересмотра прежней политической линии.*

— Уже в конце марта 1921 года Коминтерн предупреждает, что «время пролетарской революции ввиду целого ряда обстоятельств несколько затягивается». То есть он признает, что соотношение сил уже не в пользу военного переворота, не в пользу наступательной тактики¹⁰.

Несмотря на это, Интернационал продолжает объявлять правильной линию, которой следовали в Ливорно, поддерживает направление на борьбу с центризмом Серрати и требование исключить из ИСП реформистов. Изменение становится более очевидным и явным на III конгрессе в докладе о тактике и в докладе о международном экономическом положении. В последнем признается общий спад революционной волны и то, что темп революционного процесса медленнее, чем предполагалось в 1919 году. «Тогда... мы говорили себе — это вопрос месяцев, теперь же мы скажем, что это вопрос, может быть, нескольких лет»¹¹.

Но все же сделанные для практических действий заключения пока неуверенны и противоречивы. То, что руководители Интернационала еще чувствуют необходимость полного подтверждения тактики, которой следовали в Италии и в Германии, вносит в признания и решения III конгресса элемент некоторой неопределенности, что в какой-то степени снижает их значение.

Как ты знаешь, мы всегда утверждали, что критика и самокритика являются условиями развития коммунистических партий. Это — наше непоколебимое убеждение, но мы должны признать, что не всегда смогли быть ему верны.

— Действительно, я часто слышал, как говорят: самый предпочитаемый способ самокритики — это критиковать других.

— Это шутка, но в ней есть доля истины, потому что в повседневной жизни встречается множество примеров «самокритики» такого рода. Но значительно чаще в партии утверждается триумфализм во что бы то ни стало, который приводит к тому, что действительность путается с желаниями, продолжают серьезные ошибки, даже когда ошибочность позиций и необходимость изменить ориентацию очевидны. Я понимаю, что, в определенных пределах, здесь существует так называемая пропагандистская необходимость.

— Говорят, что нельзя рассчитывать завоевать поддержку и доверие масс, если признавать лишь свои ошибки и вину в чем-то.

— Ну, это тоже неверно, потому что, когда ошибки и вина очевидны, потерю доверия, которая неизбежно в этом случае происходит, можно преодолеть, только показав со всей откровенностью, что мы их сознаем и умеем не закрывать глаза на действительное положение вещей. Триумфализм же во что бы то ни стало не только приводит к повторению ошибок, но и усугубляет их.

— Это на III конгрессе Коминтерна произошло знаменитое столкновение между Лениным и Террачини?

— Да, на III конгрессе итальянские коммунисты были в первых рядах оппозиции новому предложению о тактике. Террачини стал выразителем «теории наступления», чтобы отрицать, что завоевание большинства является основной задачей, или, во всяком случае, необходимой для эффективных революционных действий.

Ленин ответил ему: «Тот, кто не понимает, что в Европе, — где почти все пролетарии организованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение трех лет великой революции этому еще не научился»¹².

Бордига, со своей стороны, сказал, чтобы Коминтерн не надеялся, что в Итальянской социалистической партии осталась еще какая-либо коммунистическая фракция и что ИСП может изгнать реформистов. По поводу перспективы объединения социалистической партии с коммунистической он сказал, что такое объединение не должно рассматриваться как успех сам по себе: партия вырастет количественно, но с точки зрения организации и политической однородности партии очевиден обратный результат.

— *Не только по так называемому «итальянскому вопросу», не только по вопросам непосредственной тактики, но и по вопросам общей стратегии, мне кажется, расхождение между итальянскими коммунистами и Коминтерном было явным и абсолютным.*

— Лозунг III конгресса идти в массы, чтобы завоевать руководство ими, формально был принят коммунистической партией, но только в том, что касается профсоюзных действий.

Бордига уточняет, таким образом, что следует понимать под единым фронтом: профсоюзное единство, чтобы бороться против снижения зарплаты, против безработицы и фашистского наступления, но никакого блока пролетарских партий. Это позволяет Зиновьеву, полемизируя с Террачини, саркастически подчеркнуть, что «вся философия товарища Террачини сводится к следующему: с Д'Арагона — да; с Турати — нет... Неправильно, что партия будет в облаках, в то время как профсоюзы будут на земле... массы нельзя завоевать без контактов с их политическими организациями и их руководителями».

— *Каким образом прения и решения III конгресса отразились на конкретных действиях Коммунистической партии Италии по отношению к социалистической партии?*

— Они не вызвали никакого изменения в позиции, заключавшейся в непримиримой борьбе против центризма и против ИСП; напротив, полемика с ИСП еще больше обострилась, поскольку XVIII съезд социалистической партии, состоявшийся в октябре в Милане, отнюдь не привел к исключению реформистов, как продолжал требовать Коминтерн.

А потом, именно в этот период, между концом 1921 и началом 1922 года, были сформулированы «римские

тезисы», которые с самого начала мыслились, по крайней мере в сознании Бордиги, как ответ на изменение тактики, созревавшее в Интернационале. «Римские тезисы» подписаны Бордигой и Террачини. Во время обсуждения тезисов в руководящих органах было признано, что они находятся в явном противоречии с положениями III конгресса, и поэтому было решено представить их только как научный вклад. Я не думаю, что Грамши был полностью согласен с этим, но не явствует, однако, и то, что его отношение было критическим.

В тот период Грамши беспокоился о том, чтобы не питать правую оппозицию внутри коммунистической партии, формировавшуюся при участии Таски и Грациаден. Эта забота часто вынуждала Грамши молчать и не спорить с Бордигой, тем более, что он был убежден, что в тот момент было невозможно изменить состав и политическое равновесие Исполнительного Комитета и преобладающее положение Бордиги в нем. С другой стороны, его разногласия с Бордигой не были еще настолько глубоки, чтобы оправдать раскол.

— Изменение тактики, созревшее в период между III и IV конгрессами Коминтерна, вызвало оживленные дискуссии в международном коммунистическом движении. Они интересны сами по себе, то есть как темы для обсуждения, но они интересны также с точки зрения оживленности и непредубежденности дискуссии.

— Рассмотрим сначала, как разворачивалась тогдашняя дискуссия. В конце декабря 1921 года состоялось заседание Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, в феврале — марте 1922 года — расширенное заседание. Этой практике созыва заседаний ИККИ следовали в течение многих лет, а сами заседания, особенно расширенные, были по количеству участвовавших партий и делегатов и по важности рассматривавшихся вопросов настоящими съездами.

Тот факт, что после III конгресса были созваны за небольшой промежуток времени два заседания Исполкома, доказывает желание руководителей Интернационала глубоко исследовать и разрешить насущные проблемы, то есть приспособить к новой ситуации и к новой перспективе всю ориентацию Интернационала и коммунистических партий. На заседании ИККИ в декабре 1921 года поворот в тактике, намеченный на III конгрес-

се, обрел новый масштаб и более конкретное содержание, как замечает Сприано в своей «Истории Итальянской коммунистической партии».

Действительно, именно на этом заседании был официально выдвинут новый лозунг единого фронта действий с социал-демократами и «желтыми профсоюзами». Целью этого было ответить на требование единства, выражавшееся массами, чтобы бороться с международной реакцией, за сохранение мира, за защиту заработной платы и занятости, за минимальную программу экономических и политических реформ на платформе, на которой могли сойтись не только партии, но также и профсоюзы, руководимые социал-демократами.

В новогоднем призыве 1922 года уточняется, что Коммунистический Интернационал «из того, что им было сказано... в обоснование необходимости образования самостоятельных коммунистических партий, он ни одного слова не берет обратно...»¹³. Но, несмотря на то, что отделяет трудящихся-коммунистов от других политических организаций, «Коммунистический Интернационал и все коммунистические партии хотят терпеливо *идти вперед* в братском союзе со всеми остальными пролетариями даже тогда, когда они борются в условиях капиталистической демократии»¹⁴.

— *Какой большой путь пройден от позиции II конгресса Коминтерна! В предложениях единого фронта и в аргументации, оправдывающей их, видны политическое чутье и умение учитывать изменяющуюся ситуацию и условия борьбы.*

— Очень много говорилось, особенно в последние пятьлетия, о вмешательстве Коммунистического Интернационала в деятельность отдельных партий, которое почти всегда подавалось как фактор, отрицательно повлиявший на политику и на действия коммунистических партий различных стран. Я не хочу поднимать здесь принципиальный вопрос, к которому мы пришли в последние годы, о необходимости самостоятельности и независимости коммунистических партий, которые должны чувствовать себя ответственными в первую очередь перед членами своих организаций и перед своим народом. Но это факт, что, если мы хотим дать оценку участия Коминтерна в так называемом «итальянском вопросе» в те годы, о которых мы говорим, мы не можем не констатировать, что

это участие, после съезда в Ливорно, всегда было более разумным и лучше отвечало требованиям итальянской обстановки, чем линия, которую с таким ожесточением проводили итальянские руководители.

Действительно, на III конгрессе и на двух последующих заседаниях ИККИ итальянские делегаты были всегда против выдвигаемых предложений об изменениях в тактике, даже публично выступая против позиции большинства. Сама тактика единого фронта, с которой они согласились только в силу обстоятельств, и то лишь, как было заявлено, в пределах профсоюзной деятельности, в Италии свелась почти исключительно к разоблачениям: сначала «центристских ошибок», затем «социал-демократического оппортунизма», и, таким образом, фактически стала пустым упражнением в полемике, безрезультатным не только с точки зрения действий, но и в плане пропаганды.

Ясно, что классовые различия между коммунистическими партиями и партиями, борющимися, как записано в январском призыве 1922 года, «в условиях капиталистической демократии», не могут быть преодолены лишь путем выдвижения предложений, которые могут быть приняты последними. Естественно, что существенные классовые противоречия всегда превалируют над кажущимися сходствами. Но предложения единых действий за достижение непосредственных целей, глубоко прочувствованных народными и трудящимися массами, могут способствовать вовлечению в борьбу передовых слоев, еще находящихся в условиях капиталистической демократии.

Поэтому предложения такого рода могут иметь смысл и дать результаты лишь при условии, что они выдвигаются не только с целью разоблачить буржуазную подоплеку партий-противников. В большинстве случаев она ясна и не требует никаких разоблачений. Важно, чтобы подобные предложения были нацелены на установление реальной связи с идущими за этими партиями массами, которые в данной ситуации могут, однако, принять участие в борьбе за цели, предлагаемые нами.

Единый фронт

Все же, продолжая мой рассказ, надо признать, что для того, чтобы осуществить поворот, на котором настаивал Коминтерн, были необходимы способность действовать и тактическая гибкость, которыми коммунистические партии, образовавшиеся едва год назад, еще не обладали. Тем более, что они образовались, политически и морально, в огне ожесточенной борьбы за разоблачение идеологии социал-демократии и ее предательства.

В таких условиях в Италии нелегко было осуществить предложенное изменение в тактике. Оно даже не было принято во внимание. Утверждалось, что, приняв тактику, предложенную ИККИ, партия перестанет быть коммунистической.

— *Очевидно, преобладали проблемы защиты лица партии и ее организации.*

— Внимание, уделявшееся проблемам организации, находило оправдание в условиях того момента. Перед лицом фашистских и полицейских преследований партия должна была встать на нелегальную основу, подготовиться для действий в подполье, позаботиться об организации и вооружении своих бойцов для защиты и нападения. Но ошибка заключается не в этом, а в том, что эти действия проводились с точки зрения исключительно сектантского понятия о партии и ее задачах.

Вот как понятие партии определялось в «римских тезисах»: «Общность людей, действующая в едином направлении за достижение исторических целей, общих для всего рабочего класса». Здесь можно спросить: но кто определяет эти «общие исторические цели»? Кто решает, насколько они важны в данной ситуации, на основе чего и каких критериев?

Исходя из такого определения, цели устанавливаются раз и навсегда. Партия обрекается на неподвижность. Тогда поневоле центральные органы (Центральный Комитет, Бюро, Секретариат, Генеральный секретарь) приобретают исключительную власть, аннулируя, таким образом, всякие демократические отношения между руководящими органами партии и ее членами; центр становится единственным хранителем истины, «правильного» анализа и «правильной» тактики.

В «римских тезисах» партия определяется так же как «теоретическое и критическое» сознание движения (однако не указывается, как и кем оно вырабатывается), сознание, которое должно ограждаться предохранительными мерами и идеологическими гарантиями, продиктованными боязнью «процесса дегенерации», якобы происходящего при контакте с менее чистыми, менее дисциплинированными отрядами.

По «римским тезисам», демократический характер партии якобы состоит в «реальном процессе накопления данных, опыта». От отдельных членов партии нельзя требовать «сознания и воли», говорится в тезисах, они находятся только в «едином коллективном организме».

Политической осью этих тезисов остается самая решительная борьба против социал-демократии и левых буржуазных кругов. Коммунистическая партия заявляет, что возможные правительства, являющиеся выражением этих сил, якобы реакционны; единственная их положительная роль заключается в том, что они разобьют все иллюзии пролетариата. Коммунистическая партия будет держаться от этого в стороне именно для того, чтобы облегчить такой урок. В этих тезисах каждое политическое действие рассматривается само по себе, абстрактно, а не с точки зрения роли, которую оно может играть в данной ситуации.

Но дело в том, что само действие может играть различную роль, в зависимости от условий, в которых проводится: консервативную или даже реакционную, если в данной ситуации фактически глушит или тормозит революционное движение, и прогрессивную, в определенных пределах, если в условиях застоя оно может противодействовать реакции и открыть дорогу для движения вперед более передовым силам.

Во всей концепции Бордиги постоянно лишь одно: перед лицом опасности любого рода не бороться с ней на той же почве, на которой она проявляется, а стоять от нее как можно дальше, чтобы избежать заражения.

В этой концепции нет ни малейших следов учения Ленина, по которому в определенный момент революционные силы могут поддерживать определенные ситуации, определенные силы, определенных лиц, как веревка поддерживает повешенного. Во всей тактике Бордиги всегда самыми опасными — из-за путаницы, которую они

онному продвижению. Как видим, это — тезисы, обращенные в вечность. В них отражены лишь опасности социал-демократического правительства, но совершенно нет, даже в виде поставленной проблемы, анализа последствий, которые бы могло иметь в определенной ситуации свержение этого правительства.

Дело в том, что схематизм «римских тезисов» исходил из убеждения, что «победа фашистской или военной диктатуры невозможна», что «все более широкое и полное наступление буржуазии завершится социал-демократическим исходом» и что реальной опасностью была

Очевидно, что фашистская опасность недооценивалась бордигианскими руководителями партии того времени по причинам идеологического характера, связанным с необходимостью оправдать непримиримую полемику с социалистической партией и, следовательно, само рождение нашей партии.

считаться верными при любой ситуации и в любое время, а потому, что они рекомендуют искать сходство и единство, то есть то, что явно отвергается Бордигой и его последователями.

Действительно, в «римских тезисах» безапелляционно утверждается, что не следует поддерживать социал-демократическое правительство, на которое нападают правые силы и фашистские партии, потому что его возможное укрепление якобы противодействует революционному продвижению. Как видим, это — тезисы, обращенные в вечность. В них отражены лишь опасности социал-демократического правительства, но совершенно нет, даже в виде поставленной проблемы, анализа последствий, которые бы могло иметь в определенной ситуации свержение этого правительства.

Дело в том, что схематизм «римских тезисов» исходил из убеждения, что «победа фашистской или военной диктатуры невозможна», что «все более широкое и полное наступление буржуазии завершится социал-демократическим исходом» и что реальной опасностью была только эта, а не фашистская.

— *Очевидно, что фашистская опасность недооценивалась бордигианскими руководителями партии того времени по причинам идеологического характера, связанным с необходимостью оправдать непримиримую полемику с социалистической партией и, следовательно, само рождение нашей партии.*

— Именно поэтому в тезисах фашистское насилие просто-напросто рассматривается как «неизбежное последствие развития буржуазного режима».

«Римские тезисы», особенно те, что касаются тактики, были проанализированы в Москве Исполкомом Единого фронта и того, что понимается руководителями этого была поставлена на обсуждение вся ориентация итальянских коммунистов: «коммунистическая партия не преодолела инфантилизм, болезнь молодого и стерильного радикализма, радикализма, проявляющегося в сектантской боязни контакта с реальной жизнью, откровенно противоречия, существовавшие между коммунистическими тенденциями масс, когда начинается борьба за переходные цели».

Эта критика, однако, не была обнародована руководством партии. Это было началом системы отношений с Коминтерном, которая длилась долго: формальное подчинение, заявления в приверженности дисциплине, которые прикрывали все более глубокие политические разногласия и фактически саботаж линии, поддерживаемой на словах в порядке дисциплины.

Коларов¹⁶, представлявший Коминтерн на съезде в Риме, скажет: «Надо вести борьбу против фашизма; это исключительно политическая борьба, которую можно с успехом проводить только под руководством трудящихся масс, сплоченных узами единого фронта. И не стоит говорить, что с единым фронтом вы должны приблизить предателей, потому что это верно и для профсоюзного единого фронта, который, как вы говорите, принимаете».

Бордига отвечает, что партия не может смешиваться с другими. Грамши высказывается против политического единого фронта и того, что понимается руководителями Коминтерна под новым лозунгом «рабочее правительство», то есть против того, что можно дойти до коалиционного правительства. «Мы бы вернулись к ошибке социалистов», — говорит Грамши.

— Мне кажется, сами факты показывают и подчеркивают противоречия, существовавшие между Коминтерном и нашей партией, и ошибочность проводимой ею линии.

— Сприано вспоминает, что на июньском расширенном заседании ИККИ Зиновьев упрекнул партию за то,

Луиджи Лонго с матерью в день,
когда ей исполнилось 100 лет.

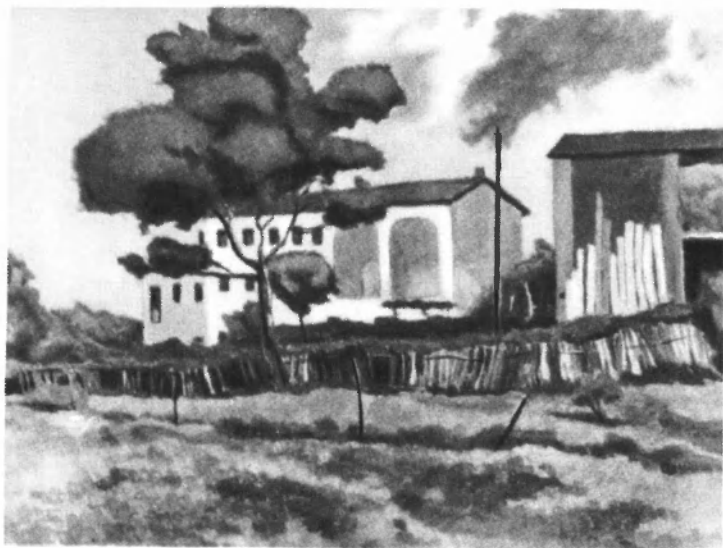
Вид Фубине Монферрато.

Луиджи Лонго в 1919 году
после демобилизации
из армии.

Дом, в котором родился Луиджи Лонго.

Патруль Красной гвардии в Петрограде
в октябрьские дни 1917 года.

Один из первых полков регулярной Красной Армии
перед отправкой на фронт.
1918 год.

Антонио Грамши.

Пальмиро Тольятти.

Умберто Террачини.

Первый номер «Ordine nuovo». 1 мая 1919 года.

L'ORDINE NUOVO

Rassegna settimanale di cultura socialista

Amministratore: Palmiro Togliatti - in via di Torino 10, Torino.
Amministratore delegato: Umberto Terracini - in via di Torino 10, Torino.
Responsabile stampa: Antonio Gramsci - in via di Torino 10, Torino.

Responsabile di redazione:
ANTONIO GRAMSCI
P. TAGGIOLI

Redazione e stampa: Via di Torino, 10 - Torino
Abbonamenti: Semestrale L. 10, Annuale L. 20, Estero L. 30.
Numero unico: L. 1, 10, 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100.

1.1919 L. 1. 1.

EDITORIALE

Lettere di giudizio

Il primo numero del giornale è un lavoro produttivamente serio dei gruppi socialisti di una provincia di operai, stivali e calzature. È un prodotto della vita nazionale e internazionale. È un lavoro di uomini che si qualificano e si ritengono in lavoro. È un lavoro che non si è mai fatto. È un lavoro che non si è mai fatto. È un lavoro che non si è mai fatto.

Questo è il programma generale, che è già stato detto, con alcune sue parti della realtà e dell'ambiente della provincia della vita, mediante la propaganda del programma socialista. Di quel programma che è stato detto ai grandi problemi sociali che sono sempre stati fatti e ripetuti in un altro ambiente e rispetto all'ambiente socialista. Vogliamo che in tutto la propaganda socialista non si faccia sempre e sempre la stessa della realtà capitalistica, che fatto molto semplice e molto complesso.

La guerra ha provocato, nel nostro paese, una crisi di vita, un crisi di vita, un crisi di vita. È un crisi di vita, un crisi di vita, un crisi di vita. È un crisi di vita, un crisi di vita, un crisi di vita. È un crisi di vita, un crisi di vita, un crisi di vita.

Il primo numero del giornale è un lavoro produttivamente serio dei gruppi socialisti di una provincia di operai, stivali e calzature. È un prodotto della vita nazionale e internazionale. È un lavoro di uomini che si qualificano e si ritengono in lavoro. È un lavoro che non si è mai fatto. È un lavoro che non si è mai fatto.

Le situazioni italiane

Il primo numero del giornale è un lavoro produttivamente serio dei gruppi socialisti di una provincia di operai, stivali e calzature. È un prodotto della vita nazionale e internazionale. È un lavoro di uomini che si qualificano e si ritengono in lavoro. È un lavoro che non si è mai fatto. È un lavoro che non si è mai fatto.

Джованни Пароди.

Баттиста Сантиа.

Один из цехов занятого рабочими
завода «Ланча». Турин.
Сентябрь 1920 года.

охранение
завода Терми
1920

Пост красногвардейцев на крыше
завода «Ланча». Турин.
Сентябрь 1920 года.

Заседание фабрично-заводского совета
завода «Фиат-Центро». Турин.
Сентябрь 1920 года.

Газета Федерации социалистической молодежи «Авангард».
В этом номере сообщалось о присоединении ФСМ
к Компартии Италии.

Заседание XVII съезда Итальянской
социалистической партии
в театре Гольдони в Ливорно.
Январь 1921 года.

Выступление В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна.

Москва. Субботник на Воробьевых горах.
1921 год.

ДЕЛЕГАЦИЯ КОМПАРТИИ ИТАЛИИ
НА IV КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА, 1922 год.

Сидят (слева направо): Джулианини, А. Бордига,
У. Аркуно; стоят: Л. Лонго, Презутти, Т. Лунадеи.

Исидоро Адзарио.

Ансельмо Марабини.

Сидят (слева направо): Э. Пелузо, А. Таска, А. Грациаден;
стоят: К. Равера, Э. Д'Онофрио, А. Горелли.

Помещение Компартии Италии в Турине,
разгромленное фашистами в декабре 1922 года.

Фотографии Луиджи Лонго, опубликованные фашистской полицией
для розыска его как «активного и опасного коммуниста».

5994 Longo Luigi di Giuseppe

Членский билет
Компартии Италии.
1923 год.

Номер «Стато операйо». 1923 год.

1923 - 1923
MILANO, 22 Settembre 1923

lo Stato Operaio

ABBONAMENTI:
Anno 12.000
Semestre 6.000
Trimestre 3.000
PUBBLICITÀ E LAVORI STRUTTURALI
Via Cappuccini, 10
MILANO (110)

Partito Comunista d'Italia SEZIONE INTERNAZIONALE COMUNISTA

Compagni e Lavoratori!

Il Partito Comunista d'Italia, che ha per programma la conquista del potere operaio, si presenta oggi a voi con un programma di lotta che è il programma di lotta per la conquista del potere operaio. Questo programma di lotta è il programma di lotta per la conquista del potere operaio. Questo programma di lotta è il programma di lotta per la conquista del potere operaio.

LA VOSSA VOSS!

Per il nostro partito operaio è un problema di vita il problema di essere il partito di massa. Il problema di essere il partito di massa è il problema di essere il partito di massa. Il problema di essere il partito di massa è il problema di essere il partito di massa.

Un grande partito marxista

Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista. Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista. Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista.

Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista. Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista. Il Partito Comunista d'Italia è un grande partito marxista.

L'esperienza tedesca e la situazione italiana

L'esperienza tedesca e la situazione italiana. L'esperienza tedesca e la situazione italiana. L'esperienza tedesca e la situazione italiana.

Sei comunista sono stati arrestati

Пальмиро Тольятти.
Вторая половина 20-х годов.

что она не участвовала в политических собраниях антифашистских партий за учреждение Союза труда¹⁷, и призвал ее поднять лозунг рабочего правительства.

Итальянские делегаты возражают ему, приводя ошибки и слабости социалистов, но в конце берут обязательство выдвинуть до середины июля лозунг рабочего правительства. Но это — обязательство, взятое лишь «в порядке дисциплины», потому что, объясняет Бордига на Бюро партии, подобное правительство «в действительности может образоваться только после свержения буржуазного строя».

Бордига пишет Грамши, оставшемуся в Москве: «Мы против любой политики соглашательства с максималистами Серрати». «Мы по принципиальным и практическим причинам против любого сближения, в том числе официозного, с ИСП и не будем вести переговоры ни с маффистами (последователи течения во главе с Маффи¹⁸, выступавшего за III Интернационал), ни с серратинцами по поводу съезда социалистической партии» (который должен был проходить в Риме и решить вопрос о том, изгонять реформистов из ИСП или нет).

Разногласия по позиции, которую следует занять в отношении ИСП, очевидны и радикальны: Коминтерн хочет вернуть социалистическую партию в свои ряды, а КПИ — ликвидировать ее. В Коминтерн входят через дверь и по одному, утверждает она. Если вопрос будет решен противоположно, Бордига обещает уйти из руководства партии.

«Мы продолжаем сохранять убеждение, что ИСП должна быть разрушена, начиная с фундамента» — это утверждает Террачини.

Мы уже накануне Римского съезда социалистической партии, на котором поражение Союза труда и провал предложения о сотрудничестве в правительстве, сделанного Турати королю, вновь зажгли полемику и углубили разрыв. С буржуазией не сотрудничают, утверждает Серрати, «потому что, чем больше свирепствует реакция, тем больше социалисты должны оставаться верны своей программе. Они должны поднять ее как знамя».

Максималисты на съезде ИСП в Риме требуют исключения реформистов; Тревес выдвигает лозунг: «Социалисты — с социалистами, коммунисты — с коммунистами».

Максималисты, которые на съезде в большинстве, сохраняют название партии, «Аванти!», большинство голосов. Реформисты, однако, сохраняют большинство среди депутатов и имеют сильные позиции в профсоюзах и кооперативах. Реформистская партия, образовавшаяся на Римском съезде, будет называться Итальянская унитарная социалистическая партия, где слово «унитарная» означает единство социалистов-некоммунистов, более того, антикоммунистов. Так склонность социал-демократов к антикоммунизму осуществляется в новой партии.

Социалистическая партия, очищенная на съезде от реформистов, принимает приглашение Коминтерна направить на его IV конгресс делегацию из представителей всех течений. Руководители компартии не проявляют никакого энтузиазма по поводу результатов съезда, который, хотя и с опозданием более чем на два года, подтвердил смысл их борьбы на съезде в Ливорно.

Центральный Комитет Компартии Италии дает своей делегации на IV конгресс задание защищать позиции КПИ и решает созвать чрезвычайный съезд партии в случае, если решения Коминтерна будут отличаться от позиций КПИ.

Делегация КПИ на IV конгресс состояла из 21 товарища. В ней были представлены все точки зрения, выявившиеся во время предыдущих дискуссий.

Я тоже входил в состав делегации. Мы вместе с Д'Онофрио и Горелли представляли Федерацию коммунистической молодежи.

Берлин после первой мировой войны

— Тебе не кажется, что делегация по тем временам была слишком многочисленной? В сущности, то, что Бордига и такое количество местных и центральных партийных руководителей выезжали из страны, над которой висела угроза сверхдраматических событий, подтверждает, что опасность фашизма недооценивалась и что, скажем прямо, сам Бордига не считал революцию слишком близкой. На прогулку по Европе не отправляются, если думают, что с минуты на минуту может развиться революция или контрреволюция.

— Сам Серрати сказал, что, когда делегаты социа-

листической партии садились в поезд, отправлявшийся в Москву, у них была «абсолютная уверенность, что ничего не случится». Дело было вот в чем. Учитывая важность вопроса об объединении двух партий — социалистической и коммунистической, который должен был обсуждаться ввиду разницы во мнениях, существовавшей среди самих коммунистов, было высказано пожелание, особенно со стороны Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, чтобы в делегации были представлены все существовавшие течения, в частности и потому, что советские коммунисты всегда предпочитали обсуждать вопросы непосредственно с заинтересованными товарищами в надежде повлиять на них, что, впрочем, порой не давало серьезных результатов.

Как мы уже видели, на предыдущих конгрессах Коминтерна часто присутствовали импровизированные делегации, состоявшие из представителей, находившихся в Москве лишь проездом и не получивших никаких полномочий от течений, которые они должны были представлять. Отсюда частые случаи, когда делегаты в Москве говорили или признавали одно, а вернувшись домой, утверждали совершенно обратное. Нашумевший случай в этом смысле призошел с Д'Арагоной и с товарищами на II конгрессе Коминтерна¹⁹.

Что касается состава нашей делегации на IV конгресс Коминтерна, здесь, может быть, имела место и недооценка серьезности положения и скрытых в нем опасностей. Не будем забывать, что для Бордиги отставка правительства Факты²⁰, его замена Муссолини были не чем другим, как нормальной сменой правительства: буржуазное первое — буржуазное и второе, а фашистская мобилизация и «поход на Рим» дали лишь немного фольклорного оттенка, необходимого фашизму для восхваления своего демонстративного национализма и много героического духа.

— *Поражает поведение в подобной обстановке тех, кто стоял во главе (и обладал такой властью!) коммунистической партии, которая возникла именно с целью восполнить нечувствительность и недостатки в организации и в руководстве социалистической партии.*

— Ответ на твое удивление ты можешь найти в следующих словах Бордиги, произнесенных в Москве на собрании делегации, прнехавшей на IV конгресс: «Так

как Центральный Комитет не разделяет политику Коминтерна по итальянскому вопросу, он считает себя политически смещенным». Поэтому «я даже не подумал возвратиться в Италию, после того как узнал о последних событиях». «Положение, в которое Коминтерн поставил партию, препятствует ей проводить политику».

— *Это самое настоящее заявление о дезертирстве в наиболее критический момент битвы.*

— Именно так, но все это должно привести нас к нескольким более общим выводам о том, кем были тогда фактически руководители социалистической партии. Чаще всего это были люди свободной профессии: главным образом адвокаты, врачи, преподаватели, ремесленники, которые посвящали партийной работе и особенно практической организационной работе время, свободное от их основного занятия. Поэтому они не ощущали партийную работу как серьезную и постоянную ответственную деятельность, стоящую превыше всего; многие считали, что делают «любезность», а не принимают на себя четкое «обязательство».

Фигура профессионального революционера, которая порой дискредитировалась даже самими коммунистами, на мой взгляд, должна быть исследована глубже. Причем не в свете предубеждений и предрассудков, а на основе требований современной коммунистической партии с ее многообразными, сложными и постоянными задачами, для решения которых необходима непрерывная и тщательная организаторская, координирующая и руководящая деятельность.

Между понятиями «профессиональный революционер» и «бюрократ» не должно быть тождества. Импровизаторство, поверхностность, неясное распределение обязанностей, волюнтаризм, который, кстати, является одной из форм бюрократизма, не могут, конечно, обеспечить хорошие результаты.

Как я уже говорил, я входил в состав делегации, представляющей Федерацию коммунистической молодежи. Я, Д'Онофрио и Горелли, который уже находился в Москве, составляли молодежную делегацию внутри партийной и одновременно были представителями Федерации коммунистической молодежи на III конгрессе Коммунистического Интернационала Молодежи, проходившего в то же время в Москве.

Делегация собралась в Милане, откуда отправилась без осложнений в Берлин. Как я уже говорил, мы прибыли в Берлин как раз 28 октября, в день «похода на Рим». Уже на станции мы услышали эту новость от Мизиано и Амброджи (секретарь Палаты труда в Чечиие, откуда фашисты вынудили его бежать). Эти товарищи были нашими гидами по Берлину вместе с товарищем Эдмондо Пелузо²¹, знавшим немецкий язык и любившим подписываться «гражданин мира», так как он много путешествовал, в том числе и по странам Востока.

Человек он был чудаковатый, одет всегда очень необычно. Его блестящие, живые глаза ярко выделялись на красивого цвета лице, обрамленном очень ухоженной темной бородкой. Он старался все время выглядеть красавчиком, и поэтому мы, молодежь, часто язвительно шутили над ним. Он ехал в Москву, я думаю, для того, чтобы остаться потом там в качестве переводчика и референта по итальянским делам.

— Расскажи мне что-нибудь о Берлине после первой мировой войны. Какое он на тебя произвел впечатление?

— Добрый Пелузо, несмотря на наши издевательства, был нашим гидом все те несколько дней, что мы пробыли в Берлине, ожидая отправления в Москву.

Осматривая улицы и парки города, мы чувствовали, что находимся в великой столице, скатившейся до положения города авантюристов, спекулянтов и отверженных. Нас поразили дома, громоздившиеся один над другим. Их стены с отлетевшей штукатуркой почернели от дыма из труб и от грязи, накопившейся за многие годы: окна и двери — узкие, без украшений, как многочисленные пустые глазницы. Уныние.

Среди этого убожества и заброшенности особенно выделялись главные улицы, сверкавшие огнями, со светящимися витринами, полными всех благ господних; в дверях ресторанов внушительные швейцары отвешивали глубокие поклоны клиентам в шубах и бриллиантах и гнали в шею «бородачей» с гитарами и скрипками, пытавшихся проникнуть внутрь, чтобы вымалывать милостыню у посетителей. Естественно, они «не замечали» определенного типа женщин, которые, очевидно, являлись частью украшения ресторана.

За несколько лир можно было заказать все, что хочешь: самые редкие фрукты, самые изысканные яства,

поданные на сверкающих тарелках. Дома я заходил лишь в самые дешевые закулочные и здесь чувствовал себя очень неловко в окружении многочисленных официантов, которые делали для тебя буквально все, предупреждали каждое твое желание: каждый раз меняли тарелки, подставляли и убирали стул, делали множество поклонов и комплиментов, на каждый пустяк — битте, данке, битте, данке. Я чувствовал себя как рыба на песке, как утенок, никогда не выходивший со двора (да так и было на самом деле). Пелузо поселил меня в гостинице, чистой, солидной, управляемой с холодной немецкой скрупулезностью и устроенной, я думаю, профсоюзами для приезжих трудящихся и профсоюзных активистов. Больше всего меня удивила кровать. Я долго, но безуспешно искал приметы типичной итальянской постели: простыни, матрас, одеяла. Я не знал, что делать с периной, набитой гусиным пухом, которая царственно возлежала на деревянном скелете кровати, со стопой пухлых подушек, тоже из гусиного пуха. Я крутил их и так, и этак и, наконец, решил забраться под перину и попытаться уснуть. Я заснул, но то и дело просыпался от того, что наружу высывались то нога, то колено, то еще какая-нибудь часть тела. Но делать было нечего. Наутро я попросил объяснить, как здесь ложатся спать, и оказалось, что я все делал правильно.

— *Оставим в стороне твои личные злоключения. Расскажи мне все-таки о послевоенном Берлине.*

— Берлин, несмотря на еще заметные разрушения, вызванные войной (конечно, несравнимые с разрушениями второй мировой войны, следствиями гитлеровского безумия), показался мне очень красивым городом. Мой дорогой Турин, «немного староватый, провинциальный, но свежий парижским изяществом линий», как его видел Гоццано²² в начале века, и который мне казался таким прекрасным, много потерял при сравнении с Берлином. Он мне казался действительно стареньким и провинциальным, мой город, лишенный какого-либо «парижского изящества», перед грандиозностью и монументальностью берлинских улиц, дворцов и парков.

Покупательная способность денег падала изо дня в день с громадной скоростью. Утренние цены товаров днем уже вырастали в несколько раз. Банковские билеты — прекрасные немецкие банкноты, выполненные со

всевозможными техническими ухищрениями с целью не допустить фальсификации,— фактически были фальсифицированы самими властями, печатавшими на банкнотах одного образца каждый день новую, все большую цифру, которая за несколько дней вырастала в десять, а потом в сто раз. Ценность бумажных денег падала быстрее, чем печатались новые.

То же явление мы обнаружили, приехав в Москву. Здесь также покупательная способность бумажных денег падала изо дня в день. И здесь тоже, чтобы не изготавливать новую бумагу для денег, штемпелевали старые банкноты. Один пример: за яблоко, которое мы покупали в столовой для делегатов, то есть где не было спекуляции, через полтора месяца после приезда мы платили в два-три раза дороже.

И это тоже помогло нам понять причину, по которой Ленин в своем докладе на IV конгрессе Коминтерна сказал: «Что действительно важно, это — вопрос о стабилизации рубля». «Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит, мы выиграли». Ленин с законной гордостью подчеркнул, что если «в 1921 году период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев», то «в текущем 1922 году... этот период продолжался свыше пяти месяцев». «Я полагаю, что этого уже достаточно»²³.

Поездка Берлин — Москва

— *Путешествие от Берлина до Москвы в условиях того времени, наверное, было не очень приятным. Ведь был уже ноябрь, а холода в тех широтах начинаются рано.*

— Это верно, но для меня поездка была очень приятной и интересной, почти приключением, несмотря на все неудобства и помехи. Подумай только, мне было 22 года, и я ехал в великую Москву, столицу революции, где должен был познакомиться с легендарными людьми: Лениным, со знаменитым командующим кавалерией Буденным, о легендарных делах которого я уже знал. Я знал, что красной кавалерии во главе с Буденным удалось разбить войска Деникина, Врангеля, белополяков. Я ехал в Москву, где и мне придется участвовать в событиях, о которых говорили и будут говорить еще долго.

Что означают неудобства дороги, колючий холод, скука быть в незнакомой компании по сравнению с такими перспективами? Я уехал из Италии в том, в чем ходил там: в легком пальто и велосипедной шапочке, но зато сердце мне согревал громадный энтузиазм.

Отправились мы все вместе, более или менее удобно устроившись в единственном спальном вагоне. Бордига был прекрасным попутчиком: всегда вежливый, всегда занятый или чтением документов, или приготовлением еды для всех нас, или варкой кофе на специально привезенной им из Неаполя кофеварке, или игрой в карты (он считался у нас чемпионом), или рассказами о своих предыдущих поездках. Больше всего ему нравилось рассказывать, как он подшучивал над своими попутчиками, особенно если они были социал-демократами. Все реформисты и оппортунисты, которых он знал, постоянно представляли в его рассказах в самом смешном и жалком виде.

— С Бордигой ездила его жена, Ортензия Де Мео. Здесь, конечно, нет ничего плохого. Но я удивился, прочитав, что она входила в состав делегации с правом голоса. Я не думаю, что она интересовалась политикой, и сегодня подобная вещь выглядела бы странно.

— А что ты хочешь, некоторые товарищи из других стран говорили, что мы во многом были еще провинциалами. Но самое плохое, что мы должны были всю поездку терпеть эту несносную женщину. Вечно недовольная, на все жалующаяся, мелочная, делающая все назло, особенно по отношению к мужу, которого она обвиняла во всех действительных и воображаемых бедах, которые ее угнетали. Она была преподавательницей; это была разочарованная женщина, изможденная нелегкой жизнью, прожитой с Бордигой. Ее имя было Ортензия, но между собой мы ее звали только Ксантиппа, из-за ее сходства со сварливой женой Сократа.

Естественно, мы все относились к ней с уважением, не только как к женщине, но и потому, что было видно, что она действительно страдала от трудной жизни, которую ей приходилось вести, от выпавших на ее долю разочарований, от неудавшихся попыток литературной деятельности. Бордига был с ней максимально корректен и так уважителен, что переносил злые нападки, которые бы вывели из себя и святого.

— *А что тебе еще особенно запомнилось?*

— Нечто совершенно другого рода. С нами ехала неapolитанка с грудным ребенком. Это была очень изысканная, любезная женщина, естественно, все время беспокоившаяся, чтобы ее девочка вовремя поела, не простудилась, чтобы ей было удобно, и так далее, и тому подобное. Все мы, конечно, ей помогали как могли. Она ехала в Москву к мужу, важному инженеру одного завода, о котором все говорили с таинственным видом: на нем якобы строились загадочные аппараты, основанные на новых принципах, которые могли взлетать и проноситься по небу с громадной скоростью. Мы бы подумали, что речь шла о летающих тарелках, если бы тогда знали все то, что на эту тему потом напишут.

Во всяком случае, я был убежден, что речь шла действительно о чем-то очень важном. Бордига говорил об этом очень серьезно. Когда мы были в Москве, мне пришлось побывать на этом заводе. Там работали некоторые товарищи из Турина, которых я знал по антифашистской борьбе и с которыми я хотел встретиться.

Для меня это посещение было разочарованием: несколько больших залов, в них несколько машин и их частей, неизвестного мне назначения, но неизвестного лишь вследствие моей некомпетентности, а не потому, что это было нечто необычно новое или загадочное. Чтобы утешить себя, я подумал, что, может быть, самое важное находится в каком-нибудь совершенно засекреченном цехе.

— *Что за люди были остальные попутчики?*

— О наиболее видных товарищах я расскажу, когда мы будем говорить о политических вопросах, обсуждавшихся в Москве. Сейчас я хочу лишь сказать, что в том вагоне я впервые познакомился лично со знаменитым Бомбаччи²⁴, о котором писали все итальянские газеты, публикуя его большие фотографии и представляя его как самого опасного и решительного революционера из всей социалистической партии.

Он носил, как тогда было в моде у «истинных революционеров», черную широкополую шляпу, большой черный галстук бантиком, и у него была очень ухоженная борода. Он был нормального телосложения, даже высокий, я бы сказал. Взгляд его был мягкий, почти ласкающий; разговаривал он охотно и обо всем, всегда с легкостью и спокойствием. Во время нашего длинного

путешествия мы часто беседовали, и я смог узнать его довольно хорошо. Газеты, которые у нас были, он лишь поверхностно просматривал; я предложил ему несколько журналов и книг, чтобы развеять скуку и убить время. Бомбаччи честно мне признался, почти гордясь этим, что он — учитель, оратор, секретарь (в течение нескольких месяцев) великой социалистической партии — пробегал лишь самые крупные заголовки газет и почти никогда не читал книг, потому что ему это было скучно.

Такое простодушие меня разоружило, и, вспоминая сейчас странные события его жизни, мне все больше кажется, что его смерть в Донго, среди фашистских главарей, абсолютно не соответствовала действительному масштабу этого деятеля, скорее пустого, чем ответственного.

— *Мне кажется, что бороды наших отцов или предков играли определенную роль в социалистическом движении.*

— Да. Борода Бомбаччи, например, в те времена была объектом самых различных издевок в фашистских частушках и куплетах. Они говорили, что хотят ее отрезать, чтобы повесить его, или употребить ее еще более гнусным образом. То же самое, в общем-то, говорилось и по поводу стольких прекрасных длинных и окладистых бород, украшавших лица главных руководителей социалистов, и особенно реформистов: Риголы²⁵, Д'Арагоны, Модильяни.

Издевки фашистов по поводу бород (которые, кстати, являлись хорошим отличительным знаком) руководителей социалистов привели к тому, что они не сбривали их, а, наоборот, носили их с гордостью, как знамя мужества и верности социализму.

Разговаривая со мной в Москве, Бомбаччи уверял меня, что никогда в жизни не сбреет и не позволит сбрить свою бороду, вытерпевшую столько насмешек и угроз. Это было гордое и твердое заявление, соответствовавшее его характеру, горячему и наивному одновременно.

Однако перед отъездом обратно в Италию он аккуратно сбрил себе и усы, и бороду и сразу же потерял всю свою революционную внешность, опять став неприметным среди стольких обычных людей.

— *Вернемся к вашему вагону. По твоим словам выходит, что вы путешествовали как в караване.*

— Да, он мне вспоминается, как смесь чего-то цыганского с комфортом. Наш спальный вагон был построен еще в царское время, в нем были тяжелые портьеры, а оборудование действовало с трудом. Кроме того, мороз скрепил в одно целое все то, что должно было открываться или сдвигаться: двери, форточки и окна были покрыты красивыми переплетающимися ледяными узорами, и лишь продышав маленькое отверстие в них, нам удавалось выглянуть наружу, чтобы понять, где мы находимся — в открытом поле или на какой-нибудь станции.

Поля, дома, города — все было покрыто толстым снежным покрывалом. К счастью, в поезде и на станциях всегда можно было найти кипяток, чтобы согреться и приготовить немного чая. Паровоз топили дровами, и поезд тащился буквально черепашьим шагом, то и дело надолго останавливаясь даже в открытом поле. Тогда мы все выходили, чтобы размять ноги и поговорить с пассажирами других вагонов (если я не ошибаюсь, поезд состоял только из спальных вагонов).

Мы, как школьники на каникулах, играли с пассажирами из других вагонов в снежки, не боясь, что отстаем от поезда: прежде чем отправиться, машинист давал длинный, хриплый и печальный гудок, и колеса начинали вращаться так медленно, что мы всегда могли успеть к своему вагону, в каком бы конце состава мы ни находились.

Для меня, провинциала и жителя Южной Европы, было открытием обнаружить на каждой станции рядом два крана с водой: один — весь обледеневший снаружи, с длинным и тонким сталактитом из льда, свисавшим вниз, другой — блестящий и дымящийся, из которого брали кипяток. На каждой станции пассажиры наперегонки бежали запасаться горячей водой для уборки, готовки и чая. За кипятком надо было стоять в очереди, но опасности опоздать на поезд не было.

— *А как обстояло дело на границе с паспортным и таможенным контролем и другими формальностями?*

— Пересечения границ были самыми скучными и утомительными вещами. Каждый раз надо было сгружать и вновь погружать весь багаж, причем два раза: первый раз на станции в стране, из которой выезжал, второй — в стране, в которую въезжал. Всякий раз таможенники все

переворачивали вверх дном, впрочем, с присущей им поведению вежливостью и обходительностью.

А потом в то время, когда границы были неточные и часто оспаривались, досмотры были особенно тщательными и проходили в атмосфере подозрительности. Внимательно обыскивали также и самих пассажиров. Женщин обыскивали специальные сотрудницы таможи. Часто в результате этих досмотров обнаруживались длинные отрезки шелка, туго-натуго замотанные вокруг тела, или многочисленные трусики, комбинации, надетые одна на другую, как делают некоторые фокусники в цирке. В каждой стране были длинные списки товаров, запрещенных к ввозу или к вывозу. Особенно тщательно контролировалась валюта, и всякий раз приходилось заполнять таможенные декларации на абсолютно незнакомых языках.

Так мы проезжали через города и села, названия которых я, по крайней мере, слышал впервые. Не видел я их и на моих школьных картах. По карте я знал более или менее, где находятся некоторые города, но названия у них были совершенно другие: Таллин вместо Ревель, например. Ригу я узнал сразу же не только по ее огромному порту, но и по неизменившемуся названию. В Риге мы простояли несколько часов и совершили поездку на санях по городу. Трудно определить чувство, которое вызывало бесшумное и стремительное скольжение на этой странной конструкции, увлекаемой вперед одной или несколькими лошадьми. Ледяной воздух остро колот лицо, вызывал слезы. На каждом резком повороте сани заносило вбок, и казалось, что они вот-вот на полной скорости врежутся в стены домов, стоящих вдоль улицы. Мы пересекли многие страны: Германию, Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Россию, а кроме того Данцигский коридор — в общей сложности мы шесть или семь раз выгружали и погружали багаж. Пелузо взял с собой здоровенный баул, который мы с проклятьями таскали в узкие двери станций, по крутым обледенелым лестницам и через пути, находящиеся намного ниже платформ.

— *Какова была ваша первая встреча с русской землей?*

— Ты можешь себе представить, что происходило! Как только показалась арка, украшенная цветами и транспарантами на разных языках, взрыв общей радо-

сти прокатился по составу. Поезд на несколько минут остановился для смены бригады.

Наконец-то мы достигли страны, о которой мечтали, — нашей Мекки. Всем хотелось выскочить из поезда, чтобы обнять и расцеловать красных солдат, охранявших границу. Они нам казались гигантами в прямом смысле: одетые в длинные, от головы до пят, шинели, в шерстяных буденовках, заостренных вверху и имевших отворот для защиты от мороза ушей и шеи. Сразу же по приезде в Москву мы смогли оценить достоинства этого головного убора, который сначала нам показался таким странным. Спереди на буденовке пламенела красная звезда с «перекрещенными серпом и молотом — эмблемой труда», как говорилось в популярной тогда в Италии песне Спартакуса Пиченуса²⁶. Такой же прием, такая же праздничность и еще большая торжественность нас встретили на вокзале в Москве, где нас ожидало много товарищей, друзей и официальных лиц. Военный оркестр после «Интернационала» заиграл «Бандьера Росса»²⁷, которую мы все подхватили хриплыми голосами.

Нас, итальянцев, все время пытались заставить петь: «вы из страны бельканто», — говорили нам. Я думаю, как и все остальные, что мы никогда так не позорили родину, как тогда, когда кому-нибудь из нас не удавалось устоять перед комплиментом и он затягивал что-нибудь. Даже «Бандьера Росса» мы прилично не умели спеть.

— *А сейчас? На наших собраниях «Интернационал» часто поют неправильно.*

— У выхода из вокзала нас ожидали старенькие машины и автобус, которые привезли нас к выделенной нам резиденции: гостинице «Люкс»²⁸, одной из самых современных гостиниц времен царизма, которая еще сохраняла определенный лоск. Там мы работали вечером, ужинали и ночевали. Днем, во время заседаний конгресса, мы обедали в раззолоченных залах прекрасного Кремля.

Входя в первый раз в «Люкс», я, конечно, не мог и подумать, что буду возвращаться туда еще столько раз в течение двадцати лет, до начала развязанной Гитлером войны: то на несколько дней проездом, то на более длительный срок для работы в КИМе, а потом и Коминтерне, двух высших организаций, руководивших в мире деятельностью и борьбой коммунистических партий и молодых коммунистов.

Москва в 1922 году

— *Какое впечатление на тебя произвела Москва 1922 года? Наверное, более или менее походила на древнюю Москву царей, в облик которой ни война, ни революция не внесли еще заметных перемен.*

— Мы приехали в Москву в первых числах ноября, когда она уже была в зимнем наряде. Снег покрывал сады, улицы, крыши домов. Люди были закутаны в характерные шубы из овчины мехом внутрь, теплые и непромокаемые, или же носили такие толстые пальто, что они не давали свободно двигать руками, и человек выглядел как движущийся рулон ткани.

Очень симпатичными и живыми выглядели дети, хотя они и были укутаны с головы до ног, а большие шарфы, закрывавшие шею и голову, позволяли лишь с трудом видеть открытые глаза и покрасневшие от щипавшего их мороза щеки. На них было столько одежды, что, если смотреть сбоку или сзади, они походили на шары, которые должны были кататься. Несмотря па жуткий холод, бульвары, занимавшие тогда добрую половину широких улиц, по которым запрещалось всякое движение транспорта, были заполнены детьми, катавшимися на санках, на коньках или просто на ногах на импровизированных ледяных дорожках. За ними наблюдали молодые няни, сидевшие обычно под руку с молоденькими солдатами на покрытых снегом скамейках.

Город, за исключением исторических монументальных мест: Кремля, Красной площади, Китай-города, Лубянки и некоторых кирпичных или каменных зданий, большей частью состоял из двух, самое большое, трехэтажных домов, двойные деревянные стены которых были заполнены землей или другими теплоизоляционными материалами, а сверху покрыты штукатуркой и украшены вазами, зеркалами и деревянными карнизами с грубоватой, но искусной резьбой.

Знаменита способность любого русского крестьянина из дерева творить чудеса архитектуры. Не успеешь моргнуть глазом, как он тебе из простых бревен построит дом, а то и целый дворец. В то время дерево еще было наиболее доступным и распространенным строительным материалом. Я понял, почему при Наполеоне, немногим больше века назад, было так легко поджечь целый город.

Лишь в самых отдаленных от центра районах города было еще относительно много изб, чаще всего крытых железом, а не соломой, как в деревне.

Нам посоветовали зимой не ходить по тротуарам слишком близко к стенам домов — с крыш свисали громадные сосульки, которые при малейшей оттепели отрывались и падали вниз. Во время сильных снегопадов такую же опасность представляли скопления снега на крышах, падавшие на тротуар, когда ты этого меньше всего ожидал.

— *Это была Москва, которую ты увидел, когда приехал туда в первый раз, — Москва Толстого и Наполеона, «азиатская столица». Какое впечатление на тебя произвело сравнение ее с современной Москвой, например, в год пятидесятилетия революции?*

— Сравнить здесь невозможно. Если не брать несколько основных магистралей, еще тогда составлявших скелет города, и самые старые памятники, насчитывающие несколько веков, в сегодняшней Москве нечего и сравнить с тем, что я видел полвека назад.

Прежде всего исчезли старые и низкие домики, преобладавшие тогда. Центральные улицы стали еще более широкими, бульвары, находившиеся раньше посреди больших улиц и служившие летом и зимой для игр детей и встреч влюбленных, исчезли, уступив место уже довольно интенсивному, но еще упорядоченному движению транспорта. На всех улицах высятся большие дома в 8, 10 и более этажей, построенные из кирпича или панелей, или состоящие из стального каркаса и стеклянных стен (общественные здания, министерства, учреждения и так далее). Целые районы города построены на основе одинаковых критериев и, в общем, из одних и тех же материалов. По использованному материалу и архитектурным линиям можно угадать, в какой период социалистического строительства было воздвигнуто то или иное здание.

В различных районах Москвы возвышаются гигантские небоскребы периода 50-х годов; многие их критиковали, но мне кажется, они придают характерную черту, составляют отличительный знак всего города, так же как и монументальное здание университета имени Ломоносова, расположенное на Воробьевых горах, столь дорогих сердцу Ленина. О размерах университета гово-

рит следующий факт: если новорожденный, принесенный в университет, проживет лишь по одному дню в каждой из его бесчисленных аудиторий, то, чтобы побывать во всех из них, ему потребуется более 100 лет. Это здание больше десяти лет было символом, эмблемой новой Москвы, но сегодня уже новые конструкции претендуют на эту роль: телевизионная башня и Выставка достижений народного хозяйства. На громадных московских стадионах можно заниматься любым видом спорта, а знаменитые парки новой и старой Москвы не только сохранены, но улучшены и умножены (подумать только, что делают во многих итальянских городах с теми немногими парками, что достались нам в наследство от прошлого).

Строящиеся повсюду эстакады, туннели, транспортные развязки делают Москву все современнее, а движение — простым, быстрым, упорядоченным. Еще перед войной, когда начали расширять Тверскую (сейчас улица Горького), где находилась гостиница «Люкс», в которой я жил в мой первый приезд в Москву, решили не сносить старые дома, а отодвинуть их в сторону, целиком, даже не вынося мебель и посуду.

Когда мне об этом рассказали в первый раз, я подумал, что надо мной захотели подшутить; что это один из анекдотов, которыми знаменита местность Кунео. Более того, если я не ошибаюсь, мне это сообщил как раз Джованни Джерманетто²⁹, симпатичный автор «Записок цирюльника» и беззастенчивый рассказчик анекдотов Кунео.

— *Если не ошибаюсь, вы прибыли в Москву как раз в период празднования годовщины Великой Октябрьской революции.*

— Да, и участвовали во всех народных манифестациях, посвященных пятой годовщине Октября. Так случилось, что я побывал на праздновании и пятой, и пятидесятой годовщины революции; обе эти даты очень важны: пятая годовщина отмечалась, когда гражданская война уже была выиграна по всему фронту, а пятидесятилетний юбилей праздновали, когда Советский Союз уже был второй индустриальной державой мира.

На одном из заседаний IV конгресса делегатам из всех стран объявили, что последние японские части навсегда изгнаны из Владивостока. Что тут было! Нескон-

чаемые аплодисменты, люди влезли на стулья, их глаза блестели от радости, они размахивали флагами, руками, пели и кричали «ура!» на всех языках. «Ура!» всем: Красной Армии, Интернационалу, мировой революции. Добрую четверть часа в торжественном зале Кремля, где проходил конгресс, царил безудержный энтузиазм.

На праздновании пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции так же приветствовались огромные научные и технические достижения, достигнутые за 50 лет Советской власти: запуски спутников Земли, космических станций, доставивших советский вымпел на Луну и Венеру. Между двумя событиями, освобождением Владивостока и завоеванием космоса, полетами к звездам, пролегает неизмеримая дистанция, которую обычный человеческий ум только сейчас начинает понемногу осознавать.

— Ты знаешь, может быть, это и не относится к нашей беседе, но когда я думаю о годах, прошедших с пятой до пятидесятой годовщины революции, о тысячах вихревых событий, заполнявших их, и о том, что ты всегда был в центре этих событий, я говорю сам себе, что тебе немало повезло в жизни.

— Я тоже об этом часто думаю. В самом деле, я участвовал в разных событиях, попадал в трудные, а порой и трагические переплеты, но всегда мне удавалось выйти из положения. Ты скажешь, фортуна, случай? Может быть. Но, думаю, здесь есть и другое. Я всегда воспринимал все события с большим спокойствием, с определенной уверенностью, что в конце концов все будет хорошо.

Правда, я никогда не пускался в авантюры; наоборот, я всегда тщательно подсчитывал все «за» и «против», думал, чего мне следует опасаться и к чему готовиться. Одним словом, я никогда не полагаюсь на случай, и это мне придает уверенность в том, что я делаю. Уж если я решил что-то предпринять, то делаю это спокойно и уверенно. Таким образом, даже в моменты, когда достаточно одного неверного взгляда или движения, чтобы потерпеть провал, мне удается сохранять спокойствие духа и четкость мышления. Многие, видя меня все время насупленным, не могут и подумать, что я по натуре оптимист, а характер у меня спокойный и веселый и уж конечно не угрюмый, как многим кажется.

— Многие из нас видели в последние годы демонстрации 7 ноября на Красной площади. А как она проходила в 1922 году?

— Накануне праздника мы прошли по городу, чтобы начать знакомство с ним и увидеть предпраздничные приготовления. Естественно, везде — транспаранты, флаги, плакаты, фотографии, лозунги, расположенные вертикально и горизонтально.

Повсюду преобладал красный цвет. Фасады домов были украшены по-праздничному, у каждого балкона, у каждого окна был вывешен флаг. Грузовики с молодежью в кузовах развозили различные пропагандистские материалы. Фасад ГУМа и стены Кремля обрамляли необъятную Красную площадь, ограниченную с двух меньших сторон храмом Василия Блаженного и красным зданием Исторического музея.

Все было громадным, но в этой грандиозности не было диспропорций, все было к месту, даже различные по своим рисункам элементы площади — оригинальная, по крайней мере, для меня, так как я впервые видел подобную церковь, архитектура храма Василия Блаженного, блеск его куполов прекрасно сочетались с немного бледноватым красным цветом стен Кремля, с более темным цветом Исторического музея и с пепельно-серым фасадом ГУМа, который буквально тонул в разноцветных транспарантах, прославляющих революцию, Красную Армию, великих вождей, и особенно Ленина.

Время от времени по улицам проходили роты и батальоны солдат, маршировавших уверенным, четким шагом. Меня поразило, как прекрасно они пели свои торжественные, мужественные, живые песни, в которых выражались душа и искусство русского народа.

Иногда начинал один, тонким или сильным голосом, а потом песню подхватывала вся часть; иногда начинали все вместе звонкими, слаженными голосами и вдруг умолкали, и пел лишь один; иногда же песня была похожа на разговор: одни солдаты отвечали другим, это было что-то вроде многоголосого дуэта. Но больше всего меня поразили неожиданные включения в песню самых удивительных и различных звуков: возгласов, свиста, восклицаний, разных шумов, которые, я думаю, выражали радость, энтузиазм, горечь или гнев в процессе пения.

Песня, таким образом, состояла из бесчисленного числа элементов: голосов, хлопков, ритмичных звуков шагов и так далее. Это была самая настоящая стихийная «фантазия» чувств и эмоций, которые взрывались вдруг на улице и сопровождали размеренный шаг военных подразделений. Я сравнивал эти песни с песнями моей короткой военной жизни. Насколько наши беднее, банальнее и с какой неохотой поются. И это при том, что нас считают народом, легко и живо поющим. Лишь в Неаполе поют с вдохновением, фантазией и красотой, подобными тому, что я слышал в Москве.

IV конгресс Коминтерна

— *На IV конгрессе Коминтерна был поставлен вопрос об объединении коммунистической и социалистической партий?*

— Да, вопрос был поставлен перед комиссией, специально назначенной конгрессом для анализа «итальянского вопроса». Проблема была очень сложной, и ее обсуждение на IV конгрессе, конечно, прошло не гладко. Разрыв с реформистами, происшедший на съезде ИСП в Риме, несомненно создал новое положение в отношениях между социалистами и коммунистами. Съезд изгнал реформистов, но в социалистической партии все равно не было единства.

Как обычно, в ней было левое крыло, сторонники III Интернационала (так называемые «третьеинтернационалисты»), высказывавшиеся за слияние с коммунистической партией и за принятие ее названия, то есть Итальянская секция Коминтерна. Было и правое крыло, требовавшее объединения в рамках Итальянской социалистической партии и сохранения ее «существующего около тридцати лет имени». Они хотели, чтобы коммунисты «вернулись под отчий кров», покинутый на съезде в Ливорно, и, таким образом, признали, что, пойдя на раскол, совершили «ошибку». Между этими двумя течениями стоял центр во главе с Серрати. На этот раз он играл роль посредника между двумя сторонами.

Новая ситуация со всей очевидностью выдвигала перед коммунистами необходимость пересмотра всего вопроса с целью завоевать тех, кто на съезде в Ливорно,

по ошибке или недопониманию, остался в ИСП. Так можно было «исправить» раскол, происшедший слишком слева.

Но Исполком коммунистической партии (состоявший тогда из Бордиги, Гриеко, Террачини, Фортикьяри, Репосси³⁰) сразу же проявил недоверие и подозрительность по отношению к новой ситуации в ИСП и к образовавшимся там новым течениям. В то время как Исполком Коминтерна послал на съезд ИСП, который, изгнав реформистов, продолжал работу, четкую и значимую телеграмму, констатирующую, что было сделано то, что Коминтерн требовал еще два года назад, и утверждавшую, что «сейчас первоначальной и срочной задачей в Италии является следующая: объединить как можно скорее все революционные силы, чтобы на иной основе создать пролетарский блок против блока фашистских и империалистических сил», Исполком Коммунистической партии Италии отнесся с неодобрением даже к краткому намеку о возможном сближении с социалистической партией, который сделал Тольятти в передовой статье «Коммуниста», комментируя съезд социалистов.

Более того, тот же Исполком компартии формально и открыто заявил, что он против любого сближения и любого слияния с социалистами. Эта ориентация потом была поддержана и Центральным Комитетом с единственной оговоркой, что он не доходит до разрыва с Коминтерном.

Таким было положение в коммунистической и социалистической партиях, когда в Москве собрался IV конгресс Коминтерна, на который обе партии послали свои делегации. Делегация социалистической партии была назначена несмотря на серьезные возражения Артуро Веллы³¹. Коммунистическая, состоявшая из 21 человека, представляла все существовавшие в партии течения. В нее входили Бордига, Скоччмарро³², Грамши (уже шесть месяцев находившийся в Москве), Дженнари, Таска, Грациадеди, Марабини, Бомбаччи и другие; молодежь представляли я, Д'Онофрио и Горелли (он тоже уже находился в Москве).

— *Наверное, делегацию компартии не очень хорошо приняли в Москве, потому что расхождения во мнениях были слишком хорошо известны.*

— Именно так. Тезисы Коммунистической партии Италии, представленные на Римский съезд (март 1922 г.)

от имени Центрального Комитета, одобдившего их в декабре предыдущего года, были поставлены на голосование только в плане консультации и как дискуссионный материал для IV конгресса Коминтерна. Грамши принял тезисы о тактике лишь, как он потом писал, «по довольно конъюнктурным причинам, касающимся организации партии».

Он надеялся «сохранить, таким образом, единство партии вокруг ее основного ядра». Тезис о едином фронте поддерживался правым крылом во главе с Таской и Грациадеи, утверждавшими, что они выражают политику Коминтерна. Это еще больше ожесточило оппозицию руководства Бордиги по отношению к новым тенденциям в Коминтерне. К этой точке зрения присоединилась потом разнородная коалиция в составе Николы Бомбаччи, Ансельмо Марабини, Амброджо Беллони³³ и Вота³⁴, руководителя трудящихся деревообрабатывающей промышленности, одного из немногих профсоюзов, во главе которого стояли коммунисты.

— *А правда, что Бордига предлагал «римские тезисы» как тактическую линию не только для Италии, но и для всего Коминтерна?*

— Да, он не обращал внимания на особые ситуации. Он говорил, что общие тактические нормы должны быть уточнены в гибких, но все более четких и менее колеблющихся пределах, по мере того как движение укрепляется и приближается к конечной победе.

Лишь такой критерий, утверждал Бордига, может позволить приблизиться к максимальной действительной централизации руководства движением и в партии и в Коминтерне, с тем чтобы распоряжения центральных органов выполнялись беспрекословно.

Как видишь, это была военная концепция дисциплины и тактики, основанная на уверенности, что в необходимый момент все отряды будут беспрекословно действовать в соответствии с распоряжениями центральных органов.

Но партия не военная организация. Для партии существуют другие способы, политические и демократические, чтобы сохранять единство, боевой подъем и дух самопожертвования.

Этому могут способствовать в решающей мере не только идейная и политическая убежденность в справед-

ливости дела, за которое борешься, но и участие членов партии в разработке, организации и в самом руководстве борьбой. Только этим путем могут созреть чудеса героизма, как показывают десятки и сотни революционных боев, начиная от Октябрьской революции и кончая боями во Вьетнаме.

Не уходя далеко в прошлое, можно вспомнить о боевых действиях Интернациональных бригад в Испании, о героизме партизанской борьбы, что, конечно, опираясь не на авторитарность командиров (часто избравшихся, кстати, непосредственно бойцами частей и отрядов), а на горячее принятие борьбы и на участие бойцов во всех сторонах жизни их подразделений.

Итак, как мы уже говорили, итальянская делегация, прибывшая в Москву, была встречена не как святая. Более того, подозревалось, и не зря, что она была готова вести острую борьбу против установки Коминтерна на объединение между коммунистами и социалистами.

Решение председателя Коминтерна Зиновьева достичь объединения двух партий было непреклонно. С самого начала работы комиссии он предложил, чтобы органическое слияние коммунистов и социалистов было подготовлено паритетной комиссией из двух итальянских сторон под председательством члена Исполкома Коминтерна.

Он назвал пункты, мало приемлемые для социалистов: новая партия будет называться Объединенной коммунистической партией, правое течение во главе с Веллой будет изгнано, газеты двух партий сольются в одну, руководство центральным органом объединенной партии будет определено самим Коминтерном. В ходе работы международной комиссии наша делегация высказалась против этого проекта. На заседании итальянской делегации Бордига еще раз пояснил свою точку зрения.

Коммунистическая партия, сказал он, образовалась в Италии в результате совершенно определенных исторических требований и приобрела собственное лицо, природу которого исказит любое объединение. Социалисты, если хотят, могут вступить в коммунистическую партию в индивидуальном порядке, а каждое заявление должно быть обсуждено отдельно.

Бордига даже пошел еще дальше: как обычно, заявил о формальной дисциплине, но сказал, что в случае, если Коминтерн навяжет объединение, старая руководящая

группа партии уйдет в сторону и предоставит ответственность за осуществление решения Коминтерна правым.

Грамши после такого выступления высказался за объединение, ограничив его, однако, фракцией «третьеинтернационалистов».

Таска и Грациадеи, представлявшие в делегации правых, сразу же заявили о своем согласии с предложением объединиться. Когда была поставлена на голосование резолюция Грамши — Скоччимарро, в которой выражалось дисциплинированное принятие принципа объединения, Бордига оказался в меньшинстве. С ним голосовали только Уго Аркуно, Натанджело (рабочий из Неаполя), Лунадеи (из Эмилии) и жена Бордиги — Ортензия Де Мео.

— Таким образом, на IV конгрессе Коминтерна образовавшаяся в Ливорно руководящая группа коммунистической партии впервые разделилась, не создав, однако, новой группы.

— На конгрессе, когда была поставлена на голосование резолюция об объединении, Бордига призвал к абсолютной дисциплине не только партию, но и себя самого и своих сторонников. Однако он недвусмысленно отклонил любое участие в политическом руководстве и отказался войти в состав паритетной комиссии, которой, по предложению Зиновьева, должны были подчиняться даже Центральные Комитеты обеих партий.

Поэтому комиссия по объединению состояла из Грамши, Скоччимарро и Таски от коммунистической партии и из Серрати, Маффи и Тонетти от социалистической.

Вначале работа комиссии проходила под председательством самого Зиновьева, который решил, что руководить газетой «Аванти!», предложенной в качестве официального органа новой объединенной партии, будут Грамши и Серрати.

— А что делал в Москве ты? В смысле — ты и молодежная делегация.

— Как представители молодежной организации мы участвовали во всей работе партийной делегации.

Чтобы приносить пользу, я с самого начала взял на себя обязанность протоколировать дискуссии и принятые на заседаниях делегации решения. Мы, молодежь, не разделяли наиболее непреклонные позиции Бордиги и голосовали за резолюцию Грамши — Скоччимарро.

Как я уже говорил, поскольку мы были членами молодежной делегации на III конгрессе КИМа, проходившем одновременно с IV конгрессом Коминтерна, мы участвовали в работе и того, и другого конгресса. Среди молодежи тогда особенно обсуждался вопрос об организации Федерации молодежи на базе фабричных ячеек. Бордига был решительно против этого типа организации; более того, он был вообще против слишком фрагментарной партийной организации, считая, что наименее подготовленные товарищи, предоставленные сами себе в маленьких рахитичных секциях, могут быстрее попасть под влияние оппортунистов и интеллектуалов.

— *Мне кажется, что верно как раз обратное.*

— Да, но и в этом выражалось его стремление к сильно централизованной и дисциплинированной организации. Поэтому он был решительно против организации фабричных ячеек, которые угрожали, по его мнению, политическим обеднением дискуссии и сведением интереса организации к чисто экономическим и корпоративным вопросам.

Естественно, такие организационные вопросы были тесно связаны с политическими вопросами, обсуждавшимися на заседаниях делегации компартии и комиссии по объединению.

Мы активно участвовали во всех дискуссиях конгресса КИМа по вопросу о фабричных ячейках. Мы по убеждению признали необходимость перехода к новому типу организации на основе фабричных ячеек и стойко защищали нашу позицию, в том числе против Бордиги, не доходя, правда, до настоящей стычки с ним.

Грамши, с которым мы об этом поговорили, поощрил нас и сказал, что, может быть, впоследствии будет полезно и необходимо перейти к такому же типу организации и в партии (как потом и произошло), а пока неплохо, что этот опыт начнет молодежь.

Бордига, Маффи и Серрати

— *Во время твоего пребывания в Москве и благодаря работе, которую ты проводил в делегации, ты смог довольно близко познакомиться с товарищем Бордигой и*

другими итальянскими руководителями. Какое впечатление они на тебя произвели?

— Поскольку я играл роль протоколиста и, в какой-то мере, секретаря делегации, я получил возможность лично познакомиться и глубже узнать Бордигу, который отнесся ко мне хорошо, потому что я старательно выполнял все поручения.

Он был большим тружеником и организатором, аккуратным и педантичным. Он сам исправлял все копии, отпечатанные на машинке, ставил дату, нумеровал их и подкалывал к копии для архива все приложения и черновики. Я думаю, на все достоинства, недостатки и ограниченность его личности повлияло его образование (инженер с хорошей математической подготовкой). Во всех его делах всегда присутствовала логика, а не диалектика.

Он был прекрасным оратором, хотя и многословным. Мужественный и боевой человек, он вызывал большую личную симпатию.

— Ты не находишь, что в поведении Бордиги в Москве уже было в зародыше то, что позже привело его к абсолютному отходу от политической жизни?

— Может быть. Но если бы тогда кто-нибудь сказал нам, что он кончит так, как кончил, никто бы в это не поверил. Он, такой боевой, такой непреклонный в борьбе против буржуазии, против капитализма, отойдет от политики? Было нелепо и подумать об этом.

Я думаю, этот уход был следствием его характера: раз в создавшейся политической ситуации не было места для задуманных им действий, он решил уйти. По его мнению, не стоило терять время и компрометировать себя в такой бесполезной, как он думал, политике. Он ушел в личную жизнь, стал работать инженером, строить дома.

— После его исключения из партии ты с ним больше не встречался?

— После Освобождения я узнал, что он проводит собрания маленьких групп своих сторонников, не вызывая откликов вне этих групп. Как-то выходя с Маффи из Монтечitorio³⁵, мы увидели его среди небольшой группы зевак, которых часто можно там видеть. Мы его узнали, но ни он, ни мы не сделали и намека на приветствие.

— Меня интересует одна вещь. У тех, кто непосредственно пережил те события, создается впечатление, что исключение Бордиги было следствием скорее политической тактики, чем действительной вины Бордиги. То есть я хочу сказать, что, исключив «тройку»³⁶ и нанеся удар по правым, было задумано нанести удар и по «левым», чтобы сохранить определенное равновесие.

— Ты ошибаешься. Решение, касающееся Бордиги, было продиктовано не оппортунистическим расчетом сохранить равную дистанцию между двумя крайностями, а только требованием иметь «монолитную» партию, требованием, очень важным тогда не только вообще для коммунистического движения, но и для нашей партии. Впрочем, то же требование привело и к исключению «тройки», которое, если не ошибаюсь, произошло позднее. Моя статья, начавшая публичную борьбу с «тройкой», которая потом завершилась их исключением, как раз и называлась «В отрыве от партии и Интернационала».

— Ты вспоминал о Маффи. Я раньше его видел, когда здоровье еще позволяло ему приезжать в Рим и приходить на улицу Боттеге Оскуре. Этот старец внушал большое уважение и симпатию.

— II заслуживал то и другое. Он был действительно апостолом социализма, не в евангельской манере Прамполини³⁷, а всей душой бунтаря, знающего все социальные несправедливости и страдания Ломеллины³⁸ (ты помнишь чудесное полотно Пелицца да Волпедо «Четвертое сословие»?³⁹). Его звали «врач бедняков», потому что он бесплатно лечил бедных.

— Он был великим фтизиатром.

— Да. Поэтому он всегда настаивал, чтобы на собраниях не курили. Конечно, это был глас вопиющего в пустыне, но он не сдавался и объяснял мне, некурящему, приводя множество научных данных, какой вред приносит курение и прокуренный воздух на собрании.

До того, как я его встретил в Москве на итальянской комиссии по объединению коммунистической и социалистической партий, я знал только о некоторых его выступлениях в парламенте, о мужестве и достоинстве, с которыми он вел себя, к примеру в Павии, когда фашисты угрожали сбросить его с балкона, если он не прокричит «Да здравствует Италия!». «В этих условиях,—

сказал Маффи,— я бы не закричал «Да здравствуют мои дети!», если бы вы меня заставляли это сделать». Он не сдался, даже когда фашисты действительно захотели перейти от угрозы к делу.

В Москве, а потом в Италии я часто имел возможность поговорить с ним. Всегда спокойный, ироничный, он рассказывал мне с большим человеческим пониманием различные эпизоды из своей долгой жизни.

— *Я знаю, что, когда он выступал в Палате депутатов, фашисты любили прерывать его и прославили его как колдуна.*

— Да, у Маффи всегда был готов остроумный ответ на фашистские провокации, и ему часто удавалось заставить замолчать наиболее нападавших на него фашистов угрозой прибегнуть к своим оккультным силам.

Наиболее злобствовал против него некий Барбьеллини — фашистский депутат, если не ошибаюсь, один из самых глупых в своей группе (впрочем, надо сказать, глупцов в той группе было предостаточно). Если Барбьеллини считал, что обидели дуче или что надо воздать ему честь, он неожиданно поднимался, вытягивал правую руку в фашистском приветствии и что было мочи вопил: «Да здравствует дуче!» Сцены просто опереточные, над ним смеялись его же коллеги-фашисты.

Маффи немало поспособствовал, чтобы сделать его смешным. Когда фашисты его провоцировали, Маффи рекомендовал им попридержаться своих «барбьеллинцев», если они не хотят испытать на себе точность его стрел.

В составе социалистической делегации в Москве был также Ромита, мой старый знакомый по Турину, маленький, коренастый хитрец. Под маской снисходительного и добродушного толстяка он скрывал — как показал, будучи министром в разных правительствах и руководителем разных ведомств — существенный оппортунизм, который всегда позволял ему с крайней легкостью переходить из одного течения социалистической партии в другое и даже стоять вне их, всегда занимая высокие партийные и правительственные посты.

— *Я считал его непереносимым, потому что в своих речах он всегда говорил о себе. Ромита здесь, Ромита там. Послушать его, так и Республику создал он.*

— В делегации компартии еще один, нет, двое были из Пьемонта: Исидоро Адзарио, начальник станции в

Кунео, и Камилла Равера⁴⁰, родившаяся в Акуи, но преподававшая в Турине. Я знал ее давно, потому что мы вместе входили в бюро Туринской секции компартии. Мы оба впервые были на международной встрече и часто ходили вместе в Кремль и гуляли по городу. На заседаниях мы любили обмениваться мнениями и впечатлениями. В наших беседах я еще много буду говорить о Равере.

А Исидоро Адзарио я после Москвы уже не видел. На собраниях итальянской делегации он был одним из самых боевых: высокий, стройный, с по-детски румяным лицом, он особенно налетал на реформистов, обычно называя их обезьянами с облезлыми задками. Он расцветчивал свою речь, если так можно сказать, самыми тяжелыми словами. Но, несмотря на это, он был человеком возвышенных и добрых чувств и умел говорить самые тяжелые вещи с улыбкой на лице, как будто дарил букетик роз и фиалок.

Бедный Адзарио! По поручению Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов) он поехал в Южную Америку. В Бразилии его арестовали, истязали, потом он долгое время провел в тюрьме без всякого приговора, а затем по требованию фашистского правительства был выслан в Италию. Во время всего рейса он был заперт в трюме корабля, страдал от адской жары, особенно при переходе экватора. Когда он приехал в Италию, его невозможно было узнать: огромная борода доходила ему почти до пояса.

— Говорят, во время рейса группа фашистов, находившаяся на том же корабле, постоянно его била, каждый день все сильнее, потому что Адзарио писал на стенах своей каморки «Смерть Муссолини!». Когда его привезли в Италию, он уже потерял рассудок, и его дело не рассматривалось на процессе по делу руководителей коммунистической партии (Грамини, Скоччмарро, Террачини и других). Этого товарища надо бы вспоминать почаще, впрочем, как и многих других. В этой связи я хотел спросить у тебя вот что. Ты очень сурово оцениваешь политические позиции Серрати. Однако в свое время я прочел трогательные воспоминания о жизни и деятельности этого товарища, с которыми Секкья⁴¹ выступил по случаю присвоения его имени одной из секций компартии.

— Конечно, жизнь Серрати заслуживает восхищения. Это образец революционера, который, как говорит Секкья, отдал партии и социализму все, что может отдать человек.

Серрати был одним из основателей социалистической партии в 1892 году в Генуе; участвовал во многих итальянских и международных съездах и конференциях. Он неоднократно подвергался арестам и судам. Обвинения при этом были самые различные: сопротивление представителям власти, подстрекательство к проявлению классового гнева, пение гимна трудящихся (представь себе, какое преступление!), произнесение речей, не нравившихся буржуазии, магистратуре или дежурному комиссару полиции, и так далее.

Чтобы избежать преследований, Серрати уехал из Италии, но сразу же на него обрушились новые репрессии, и он был вынужден переезжать из страны в страну. Так он узнал много стран, много тюрем, много профессий: был журналистом и грузил уголь, сторожил доки и был на побегушках у аптекаря, был землекопом, моряком; работал под тропическим солнцем Мадагаскара, в горах Швейцарии и в «свободной» Америке.

Он может похвастаться тем, что одним из первых был приговорен к ссылке, когда Криспи⁴² еще до фашизма ввел в Италии этот новый репрессивный институт, имевший целью держать под наблюдением так называемые «подрывные элементы». Его не только приговаривали ко многим годам заключения, но квестуры⁴³ старались всячески ужесточить наказание, переводя Серрати из одной тюрьмы в другую по многочисленным «этапам».

Лишь тот, кто знаком с этими вещами, может понять, что означает, в мороз или в страшную летнюю жару, нескончаемое путешествие узника в наручниках, запертого в тесную конуру тюремного вагона. Как-то раз его отправили из Онељи на поселение, как тогда говорили, на острова Тремити. Ему пришлось пройти через восемь этапов. Затем оттуда Серрати был вызван как свидетель на процесс в Геную — опять восемь этапов туда и восемь обратно. В общей сложности 24 этапа. Настоящая пытка!

— Секкья говорит, что Серрати считали бирюком, но на самом деле он был щедрым, веселым и очень добрым.

— Поскольку я его знал, не могу сказать ничего другого. Это был, несомненно, человек сильного, твердого, гордого и негибкого характера. Он умел встречать как революционер аресты, тюрьмы, ссылки, клевету и насилие. После его смерти Турати обрисовал его так: «Великая последовательность, идейность, бескорыстность, редкостное мужество характеризуют всю его жизнь. Среди такого количества человеческого студня это был кусок кварца; среди стольких масок он был человеком».

— *Как ты объясняешь его ошибку в 1921 году? Почему в Ливорно он, всегда находившийся на левых позициях в социалистическом движении, являвшийся самым упорным противником войны в Италии, передававший чувства масс и движимый искренним и глубоким классовым чувством, отказался отделиться от реформистов, которых внутренне презирал и осуждал?*

— Я бы сказал, что его тогдашние ошибки происходили от хорошего знания чувств масс, которые стремились к единству. Уроки Октябрьской революции и революционной волны, последовавшей за ней, показали, как сказал Ленин, что нельзя победить, имея меньшевиков в своих рядах. Серрати же боялся разрыва с социал-демократами, потому что думал, что этот разрыв расколется не только партию, но и профсоюзы и кооперативы, необходимые, по его мнению, для строительства социализма. Он был глубоко привязан к социалистической партии, история которой при всех ее противоречиях и слабостях все же отражала многие годы борьбы и жертвы итальянского народа.

Сам Грамши сказал в связи со смертью Серрати: «...Мы были, может быть, слишком жестоки, ополчаясь на все, что нам казалось излишней сентиментальностью и бесплодным влечением к старым канонам и догмам»⁴⁴. Это самокритика, потому что Грамши признавал, что был «одним из главных ответственных» за эту полемику и оправдывал ее убеждением в том, что «вести такую острую полемику против руководителей социалистов необходимо в интересах самого рабочего класса».

— *Конечно, со стороны Серрати было проявлением большого мужества, искренности и честности то, что он, после всей полемики признал свои ошибки и попросил принять его в коммунистическую партию, требуя лишь места в боевых рядах.*

— И в этом проявилась действительная преданность Серрати рабочему движению и революции. Всю свою жизнь он делал все, чтобы бороться вместе с массами. Он был с ними во время борьбы против войны; он сделал все, чтобы приехать из Милана в Турин в августе 1917 года.

Его оппозиция реформистам была искренней и убежденной. Тем, кто его обвинял в непринятии реформ, он ответил в письменной полемике с Турати: «Мы за реформы, но за реформы, направленные на преобразование, а не на консервацию старого».

Я помню, как он работал в Москве в комиссии по «итальянскому вопросу»: с чувством собственного достоинства, твердо, хотя и несколько смущенно, он защищал свою точку зрения. Серрати чувствовал, что в самой комиссии со стороны итальянских коммунистов еще проявлялись враждебность и недоверие. Он знал, что в коммунистической партии его ожидают новые лишения, новые преследования со стороны буржуазии. Но как настоящий революционер он показал, что интересы дела для него выше, чем личные интересы, расчет и амбиция; он вступил в Коммунистическую партию Италии и умер, будучи одним из ее руководителей.

ГЛАВА V
БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ

Итальянские коммунисты и Коминтерн

— *Как осуществлялась и кем поддерживалась связь между Коминтерном и Коммунистической партией Италии?*

— Можно сказать, что до съезда в Ливорно связь между Коминтерном и представителями итальянского рабочего движения заключалась в основном в отдельных встречах с советскими товарищами и коммунистами из других стран. Речь идет о товарищах, которые уже были знакомы с положением в Италии, или которым поручалось связаться с итальянскими партийными руководителями, а затем сообщить о результатах встреч в Москву. Такие поручения в Италии выполняли Никколини, поддерживавший связь в основном с товарищами из «Ордине нуово», Деготь, Кьярини на конференции в Имоле и другие¹.

Нерегулярность этих контактов обуславливалась политической ситуацией того времени, затруднявшей связи между различными странами, и особенно с Советской Россией, где еще продолжалась гражданская война, изолированной от остальных стран Европы так называемым «санитарным кордоном», установленным империалистическими державами.

После съезда в Ливорно, в котором участвовали в качестве полномочных представителей Коминтерна Кабакчиев (ветеран Болгарской коммунистической партии, придерживавшийся так называемого тесного течения в этой партии²) и Ракоши, который принимал участие в венгерской революции, руководимой Бела Куном³, пер-

воначальная нерегулярность контактов была преодолена и установились более постоянные связи, официально признанные Коминтерном. Поддерживать эту связь и следить за ее развитием в первые годы часто поручалось Ракоши.

— При такой системе контакты с советскими товарищами играли особую роль?

— Формально — нет. Отношения поддерживались между нашей партией и представителями Коминтерна. Но, естественно, советские товарищи в Коминтерне играли первостепенную роль в отборе представителей и в определении заданий, которые давались этим представителям Коминтерна. Советские руководители с большим вниманием следили за положением и борьбой различных партий, особенно после того, как начались разногласия и борьба внутри РКП(б), также и для того, чтобы избежать перенесения разногласий, существовавших между советскими коммунистами, в другие партии.

Тогдашние коммунистические руководители придумали шуточные названия для разных представителей Коминтерна. В зависимости от ранга они различались, по порядку, на «моржей», «пингвинов» и «фламинго». «Фламинго» были простыми курьерами. Этот термин потом сохранился в Коммунистической партии Италии для обозначения посыльных и людей, осуществлявших связь между центром и периферией.

— А правда, что на IV конгрессе Коминтерна молодые коммунисты написали куплеты против Зиновьева? Некоторые говорят, что ты был самым серьезным и пытался призвать остальных к серьезности, подобавшей обстановке.

— По поводу моей серьезности я несколько сомневаюсь, у меня тоже были, назовем их грехи молодости. Мы складывали куплеты, в которых Зиновьева не очень уважительно называли Зиновьеффо, конечно, для рифмы.

— Это еще ничего, но, насколько я знаю, вы высмеивали его желание навязать вам объединение с социалистами.

— И также его магию завершать обсуждение каждого вопроса принятием резолюции. Вот образец частушки, которую мы распевали хором на французском языке:

Résolution qu'il faut voter
qu'il faut voter à l'unanimité,
avec raison ou sans raison
toujour, toujour résolution*.

— В Москве ты познакомился со всеми основными тогдашними руководителями Коминтерна и Коммунистической партии Советского Союза.

— Я должен сказать, что все они внимательно следили за положением в нашей партии и за событиями в Италии.

В докладе самого Ленина на IV конгрессе было несколько фраз по поводу фашизма в Италии. В работе комиссии по «итальянскому вопросу» (которая должна была решить проблему объединения коммунистической и социалистической партий) участвовала также делегация РКП(б).

Ее члены коллегиально подписывали письма и записки, которые посылались от имени РКП(б) комиссии или делегациям двух итальянских партий. Некоторые из них лично участвовали в работе комиссии.

В Москве мне посчастливилось с близкого расстояния видеть Ленина и слышать одну из его последних публичных речей, произнесенных на одном из заседаний IV конгресса.

Большое впечатление на меня произвело не только сжатое, ясное мышление, но живость, страсть, с которыми Ленин, будто подогреваемый внутренним огнем, излагал свою мысль. Он избегал ораторских уловок, патетического тона голоса, которые еще были в ходу у некоторых политических ораторов.

Роль СССР

— Еще один вопрос о IV конгрессе Коминтерна. Если я не ошибаюсь, именно тогда было твердо заявлено о необходимости мобилизовать все коммунистические партии на защиту СССР и возобладала ориентация на признания руководящей роли КПСС. То есть были выдвинуты

* За резолюцию должны мы дружно все голосовать. Нужна она, или не нужна,— она всегда, всегда важна! — Прим. ред.

некоторые деликатные вопросы, вызвавшие (и вызывающие еще сегодня) разговоры об отсутствии самостоятельности коммунистических партий и об их подчиненности интересам СССР.

— Нельзя говорить о подчиненности, когда сражаешься за общие цели и когда достижение их — в общих интересах. Солидарность в общей борьбе за общие цели — это основа любого союза. А в то время, я еще не знаю, кому из нас больше была нужна помощь: Советскому Союзу для защиты его революции или международному рабочему движению для развития революционных действий. Что было бы со свободой и независимостью народов, если бы в Италии, в Европе и в мире перед войной с Гитлером, во время нее и после страны, на которые напал фашизм, и рабочее и демократическое движение не могли бы рассчитывать на сотрудничество и поддержку Советского Союза?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять всю нелепость утверждений тех людей, которые называли нас агентами, эмиссарами Москвы, в то время как сами поощряли фашизм и нацизм, в интересах которых предавали свою страну, идеалы свободы и независимости, проводниками которых они были на словах. Было не только объяснимо, но и необходимо, чтобы мы весь тот период рассматривали Советский Союз не только как маяк, указывавший нам курс, но как крепость, которая одним своим существованием уже придавала уверенность народам, боровшимся за свою свободу, давала им надежду на победу. В течение многих лет отношением к Советскому Союзу измерялась степень верности коммунистических партий самой социалистической идее освобождения народов от капиталистического и империалистического социального рабства, сам коммунистический характер этих партий.

В существующем тогда мире, разделенном на социалистический и капиталистический, на свободный и фашистский, в условиях противоборства различных идеологий, оспаривающих власть будущего, было более чем естественным то, что социалистические, демократические и рабочие движения, а также страны, стремящиеся сохранить свою свободу и независимость, объединились вместе с Советским Союзом, его народами в едином фронте борьбы против реакционных и фашистских пра-

вительств и движений, которые, включая Италию и самого Муссолини, пошли на самое гнусное — на служение Гитлеру.

С другой стороны, само победоносное завершение антигитлеровской войны, в которой народные массы приняли невиданное по своей широте участие, подтверждает различную природу блоков, которые почти пять лет сталкивались на всех территориях, на всех морях, в небе всего мира.

— *Здесь встают различные вопросы. Прежде всего, одно дело — позиция, которую занимали в 1922 году, а другое — позиция, определившаяся после роспуска Коминтерна, и особенно после второй мировой войны, когда образовался ряд социалистических государств.*

Существует ряд вопросов, касающихся проблемы отношений между партиями в коммунистическом движении, между странами социалистического содружества.

— В первые годы существования Советского Союза все, что угрожало СССР, угрожало и всему рабочему и освободительному движению. В то время сами интересы нашей борьбы требовали защищать эту крепость — Советский Союз, на который нападали, против которого строили козни.

По этому поводу Сталин в речи на XIX съезде КПСС, в которой он затронул вопрос об отношениях, существовавших в то время между коммунистическими партиями и Советским Союзом, сказал примерно следующее: было время, когда лозунгом коммунистических партий являлась защита Советского Союза, потому что Советский Союз был «Ударной бригадой» мировой революции. Сегодня (то есть в 1952 году) обстановка изменилась: сегодня как раз Советский Союз, Коммунистическая партия Советского Союза могут и должны оказать громадную помощь коммунистическим партиям⁴. Вопрос об отношениях между коммунистическими партиями всегда стоял как вопрос о взаимной помощи и солидарности, а не о зависимости и подчиненности.

Когда был подписан договор между СССР и Германией, в нашем движении имел место момент кризиса. Я думаю, что этот договор являлся важным элементом в подготовке стран и демократических народов к борьбе против Гитлера, несмотря на то, что он вызвал опреде-

ленные иллюзии, заблуждения и превратные толкования.

В то время у громадного большинства коммунистов преобладало убеждение, что, когда нет уверенности, какую позицию занять, надо следовать за Советским Союзом. Эта вера в способности и в правильность руководства Советского Союза спасла партии и подавляющее большинство их членов от опасности подпадания под влияние буржуазной пропаганды, резко антикоммунистической и антисоветской.

Часто нестойкие элементы выбирают именно эти критические моменты заблуждений, чтобы покинуть партию и войти в ряды ее врагов. В такой ситуации Таска вытеснил Ненни⁵ из руководства социалистической партии и завладел ею. Надо сказать, что в той ситуации Ненни занял последовательную и твердую позицию.

Надо сказать, что и мы, эмигранты, к которым в годы Народного фронта относились с определенной терпимостью, а некоторые даже находились на легальном положении, подверглись давлению со стороны полиции, имевшему целью заставить нас отречься от советско-германского договора. Итальянские эмигранты во Франции были тогда организованы в Итальянский народный союз⁶, который работал открыто, хотя и под определенным надзором полиции. После подписания советско-германского договора полиция потребовала от руководства Народного союза отречься от этого договора. Я после возвращения из Испании вместе с Боккони, бывшим депутатом парламента от социалистической партии, был президентом Народного союза и следил, чтобы наша организация не поддавалась на провокации. Из-за этой моей позиции я был арестован французской полицией за день до объявления войны.

Возвращаясь к твоему вопросу, я хотел бы подчеркнуть, что следует остерегаться рассматривать все явления в советской политике только так, как хотела бы буржуазная печать, то есть подходить к ним с меркой, применимой для оценки политики силы империалистических государств.

Мы никогда не должны забывать, что наши враги, которые упрекают нас, что мы слишком часто встаем на сторону социалистических государств и КПСС, в частности, сами постоянно, как будто бы нет ничего более

естественного, стоят на стороне империалистических государств, на стороне американского империализма и являются их марионетками и инструментами.

Необходимость солидарности между всеми антиимпериалистическими силами несомненна, и, что касается нас, мы ее демонстрировали все время и при всех обстоятельствах: солидарность с народами, находящимися под гнетом фашизма, солидарность с народами, угнетаемыми империализмом, против которых империализм осуществляет агрессии и которые борются за свою независимость. Сегодня с интернационализмом должны сочетаться также национальные интересы и особенности, он не должен отрицать эти интересы ни в практике, ни в теории, и он тем сильнее, чем больше признает и уважает эти интересы.

— *То, что очевидно для нас, еще более очевидно для государств, где власть находится в руках рабочего класса. Если в них не удастся решить национальные проблемы, это не усиливает, а ослабляет все международное движение.*

— Как можно примирить национальные интересы с интернациональными? Ясно, что каждый, если он желает быть реалистом, может рассчитывать лишь на свое влияние. Ясно, что это влияние зависит от инициатив в политической, социальной или экономической области, предпринятых в международных масштабах. Поэтому СССР — крупнейшая социалистическая держава — влияет и частично определяет соотношение между различными факторами международной обстановки. Я бы сказал, что руководящая роль одной страны или одной партии является в значительной мере объективным фактом.

Профессиональный революционер

— *После IV конгресса Коминтерна ты надолго остался в Советском Союзе?*

— Нет, подготовив проездные документы, мы сразу же отправились обратно. Подразумевалось, что те, кто возвращался в Италию, если они были в состоянии физически это сделать, перейдут границу, контролируруемую

фашистской полицией, нелегально, как говорится, на своих двоих.

Была договоренность, что некоторые товарищи останутся в Москве, чтобы проводить работу по объединению двух партий. Серрати и Грамши были среди них. Другие товарищи, среди которых был и Бомбаччи, сразу же не уезжали по разным причинам. Наша специальная служба, которую мы потом сокращенно называли СП*, занимавшаяся изготовлением фальшивых документов, организацией явок, связи, нелегальных переходов границы, уже подготовила свою базу в кантоне Тичино для возвращения делегации.

Призыв к объединению двух партий, подписанный членами двух делегаций, был опубликован под их именами и фамилиями. Потом фашистская полиция использовала эту публикацию для обвинения тех, кто подписал этот призыв. Очевидно, что на принятие такого решения больше, чем требование конспирации, повлияла политическая необходимость обратиться непосредственно ко всем коммунистам и ко всем социалистам от имени их наиболее авторитетных представителей.

— Конечно, ты, как бывший берсальер, попал в число тех, кто должен был возвращаться пешком, через горы.

— Вообще-то говоря, берсальеры не самые приспособленные к лазанию по горам войска, хотя я проходил военную подготовку в горах. Потом, в Турине, я часто ходил в походы и поэтому был более или менее знаком с альпийскими маршрутами. Переходить границу я должен был вместе с Бордигой, который, как истинный неаполитанец и к тому же тучный, не очень-то хорошо чувствовал себя в горах и в снегу.

В конце декабря мы прибыли в кантон Тичино. Установили, как было условлено, контакт с нашими друзьями социалистами из Лугано, которые, хотя и были явными реформистами, помогли нам и потом всегда великодушно помогали во всех делах, связанных с переходом границы и с нелегальными базами. Великим главой тичинских социалистов был тогда адвокат Каневашини, который в то время и потом еще много лет являлся пред-

* СП — от итал. servizio di partito (служба партии).— Прим. ред.

седателем кантона. Но занимался всеми нелегальными делами секретарь Палаты труда Лугано некий Гасперини, если я не ошибаюсь.

Он принял нас в своем городе и отвез в Локарно. Там он поручил нас одному контрабандисту, который и провёл нас до границы.

Это было ночью под Новый год. Конечно, эту дату мы специально выбрали в расчете на меньшую бдительность пограничников. Снег падал хлопьями, как в рождественских рассказах, мы в этом мягком, глубоком снегу утопали по колено. Когда подошли к границе, контрабандист сказал: «Отсюда спускайтесь вниз, потом поднимайтесь вон туда, справа увидите домик — держитесь от него подальше, потом поверните — и вы уже в Италии».

— *И, следуя этим точным указаниям, вы, конечно, заблудились.*

— Нет, мой дорогой. Ты забываешь, что я должен был защитить свой престиж бывшего офицера, и потом я всегда хвалился умением точно ориентироваться.

— *А разве у вас не было топографических карт?*

— Нет. Горцы прекрасно ориентируются и без топографических карт.

— *Тогда я понимаю, почему все обошлось хорошо. Когда я был офицером, я заметил, что с топографическими картами все время ошибался. Единственно правильным было довериться местным жителям.*

— Но мы к местным жителям, которые почти наверняка были пограничниками, не могли обратиться. Не знаю, из-за моего ли чувства ориентировки или просто нам повезло под Новый год, но через несколько часов мы добрались до одной итальянской деревни. Я не говорю, что добрались мы туда без труда: я был еще худой и ловкий, а вот Бордига, толстый и укутанный в громадное пальто, подбитое мехом, постоянно утопал в свежем снегу. Он потел и все время перетасовывал весь свой набор неаполитанских ругательств. Конечно, их не слышали ни пограничники, ни святые, которые покровительствовали нам, потому что мы добрались до населенного пункта без происшествий.

Мы вошли в деревню с первыми лучами солнца, когда она уже начинала просыпаться. Мы смешались с толпой, направлявшейся к местному поезду, который шел в

Милан. В столицу Ломбардии мы приехали только к вечеру, когда уже зажигались первые огни. Бордига сразу же нашел ожидавшего нас Фортикьяри. С ним мы обсудили планы на ближайшие дни.

— *Какое задание досталось тебе?*

— С этого момента началась моя жизнь профессионального революционера. Я уже говорил, что, когда мы были в Москве, произошла так называемая туринская резня, то есть поджог Палаты труда, убийства активистов и руководителей коммунистической и социалистической партий, анархистов. Их убивали в собственных домах, на глазах семьи, на улицах или вывозили за город и убивали там.

Как я уже говорил, в этой резне погиб мой кузен. Фашисты приходили за мной. Испуганные родственники сразу же сообщили мне об этом, предупредив, чтобы я не возвращался домой. Я, естественно, ответил, что сделаю, как хотят они, но, уезжая из Берлина, оставил одному из друзей дюжину написанных открыток («Все в порядке», «Чувствую себя хорошо» и так далее), попросив отправлять их время от времени моим родным. К такой хитрости я потом прибегал еще часто, когда хотел сообщить домой, что жив, но не хотел сообщать, где нахожусь. Будучи же в Испании, я вообще не посылал своим даже такого малого знака.

В беседе с Бордигой и с Фортикьяри было согласовано, что я поеду в Рим для участия в руководстве Федерацией коммунистической молодежи. Было также обговорено, что я поеду туда с моей подругой, Терезой Ноче (Эстеллой), которая мне будет помогать в работе. Чтобы договориться с ней, я съездил в Турин, но, конечно, к себе домой не заходил.

— *Неожиданно появляется подруга, о которой ты никогда не говорил. Значит, ты был влюблен?*

— Ты прекрасно знаешь, как начинаются и кончаются такие истории. Двое начинают работать вместе в одной секции; появляется необходимость говорить о политике, книгах, пожалуй, о философии; домой идут вместе, потому что еще столько надо выяснить; так они ходят от дома одного до дома другого; потом ожидают друг друга после работы. Никогда не хватает времени высказать все, что хочешь высказать, и, в конце концов, они оказываются перед мэром, чтобы оформить свой брак.

Но мы это смогли сделать только после двух лет совместной жизни. Встретившись в Турине, мы договорились, что увидимся в Риме в конце января и будем жить как супруги. Через девять месяцев родился наш первый сын, которого Эстелла назвала Луиджи Либери, потому что я в тот момент находился в тюрьме.

Итак, я поехал в Рим, условившись, что буду ожидать ее там и подготовлю тем временем жилье для семейной жизни. Я снял комнату у вдовы, жившей на улице Алессандрия, около пивоваренного завода Перони.

В первых числах января, как мы и договорились, приехала моя жена. Я поехал встречать ее на вокзал, но, боясь опоздать, приехал намного раньше. И меня постигло несчастье. Чтобы не крутиться на вокзале и не привлекать внимания полиции, я пошел прогуляться неподалеку. Если бы я знал, что случится, я никогда бы этого не сделал: тем временем подошел поезд, и, когда я вернулся, никого уже не было. Я стал думать, как мне ее найти. Кроме того, я беспокоился, потому что это было ее первое такое далекое путешествие. До тех пор она выезжала лишь в окрестности Турина, а к тому же не знала ни Рима, ни адресов друзей и общих знакомых.

Не знаю, как это случилось, но мы встретились случайно. Я увидел ее издали. Лицо Терезы изменилось от усталости и волнения. Всю дорогу она стояла у окна вагона и любовалась пейзажем, не обращая внимания на дым и пыль, заполнявшие купе. Едва увидев меня, она сразу же набросилась на меня с упреками, что было в ее характере. Бордига, познакомившись с ней, назвал ее за порывистость и шумливость «мадонна ураган».

Естественно, все легко утихло, мы заняли нашу комнату и начали совместную жизнь.

Еду нам готовила хозяйка дома. Эта славная женщина жила на скромный доход, который получала от сдачи комнаты. Кроме того, ей иногда помогали родственники. У хозяйки была дочь — симпатичная и живая девушка. Мы ели все вместе за одним столом. Мы с женой чувствовали себя немного неудобно, как будто сбегали из дома. Мы всегда сидели за столом уткнувшись в тарелку, избегали чужих взглядов и отвечали только

«да» или «нет». Несколько раз (учти, что мы не только неудобно себя чувствовали, но были очень молоды и у нас был хороший аппетит) мы съедали все, что было на общей тарелке, не заметив, что остальные еще себе не взяли.

В этом доме нам было так хорошо, что, когда мы уезжали, мы порекомендовали его Марио Монтаньяне, который приехал в Рим на политическую работу. Монтаньяна познакомился и завязал дружбу с братом хозяйки, который ему признался, что был анархистом и противником фашизма.

— *Это как раз тогда были арестованы все члены центральных органов партии, находившиеся в Риме?*

— Да, после возвращения делегации из Москвы начались беды. Полиция учуяла ее возвращение, потому что партия вновь начала более интенсивную работу. В первых числах февраля полиции удалось арестовать сначала Бордигу, а потом Гриеко. Полиция изъяла ряд секретных документов, и началась волна доносов и арестов. В нее попали тысячи активистов и руководителей компартии и даже просто сочувствующие. Удар был тяжел не только потому, что было арестовано много опытных товарищей, но и потому, что теперь вся организация, весь аппарат партии мог оказаться под контролем полиции. Хорошее правило конспирации в таких случаях предписывает решительно оборвать все связи, если есть хотя бы малейшее сомнение в их надежности. Поэтому центральные органы партии переехали в Милан. Так же поступили и мы, сотрудники Федерации коммунистической молодежи, хотя нас пока аресты не затронули.

Апогей драмы: во время ареста Бордиги была изъята крупная сумма денег, которая составляла партийную кассу. В то время среди товарищей ходила следующая легенда, подправленная каким-то злоязычником. Рассказывали, что «фламинго» (в миру Дуччо Гуэрманди) пришел к Террачини, чтобы сообщить ему о происшедших арестах, и увидел, что он сидит с температурой в постели и печатает на машинке очередной циркуляр.

Гуэрманди начинает: «Знаешь, арестовали Бордигу». Террачини спокойно отвечает: «Правда?» — «А ты знаешь, что полиция обнаружила, где мы собирались?» Террачини: «Неужели?» — «Арестовали ведь и такого-то, и такого-то». А Террачини: «Надо же!»

Но когда Гуэрманди произнес: «А ты знаешь, что они забрали партийную кассу?», Террачини вскочил: «Черт побери, беда-то какая!»

— *Ты очень хорошо знал Террачини с самого начала своей деятельности?*

— Да, я думаю, что впервые слышал и видел его на собраниях студенческой группы, когда он приезжал читать нам лекции. Я помню его серебристый голос, который он сохранил до сих пор, его быструю речь, насыщенную мудрыми архаизмами, его частые «не так ли, товарищи?».

Он появлялся на всех трибунах: в кружках, секциях, на заводах, во время митингов. Всегда корректный, изысканный и элегантный. Из его верхнего кармашка, как и сейчас, на два или три сантиметра непременно высовывался белый платочек. Говоря, он постоянно аккуратно расправлял лацкан пиджака, чтобы выглядеть как можно импозантнее.

Некоторое время в центре партии был другой товарищ, Мерсу, которого прозвали Пиччини*. Я думаю, он был из Пола или же Фиуме. Он сильно превосходил Террачини своими «не так ли?». Некоторые насмешники на собраниях развлекались, обозначая черточками на листе бумаги каждое «не так ли?», произнесенное товарищем Мерсу. Уже через час листок был сплошь черным от пометок.

— *Федерации коммунистической молодежи удалось в первое время избежать арестов, и вы переехали в Милан. Как вы там устроились?*

— Обычно, как тогда было принято. Мы снимали какую-нибудь контору, пытались придать ей коммерческий вид: раскладывали бланки и конверты с выдуманным названием фирмы, ставили пишущие машинки, но наши конторы были очень странные. Туда никогда никто не приходил, кроме двух или трех «служащих». Мы стучали на машинке, это да, и притом целый день. Тогда каждый из нас был руководителем, секретарем, машинисткой. Встречи мы назначали в городе, чтобы избежать слежки. В Милан поехали Берти, я и Касситта. Меня разыскивали, потому что я подписал призыв к объеди-

* Пиччини (от итал. слова *piccino*) — маленький, ребенок.—
Прим. ред.

нению, на Берти и Касситту поступили доносы, но полиция в то время не очень-то заботилась об уликах: при возможности арестовывала, а доказательства-де найдутся потом.

— *А разве Силоне⁷ не был с вами?*

— Я точно не помню, чем тогда занимался Силоне. Я думаю, что он где-то в Европе или где-то еще выполнял какое-нибудь задание Коминтерна. Мы не были огорчены, что он отсутствовал: никто его не любил и не уважал за неискренность и двуличность. Никогда не было известно, что в точности он думает, и соответствуют ли его слова его мыслям. Ему нравилось быть циником. В годовщину убийства Маттеотти⁸ он написал в «Стато операйо»⁹, что знаменитую фразу «Вы убиваете меня, но не идею во мне» выдумали, работая в редакции, он и Платоне.

— *Его политические позиции не были последовательными?*

— Он начал как последователь Бордиги, что было в его манере. Но потом его победил Берти, тогдашний любимчик Бордиги. В период дискуссии с Коминтерном Силоне сначала был против Интернационала, а потом — за него, в ущерб другим товарищам.

— *А с Берти и Касситтой тебе работалось хорошо?*

— Ничего подобного. Я не имею в виду Касситту, который был умным, корректным товарищем, — с ним работалось легко и охотно, чего не скажешь о Берти, который в период «похода на Рим» заболел и переживал к тому же «политический кризис». Берти из оголтелого последователя Бордиги превратился в поборника линии на объединение, проводимой Коминтерном. Между нами существовали постоянные трения. Он во что бы то ни стало хотел провести некоторые свои новые идеи, я — защитить позиции, которые, по моему мнению, совпадали с линией партии, и, в том, что касается молодежного движения, добиться преобразования Федерации на основе фабрично-заводских ячеек. В нашей маленькой конторе, организованной в Милане неподалеку от Порта Дженова, постоянно происходили жаркие и продолжительные дискуссии. Когда в дверь нашей конторы постучала полиция и без лишних церемоний объявила нас всех арестованными, перевернув вверх дном все наши

бумаги, я в душе облегченно вздохнул: наконец-то окончились ежедневные злобные перепалки по поводу какого-нибудь слова, точки или запятой.

— *В первые месяцы 1923 года для нашей партии наступили ужасные времена.*

— Уже в конце 1922 года, после «похода на Рим», усилились действия боевых фашистских групп. Я уже говорил о туринской резне, но можно было бы привести еще множество других примеров. В начале 1923 года фашистское правительство начало широкую облаву, как называет это Сприано (а по-другому это и не назовешь), на коммунистов.

ГЛАВА VI

КРИЗИС 1923 ГОДА

Партия на полулегальном положении

— В течение одной недели полиция арестовала более пяти тысяч наших товарищей: всех секретарей федераций компартий, всех профсоюзных организаторов-коммунистов, всех коммунистов — членов местных органов управления. Партийной организации был нанесен сильный удар: четверть ее членов оказалась в тюрьме. Партия, лишившаяся части своего руководства, потерявшая множество своих бойцов, казалось, была в агонии. Враги пытались не только нанести смертельный удар компартии, но и воспрепятствовать ее запланированному слиянию с ИСП. Для этого были лишены свободы многие социалисты-интернационалисты. Серрати был арестован 1 марта, как только возвратился из Москвы в Милан.

— *Мы тогда свалили на Ненни ответственность за этот арест. Это похоже на правду?*

— Ничего подобного. В конце концов, Серрати тоже подписывал призыв к объединению, и, следовательно, на него тоже имелся ордер на арест. С другой стороны, ввиду создавшихся в ИСП тенденций за слияние и против него для фашистов и полиции было явно выгодно «убрать» из партии Серрати. А если при этом можно было бы бросить тень подозрения на саму социалистическую партию, то это для фашизма и полиции было выгодно вдвойне.

Кризисное положение в нашей партии отразилось также и на слиянии. Представь себе, руководство компартии не только частично находилось в тюрьме, но и было в отставке по отношению к Коминтерну. С целью выхода

из этой драматической ситуации в Исполнительный Комитет были введены некоторые, к счастью, еще находившиеся на свободе товарищи: Тольятти и Скоччимарро, а в Центральный Комитет — Камилла Равера и двое правых: Таска и Грациадеи. Тольятти, однако, серьезно заболел зимой, смог вновь установить контакты с Центром партии лишь в апреле.

— *А правда, что болезнь Тольятти в действительности не была такой уж серьезной, что к ней прибавилась определенная потеря веры? Кажется, он хотел вновь начать научную работу, преподавать в университете и только встреча с Скоччимарро возродила его к политической деятельности.*

— В то время я узнал лишь о знаменитом коммюнике Исполкома, в котором Тольятти приглашали вновь установить связи с Исполкомом. В аппарате этот факт вызывал насмешливые и иронические замечания. Я узнал потом, что это коммюнике очень рассердило Тольятти.

Я не знаю, соответствует ли действительности сомнение, которое ты высказываешь.

Но последующее возвращение Тольятти к активной работе в партии, работе, полной опасностей и очень ответственной, свидетельствует, что его воля, политическая страстность и боевой дух победили все доводы о трудностях, которые ему предстоит преодолеть, о тяжести предстоящего пути.

Новый Исполнительный Комитет располагался близ Милана на двух подпольных явках: одна находилась на окраине города, другая — в Анджере, на озере Лаго-Маджоре. В конце апреля Тольятти, вновь начавший работу, стал наиболее ответственным руководителем аппарата. Снова начинает создаваться партийная организация. Это было труднейшей задачей: волна репрессий вынудила большую часть коммунистов, если они не были арестованы, удалиться от их организаций, а часто — эмигрировать; те, кто вновь начинали работу, должны были действовать нелегально, а в случае провала их надо было заменить другими. Тогда и родился образ «подпольщика-коммуниста», «партийного функционера», который в течение двадцати лет не давал покоя фашистской полиции. Создается пирамидальная структура партии, в основании которой лежали группы по пять-семь человек. Только старший группы имел связь с руководи-

телем района, который, в свою очередь, был связан с руководителем городской партийной организации, а тот, через представителей в провинции и в области,— с Центром.

— Не была ли эффективность ударов, нанесенных по партии фашистским правительством, частично обусловлена вашей непредусмотрительностью, то есть тем, что вы не подготовили своевременно нелегальную партийную организацию?

— Непредусмотрительность? Может быть, она и имела место. Но вопрос этот намного сложнее. На заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна в июне 1923 года советские товарищи подчеркнули, что фашизм не только является более или менее выраженной традиционной реакцией, фашизм — это нечто другое и с политической точки зрения, и с точки зрения форм и возможностей реакции. В политическом аспекте речь шла не только о мобилизации традиционного репрессивного аппарата (полиции, магистратуры, суда), но и о массовой мобилизации политических и социальных сил мелкой буржуазии, деклассированных элементов и так далее против рабочих и революционных сил, мобилизации, влиявшей на сплоченность и единство буржуазных и даже демократических партий, превращая их в союзников, соучастников и подчиненных. В плане репрессий новизна состояла в том, что они осуществлялись не только традиционными средствами подавления, но и массовыми отрядами добровольцев. Причем происходило это не обязательно в соответствии с буквой закона. Зачастую это выливалось в незаконные жестокости. Иными словами, существовали репрессии в легальных и нелегальных формах, по закону и по произволу, или в соответствии с произвольным, слишком широким толкованием положений закона. Посредством этих различных форм репрессий реакции удавалось создавать атмосферу всеобщего недоверия и более глубоко и широко запугивать политические и социальные силы, которые она хотела подавить.

В таких условиях было намного труднее избежать репрессий. Традиционные формы нелегальной работы были малоэффективны. Партию было легко расчленить, обезглавить. Опыт 1923 и 1926 годов показывает, что меры предосторожности помогали мало, особенно для такой партии, как итальянская, которая перешла на нелегаль-

ное положение после периода легальной работы, когда она имела своих представителей во всех легальных институтах (парламенте, местных органах управления) и во всех общественных организациях (профсоюзах, кооперативах). То, что партия действовала в современном, достаточно организованном обществе, облегчало возможности контроля для реакции и затрудняло для коммунистов конспирацию. В этих условиях стало трудно скрываться на предприятиях, контролируемых хозяином и его полицией, в жилищах, контролируемых владельцами и привратниками, к тому же существовал закон об обязательном донесении властям.

Я думаю, нельзя сравнивать возможности скрываться, существовавшие в царской России и в Италии 20-х годов. Например, когда были приняты чрезвычайные законы, партия, несмотря на многолетний опыт нелегальной борьбы и на существование в ней строго законспирированной организации, была серьезно дезорганизована и парализована на длительные периоды времени. Я не думаю, что двадцатилетний опыт действий в условиях фашизма дает уверенные рекомендации для нелегальных организаций. Факты показали, что наиболее эффективной и возможной партийной работой стала деятельность внутри фашистских организаций (среди молодежи, в профсоюзах, в высших учебных заведениях), но эта деятельность созрела больше изнутри, чем извне (то есть не благодаря инициативам коммунистов).

Трудно сказать, как в легальных условиях готовиться к нелегальной борьбе. Еще во время обычной, легальной работы надо суметь создать зародыши структурного строения будущей подпольной организации, будущих опорных пунктов, совершенно секретных организаций, отделенных от партийной организации и работы в легальных условиях. Но очень трудно содержать в боевой готовности организацию, которая не должна ничего предпринимать до перехода на нелегальное положение. И не менее трудно во время легального положения поддерживать секретные связи между зародышем подпольной организации и легальной партийной организацией и работой.

— *Эти твои замечания неоспоримы, и я, кстати, лично смог оценить их правильность после покушения на Тольятти 14 июля 1948 года. Тем не менее есть товарищи, ко-*

торые еще полагают, что должны существовать две партийные организации: одна, нелегальная,— для революции и другая, видимая,— для легальной работы. Естественно, в первую организацию должны входить самые испытанные и верные товарищи, а во вторую, так сказать, «липовые» товарищи. Но возвратимся к 1923 году. Очевидно, что, несмотря на указанные тобой трудности, вы должны были тогда поставить перед собой проблему защиты партии от ударов реакции. Что включала в себя такая защита?

— Она включала различные вопросы: секретной, условной и шифрованной переписки, явок, техники связи и тому подобное. Стояла также проблема псевдонимов: раньше тоже использовались псевдонимы, но более литературного типа. Моя первая кличка была Дуэлле, затем Алерамо. Такие фальшивые имена часто вызывали неудобства в гостиницах. Бывало, в момент, когда надо было естественно и спокойно произнести свою вымышленную фамилию, ты забывал ее.

Я, чтобы так не случалось, начал с использования фамилии моей матери (Готта), которую хорошо помнил. Потом перешел к Гатти и, наконец, к Галло. Переход к Галло, можно сказать, был естественной этимологией.

Имя Галло я сохранял долго, потому что оно было простым и одинаково произносилось почти на всех языках.

— Впервые о тебе я услышал, когда Тромбадори сказал мне, что в Риме находится Галло. Я не знал, что Галло — это Луиджи Лонго. Я даже не знал, кто такой Луиджи Лонго. Я помню еще, что, когда впервые увидел газету «Унита» (наверное, в 1940 году, может быть, немного раньше), я прочитал: основатели — А. Грамши и П. Тольятти (Эрколи). Я не знал ни одного из них.

— Обычно имена давались по сходству или по противоположности. Тольятти было дано имя Эрколи, потому что он был художав*. Амендолу звали «великан»**. Леонетти звали Ферочи***, потому что он был всегда рассержен, и поэтому кличка хорошо соответсг-

* Эрколи — от итал. Ercole (Геркулес).— Прим. ред.

** Амендолу звали «великан» в связи с его высоким ростом.— Прим. ред.

*** Леонетти — от итал. leone (лев); Ферочи — от итал. feroce (свирепый).— Прим. ред.

вовала его настоящему имени. Секкья у нас был Ботте (от Боттекиа, поскольку он немедленно являлся по вызову) ¹.

Был период, когда Гриеко всем дал имена по столицам государств. Сам он сначала был Гарланди, потом Стокгольм. Я был Лиссабон. Эрколи был Мадрид. Доцца ² был Лимой, и так далее.

Вымышленные имена часто менялись, и это затрудняло для врагов определение настоящего имени того или иного товарища. Когда Массола работал во Внутреннем центре, он дал женщинам мужские имена, а мужчинам — женские.

Разногласия с Коминтерном

— Из того, что ты сказал, выходит, что в 1923—1924 годах в партии формально не было признанного руководства. Бордига был в тюрьме, а Грамши — в Москве.

— Именно так. В тот период всю работу делает Тольятти, сначала не входивший в Исполнительный Комитет. Тольятти проводит большую работу по реорганизации, но он еще не уверен, какую политическую линию следует проводить.

Таска же явно делает ставку на ликвидацию партии. Он пишет в Коминтерн, что «единственной значительной силой, которая может осуществлять определенное политическое влияние, являются массы, сгруппированные в ИСП и особенно вокруг «Аванти!»». По поводу же оценки сил коммунистической партии Таска настроен довольно пессимистически.

«Наши связи с массами сейчас крайне слабы,— пишет Таска в Москву,— у нас нет ни печати, ни профсоюзной или кооперативной организации».

1923 год — это черный год, самый тяжелый год для партии. Грамши пишет Тольятти: «Мы сознаем, что слабы и можем быть потоплены. Мы отрываемся от масс: между нами и массами образуется облако недоразумений, непонимания, сложных постоянных раздоров».

— *Мне кажется достаточно ясным, что партия находилась на краю гибели. И тем не менее большинство членов руководства, полемизируя с правым большинством, были оптимистами в оценке политической ситуации.*

— Таска и его друзья считали, что капиталистическо-буржуазную систему невозможно изменить и поэтому бесполезно бороться за ее преобразование.

Они, конечно, с радостью принимали все негативные моменты ситуации, которые, в сущности, питали их предрасположенность к пессимизму. Товарищи из большинства видели, что этот пессимизм отнюдь не основывался на верном восприятии ситуации. Он скорее недвусмысленно доказывал, что эти люди больше не верили в дело, за которое на словах боролись. Не случайно впоследствии все оппортунисты перешли от этих позиций на позиции отречения и капитуляции перед фашизмом и классовым врагом.

Упорное же и неуклонное сопротивление партии фашизму в любых условиях, постоянное подтверждение ее связи с рабочими массами, с предприятиями, независимо от того, можно ли было сразу же получить конкретные результаты, воспитали в членах партии и в наиболее передовых слоях действительно коммунистическое, рабочее, антифашистское сознание. Это сознание, несмотря на все трудности, позволило им постоянно оставаться активными и подготовить идеологическую и психологическую обстановку, в которой стали возможными Сопротивление и организация на прочной классовой, марксистской и антифашистской основе не только партии, но и итальянского рабочего движения.

— *Мне кажется, мы подошли к центральному вопросу дискуссии — к вопросу о партии. По моему впечатлению, анализ ситуации, проведенный как правым, так и «левым» крылом компартии, был вспомогательным по отношению к проблеме — защищать или нет партию, рожденную в Ливорно.*

— В определенном смысле это так. Весной 1923 года можно было сказать, что объединение с социалистами окончательно провалилось. Коминтерн считал главным ответственным за этот провал Коммунистическую партию Италии. Но и ИСП и особенно «Аванти!» были совсем не благосклонны к слиянию. Сама ИСП, хотя формально и являлась легальной, была сведена к нескольким ячейкам «вернейших». На съезде в Милане (15—17 апреля 1923 года) были представлены 10 250 членов социалистической партии. Руководство, образованное на съезде, целиком выступало против слияния.

На расширенном заседании Исполкома Коминтерна весной 1923 года до слияния еще далеко. На нем происходит общее столкновение между Зиновьевым, Таской и представителями фракции ИСП, выступавшей за объединение, с одной стороны, и всеми руководителями старого большинства КПИ — с другой. В тот период позиции Грамши еще мало отличались от интерпретаций и прогнозов других товарищей.

Перед отъездом в Москву делегатов большинства Исполком КПИ, уже находившийся в отставке, издает документ с изложением своей позиции и дает наказ делегатам: если Коминтерн не порвет все отношения с итальянскими социалистами, Исполком партии будет настаивать на своей отставке, «не считая для себя возможным принимать ответственность за иную политическую линию» (28 апреля 1923 года). С «третьеинтернационалистами» партия будет продолжать работать, только если они выйдут из ИСП. Делегаты компартии уезжают в Москву, получив рекомендацию избегать открытого раскола с Коминтерном. Разногласия касаются всех вопросов тактики и стратегии: роли коммунистической партии, понятия рабочего правительства, методов борьбы с фашизмом и перспективы действий.

По мнению Бордиги, вся линия Коммунистического Интернационала по отношению к итальянскому движению направлена на явную и простую ликвидацию раскола в Ливорно. Это означает «вновь повергнуть итальянский пролетариат в мертвое болото лживого и трусливого централизма».

В Бордиге зреет убеждение, что партия стоит перед лицом оппортунистического вырождения Коминтерна и должна реагировать на него вплоть до радикального раскола. Ни Сколчмарро, ни Террачини, ни тем более Грамши не намерены следовать за ним по этой наклонной плоскости. Однако каждый из них перед лицом опасности ликвидации партии, возникшей в Ливорно, и антитезиса, который она представляет по отношению к итальянским социалистическим традициям, реагировал со страстью и неистовством, свойственными Бордиге.

Тольятти тоже убежден, что возобновление движения может и должно произойти вне и против традиции, воплощенной в ИСП.

В различных докладах Коминтерну Тольятти часто возвращается к одной и той же мысли: с ИСП нельзя больше иметь никаких дел, она «является препятствием для любой полезной революционной работы».

— *В общем, в тот момент Тольятти был более непримирим по сравнению с Террачини и Грамши.*

— До определенного предела, потому что все были согласны защищать раскол и необходимость возродить единство рабочего класса вокруг КПИ, расчистив поле боя от двусмысленности, порожденной социалистической партией.

Дискуссия о фашизме

— *В ходе всех этих дискуссий речь шла о фашизме?*

— О нем мы говорили много. Дело в том, что сначала проблема рассматривалась не полностью. Фашизм состоял не только из репрессий, он проводил политику, направленную на консолидацию вокруг себя реакционных сил и на деморализацию сил противников. В то время как проводились репрессивные акции против рабочих, Муссолини старался показать свое желание договориться с Конфедерацией труда. Таким образом, его репрессивные действия сочетались с политическими, которые развивались в двух направлениях: в плане консолидации политических и социальных сил вокруг фашизма и в плане разъединения сил противника.

Часто фашизм находил оппортунистов и трансформистов, которые легко верили в его слова, хотя и знали, что это всего лишь слова. Так вначале поступила Народная партия (ныне Христианские демократы), согласившаяся сотрудничать в правительстве Муссолини, потом либералы³, вошедшие в фашистский список на выборах 1924 года, националистическая партия, которая даже слилась с фашистской.

Рассмотрим различные определения фашизма, которые давались в разные периоды времени. Их слабость состоит в том, что все они крайне односторонни, поскольку отражают лишь какой-то один, причем поверхностный или побочный, аспект данной проблемы. Говорилось, что фашизм — порождение реакции землевладельцев, что-то вроде превентивной контрреволюции со стороны контрреволюционных сил, что он является результатом бунта

мелкой буржуазии, задавленной в схватке между крупным капиталом и рабочим движением. Социал-демократы и буржуазные либералы не рассматривали фашизм с классовой точки зрения и предпочитали говорить о возврате к варварству, мракобесию и тому подобному.

Лишь после прихода к власти Гитлера, на VII конгрессе Коминтерна, было выработано, по-видимому, наиболее верное и полное определение фашизма.

Но на заседании пленума Исполкома Коминтерна в 1923 году дебаты по итальянскому фашизму в основном сконцентрировались на вопросе об ответственности коммунистов за приход к власти Муссолини. Указывалось, что на коммунистах лежала серьезная, в определенном смысле решающая, ответственность, потому что, как было заявлено, КПИ считала своим главным врагом Серрати, а на самом деле им стал Муссолини. Признавалось, что итальянские коммунисты были прекрасными бойцами, но что они совершили серьезные ошибки и что только в результате этих ошибок мог наступить триумф реакции. Во время восхождения фашизма КПИ якобы была бесстрастным свидетелем, захваченным затем врасплох «походом на Рим»; впоследствии КПИ якобы сорвала объединение с социалистической партией, сначала в Москве, а потом в Италии, и делала все, чтобы не осуществлять постановления IV конгресса Коминтерна.

В это время крайне резко ставится вопрос об изменении руководства ЦК КПИ. Инициативу в этом на себя берет Зиновьев, который утверждает: «Нам теперь необходимо во что бы то ни стало создать такой ЦК Итальянской Коммунистической Партии, который гарантировал бы нам действительное проведение решений Коминтерна»⁴.

ИСП не считали потерянной для объединения. Ее думали принять как сочувствующую, потому что руководство ИСП, защищая самостоятельность, отвечающую ее исторической роли, вновь попросило принять социалистическую партию в Коминтерн, «хотя и со всеми разумными оговорками».

На этом заседании пленума Исполкома Коминтерна было решено назначить своей властью новый Исполком КПИ. Принятию такого решения способствовало также то, что старый Исполнительный Комитет с марта был в отставке. Таким образом, в Италии был создан «сме-

щанный» исполком, три члена которого принадлежали к старому большинству (Фортикьяри, Скоччимарро, Тольятти), а двое — к меньшинству (Таска и Вота).

Однако двое из троих представителей большинства, введенных в состав нового исполкома, — Скоччимарро и Фортикьяри — высказались против такого решения. Тольятти некоторое время сомневался, принимать или нет предложенный пост. Бордига из тюрьмы советует отказаться от него. «Не сделайте самую большую глупость в вашей жизни», — пишет он в августе Террачини и Тольятти, настаивая на необходимости отставки всего большинства.

Тольятти не хочет работать с правым меньшинством. Против Таски Тольятти настроен еще более резко, чем Грамши. «Товарищи из меньшинства, — пишет Тольятти Грамши и Скоччимарро, — хотят ликвидировать всю традицию и опыт политического пролетарского движения, которые привели к созданию коммунистической партии. Это принципы, вокруг которых велась полемика в социалистической партии и в массах до и после Ливорно, принципы, которыми до настоящего времени руководствовалась в своей деятельности группа, до сих пор возглавлявшая руководство партии, принципы, которые и сейчас, во всяком случае для нас, представляют собой то, что следует твердо отстаивать, если мы хотим обеспечить пролетарскому движению будущее, отличное от его прошлого»⁵.

Тольятти подтверждает Грамши, что «еще не решил, соглашусь ли войти в состав нового руководящего органа партии или нет»⁶.

Грамши отвечает: «Сейчас я понимаю лучше, как смогла образоваться парадоксальная ситуация, которая одала нас меньшинством, не существующим объективно, явившимся порождением наших ошибок, нашей пассивности, и которое, если победит твоя точка зрения, завоюет руководство партией и большинством, о котором не известно, что оно собой в точности представляет, имеет ли программу, достойно ли находиться на своем месте в ужасный момент, переживаемый итальянским пролетариатом».

В конце концов все товарищи приходят к убеждению, что нельзя уступать штурвал именно сейчас, нельзя передавать его Таске, нельзя порывать с Коминтерном.

Можно сказать, что это решение сохранить позиции в руководстве, чтобы обеспечить развитие партии, означало первый настоящий разрыв с бордигианством по поводу использования организационных позиций для проведения политической линии.

Резкость полемики со стороны Бордиги, направленной против идеи оставить ответственных работников на своих местах, показывает, что он чувствовал, что таким образом отрицается основной момент в его концепции партии и в его способе вести политику.

Разрыв между Грамши и Бордигой

Из «Истории ИКП» Сприано явствует, что центральной проблемой, поставленной Грамши в Вене, куда он переехал, чтобы с более близкого расстояния следить за положением в Италии, была проблема отношений с Бордигой. Именно Грамши порывает со старым главой партии и порывает не по поручению Коминтерна, который, наоборот, хотел бы вновь ввести Бордигу в Исполком КПИ. Он порывает с Бордигой по собственному решению, рискуя оказаться в изоляции, хотя и во имя дисциплинированного выполнения решений и убежденной верности генеральной линии Коминтерна. Таким образом, Грамши был даже готов отделиться от Тольятти, Террачини и Скорчичмарро, если бы они продолжали следовать советам Бордиги.

Это решение созрело у Грамши в то время, когда он был в Москве: со второй половины 1922 года до осени 1923.

До этого времени Грамши был очень нерешителен, в нем не было той уверенности в своем решении, которая уже свойственна ему в Москве и которая особенно укрепилась впоследствии. Сначала Грамши, казалось, был гипнотизирован и как бы парализован Бордигой. Он лично глубоко восхищался Бордигой как человеком, его решительностью и трудоспособностью. Кроме того, политика, проводимая Бордигой, соответствовала, хотя и плохо, определенным требованиям.

— *Если я не ошибаюсь, поводом для разрыва между Грамши и Бордигой послужило предложение последнего подписать нечто вроде послания членам партии, откры-*

тое письмо, которое поставило бы всех членов партии в известность о длительных разногласиях с Коммунистическим Интернационалом.

— Прав Сприано, когда говорит, что целью «открытого письма» для Бордиги было опубликование речи в защиту Компартии Италии против обвинения, выдвинутого Коминтерном в 1921—1923 годах по поводу «единого фронта, «римских тезисов», отношений с социалистами, ответственности за приход к власти фашизма, концепции рабочего правительства». Для Тольятти и Террачини (но не для Грамши) целью было иметь исходный рубеж, чтобы наконец-то открыть в партии дискуссию на основе ясных политических позиций по поводу существующего положения. Поэтому они даже не забраковали редакцию письма, рассматривая его как средство для информирования партии и рабочего класса о существующей полемике.

Но Грамши решительно разрубает узел: не писать письмо, не подписывать его, отколоться от Бордиги и образовать новую группу, группу «центра», располагающуюся между «левым» крылом Бордиги и «правым» крылом Таски. Грамши порывает с Бордигой не только по итальянским вопросам, но и по поводу отношений между Компартией Италии и Коминтерном, между КПИ и партией большевиков.

По этим вопросам Грамши считает позицию Бордиги провинциальной. Как могла Компартия Италии противопоставить себя советским коммунистам? Для нашей партии было необходимо поддерживать отношения с Советским Союзом и его Коммунистической партией.

В этот период Грамши более резко и решительно выдвигает требование единства итальянского рабочего движения с большинством международного коммунистического и рабочего движения. Он признает ведущую и руководящую роль ВКП(б) и Советского Союза в этом единстве.

— *Насколько наши сегодняшние позиции по этим вопросам совпадают с тогдашними позициями Грамши? Ты оправдываешь позицию Грамши, который говорил: «Точка зрения ВКП(б) основана на интернациональной широте взглядов, которой нам не хватает». Сейчас мы большая партия, а тогда были маленькой группой. Тем не менее мне кажется, что проблема, в сущности,*

остается той же. Риск провинциализма остается. Нет ли здесь риска повторить таким образом опыт партий II Интернационала, в которых национализм взял верх над интернационализмом?

— Я так абсолютно не думаю, ввиду существенных социальных и идеологических различий между старыми социал-демократическими партиями и современными коммунистическими. Сегодня рабочее движение и коммунистические партии, являющиеся его авангардом, ясно осознают классовые интересы, революционную необходимость и требования интернационализма, чего не было в годы первой мировой войны в рабочем движении, руководимом социал-демократическими партиями.

Этот опыт, Октябрьская революция, уроки последних пятидесяти лет пролетарской борьбы, знавшей и победы, и поражения, подняли уровень сознания, повысили способность к борьбе, сделали более ясной перспективу для рабочего движения и коммунистических партий, которые сегодня действуют в обстановке, характеризующейся общим кризисом капитализма, наличием империализма, существованием многих социалистических стран, а также тем, что многие компартии пришли к власти.

— *По поводу позиции Грамши в той ситуации можно сказать также следующее. Грамши становится на свою самостоятельную позицию, потому что считает ошибочной политику, проводимую руководящей группой; он выражает свое мнение несмотря на то, что оказывается в тот момент в меньшинстве, более того, в изоляции. Отсюда следует, что Грамши не фетишизировал единство руководящей группы, хотя и подчеркивал необходимость такого единства для руководящей группы ВКП(б). Я понимаю, насколько важно, чтобы руководящая группа выглядела единой в глазах партии и масс, потому что, если партия и массы знают о существовании разных позиций, дело кончается тем, что поддерживается существование течений, а то и фракций. Мне кажется, что все наши усилия на съездах партии (по крайней мере, на которых я присутствовал) всегда были направлены на то, чтобы показать возможно более единой руководящую группу, даже если и существовали разногласия. Грамши, однако, вступает в спор с другими товарищами, если полагает, что существуют принципиальные политические требования, навязывающие этот спор.*

— Мне кажется, ты здесь слишком прямолинеен. Ведь в тот же период, о котором мы говорим, Грамши защищал важность единства руководящей группы, даже при несогласии с ней.

В 1923 году Грамши дискутировал с другими товарищами, рискуя разрывом, как ты говоришь, но не порвал с ними.

Нельзя смешивать дискуссию, хотя бы и острую, несогласие, различия во мнениях с разрывом, демократическую диалектику с диалектикой течений и фракций.

— *Если не ошибаюсь, в этом выражается наш столько обсуждавшийся демократический централизм.*

— Совершенно верно, и я считаю его наивысшей формой организации и демократического руководства партией, потому что демократический централизм позволяет всем участвовать в принятии решений посредством дискуссий и сопоставления мнений и в то же время обеспечивает единство в решении и в действии, без которого не существует ни партии, ни сколько-нибудь значимой силы. Я думаю, что Маяковский очень хорошо выразил в своей знаменитой поэме «Ленин» силу единства. В партии каждый человек силен как тысяча, вне партии он ничего не значит.

— *Однако вы в 1921 году вышли из ИСП, и тем не менее вам удалось создать жизнеспособную партию, которая играла первостепенную историческую роль и превратилась в великую и могучую партию сегодняшнего дня.*

— Нельзя думать, что партию или политическое движение можно создать когда и как угодно. Ведь было же заблуждение, что можно создать множество претендентов на пост главы партии, которые в определенный момент начинали верить, что призваны выполнить историческую миссию, возродить движение, в котором они выросли, а потом оказывались среди остатков и отбросов, которые любое жизнеспособное и сильное движение оставляет на своем пути. В истории самой нашей партии есть множество красноречивых примеров такого рода: от Бордиги до «тройки», до различных группок последних лет, включая «Манифесто»⁷.

Наша партия родилась в момент исторического поворота во всем итальянском и мировом демократическом и рабочем движении, она родилась на гребне волны, под-

нятой Октябрьской революцией, в условиях общего кризиса капитализма, во время фашистской диктатуры и, несмотря на ошибки первых лет, сумела своей мужественной и справедливой борьбой против капитализма, фашизма, а затем против немецких оккупантов завоевать широкие слои трудящихся и народных масс. В течение всего своего существования наша партия не только вела борьбу, но постоянно развивалась как рабочая и народная, марксистская и интернационалистская партия: она глубоко влияет на всю жизнь страны и представляет собой сейчас самую действенную силу, борющуюся в Италии за прогресс и за социалистическое преобразование нашей страны. И, конечно, предположения и ложь нескольких обманутых и заблуждающихся не могут сбить ее с пути или остановить. Эти люди — наши враги, и с ними нашей партии все время в большей или меньшей мере приходилось сталкиваться, но каждый раз победа была на нашей стороне.

— В общем, проблема единства партии и ее руководящей группы не может рассматриваться абстрактно, вне условий и требований борьбы, вне ситуации, в которой действует партия.

— Именно так. Нельзя понимать партию, и особенно рабочую партию, как дискуссионный клуб. Партия должна быть действующей силой, чтобы претворить в жизнь результаты этих дискуссий. Рабочей партии противостоят все ее классовые враги, располагающие мощными средствами, ей приходится сражаться в абсолютно неравных условиях и за цели, несоответствующие ее силам. Партия может побеждать в битвах, которые она вынуждена вести для достижения своих целей, только благодаря сплоченности и единству, боевитости и самопожертвованию ее членов.

Сила партии — в правильности ее политики, в ее соответствии интересам широких народных масс. Происходящие в партии дискуссии должны позволять ей определять эти интересы и приспособлять к ним свою политику. Каждая дискуссия не может не иметь собственных границ и целей. Когда дискуссия является лишь предлогом для образования групп, течений и фракций, она не соответствует своему назначению, которое состоит в том, чтобы, разъясняя свои позиции, развивать единство ориентаций и действий. Нелегко назвать точные правила

проведения здоровой и полезной дискуссии. Эта проблема сливается с проблемой внутривнутрипартийной демократии. Если политика партии в сущности правильна, дискуссия не должна носить упадочнического характера. Единства не достигнешь, только говоря о его необходимости. Оно достигается, когда единство отвечает требованиям социальных и политических сил, которые партия хочет организовать и которыми она намерена руководить, и целям, поставленным партией перед собой.

— *Можно, следовательно, сделать вывод о том, что сопротивление со стороны Бордиги по отношению к Коминтерну, когда последний поставил вопрос об объединении КПИ с ИСП, имело два лица: отрицательное и положительное. Отрицательным являлось его сектантское, направленное против политики единства, поведение. Положительным было его беспокойство о том, что, если две партии объединятся, характерные черты КПИ, которые она уже сумела приобрести, вполне вероятно, растворятся в социалистической партии, намного более многочисленной и хаотичной.*

— Всегда слишком смело писать историю того, что не происходило, или пытаться догадаться, что бы случилось, если бы все это произошло. Конечно, во время дискуссии по поводу слияния не только Бордига, но и товарищи, объединявшиеся вокруг Грамши, боялись, что случится, как ты сказал.

Порвав с Бордигой, Грамши предлагает наиболее близким товарищам (Тольятти, Скоччимарро, Террачини) не выходить из игры; он намерен проводить в коммунистической партии (без Бордиги) политику, отличающуюся от прежней: не сектантскую, как раньше, а способную использовать совпадения социальных и политических целей, то есть политику, в сущности, единства действий.

— *Как мы видели, коммунистическая партия возникла в 1920—1921 годах в ситуации, еще считавшейся революционной, и имела перед собой непосредственную перспективу революции. Однако итальянская и международная обстановка резко изменились. Таким образом, партия оказалась в ситуации, совершенно отличающейся от той, в которой она создавалась. Можно ли считать, что сектантство руководства Бордиги не помогло преодолеть различие между обстановкой, в которой партия*

была организована, и той, в которой ей пришлось действовать?

— Лишь в определенных пределах, потому что такие качества, как дисциплина, самопожертвование, боеспособность, которыми партия обогатилась в начальный период своего существования, прекрасно послужили также в условиях реакции, в которых ей пришлось действовать, и при сопротивлении фашизму.

Если бы не было коммунистической партии, такой, какой она сложилась в первые годы, рабочее движение, вероятно, распалось бы и социал-демократия развратила бы его волю и энтузиазм, как это случилось раньше, когда социал-демократы были формально объединены в Итальянскую социалистическую партию, а может быть, даже еще сильнее.

По прошествии стольких лет и учитывая весь накопленный тогда и потом опыт, я полагаю, что раскол в Ливорно был исторически необходимым и правильным, так же как необходимо было упорство и мужество, с которыми мы потом защищали политические и организационные результаты раскола, то есть само существование коммунистической партии. Было ошибочным и вредным возводить в принцип, как сделал Бордига, обособленность партии, отказ от любых совместных действий с другими антифашистскими движениями и с той же социалистической партией или ее фракциями.

В преодолении этих сектантских точек зрения и политических концепций, на которых они основывались, громадный вклад внес Грамши, начиная с его решительной позиции в национальной политике, основанной на итальянской реальности, а не на абстрактных идеологических и тактических схемах, как те, что содержались в пресловутых «римских тезисах» II съезда Коммунистической партии Италии.

Первый арест

— *После ареста партийного руководства, в условиях полицейских преследований и политической неразберихи, о которых ты говорил, Федерация коммунистической молодежи, если не ошибаюсь, переехала в Милан.*

— Да, но, как я уже говорил, мы недолго оставались на свободе. Примерно через два — два с половиной ме-

сяца все секретари Федерации коммунистической молодежи (Берти, Касситта и я) были застигнуты в нашем помещении, находившемся около Порты Джепова, и арестованы. Этот арест означал конец первого периода моей политической деятельности в качестве профессионального революционера — профессии, которой я очень гордился.

Но работой своей я не очень гордился из-за продолжительных споров и перебранок по пустякам, устраивавшихся в целях политической борьбы, разделявшей и руководящую группу коммунистической молодежи. Берти, бывший в молодежной организации рупором самых экстремистских последователей Бордиги, после «похода на Рим» вдруг перешел на правые позиции Таски. Я под влиянием еще свежих впечатлений о дискуссиях на IV конгрессе Коминтерна чувствовал себя обязанным защищать позиции большинства членов делегации компартии на IV конгрессе, которые, хотя и поневоле, взяли на себя обязательство проводить в Италии работу по объединению двух партий.

Поэтому на наших собраниях всегда преобладало взаимное недоверие. Каждое предложение и каждый документ рассматривались через увеличительное стекло из-за боязни, что они скрывают уж не знаю какие интриги. К моменту ареста напряжение достигло такого предела, что я почувствовал даже облегчение, избавившись от всех политических забот, которые меня беспокоили. Не будет больше злобы, которой сопровождалась наша споры. Может быть, еще и поэтому первый арест в моей жизни совершенно меня не расстроил. Более того, я помню, что в первую ночь, проведенную в арестантской, я спал сном праведника и проснулся утром отдохнувшим и спокойным.

Из квестуры нас перевезли потом в тюрьму Сан-Витторе. Там в первый раз я услышал мрачные звуки открывающихся и закрывающихся запоров, лязганье засовов, звон громадных ключей. Нашу тройку разделили и поместили в разные отделения. Я находился в первом отделении, в одной из камер первого этажа, на двери которой выделялась надпись «Особый надзор». Эта надпись вызвала гримасы изумления и ужаса у воскресных посетителей, которые приходили по приглашению начальника тюрьмы послушать мессу вместе с заключенными.

«Особый надзор», которым я гордился, подразумевал

одиночное заключение, обычно не любимое узниками, но я находил «одиночку» удобной, потому что мог спокойно читать весь день. Хотя я и был под особым надзором в «одиночке», на прогулку меня водили вместе с другими заключенными моего отделения. Таким образом, моя «изоляция» была относительной. Спустя несколько месяцев там же, в Милане, был арестован Тольятти и другие руководители партии, среди которых Леонетти и Марио Монтаньяна. Марио был помещен во второе отделение, камеры которого находились напротив первого отделения.

Леонетти же поместили как раз в соседнюю с моей камеру, и мы могли общаться по-тюремному: перестукиваться через стену азбукой Морзе или разговаривать, стоя у окон, не слишком громко, чтобы не привлечь внимания охранников. Но на прогулке мы свободно могли говорить обо всем со всеми нашими товарищами по дворику. Леонетти информировал меня о том, что произошло в руководстве партии за время моего заключения. С Монтаньяной мы могли лишь обмениваться кратким приветствием вечером, перед командой «Тишина!». В это время в тюрьме заключенные приветствовали знакомых из других отделений. В Милане неизменно среди общего гула раздавался длинный, пронзительный, жалобный крик: «Я хочу умереть!», — который еще более подчеркивал грустную атмосферу тюрьмы. На этот отчаянный крик всегда из какой-нибудь камеры следовал совет на миланском диалекте: «Удавись!»

Монтаньяна очень плохо переносил тюремное одиночество, он страдал клаустрофобией* и очень злился, когда я на его вопрос: «Как дела?» — неизменно отвечал: «Отлично!» Мой оптимизм приводил его в негодование. Как-то раз по дороге к следователю он меня спросил: «Как можно в тюрьме чувствовать себя хорошо или, как ты говоришь, отлично?» Но каждый раз ответ у меня возникал сам собой. Дело в том, что на меня никогда не влияли условия материальной жизни, даже самые тяжелые. В тюрьме, ссылке, в камере или в бараке, в окопах, в плохую и в хорошую погоду на все вопросы: «Ну, как ты?» — я всегда отвечал: «Хорошо, отлично!» В этом было немного хвастовства, но говорил я это искренне.

* Клаустрофобия — боязнь закрытого пространства.— *Прим. ред.*

Защищали нас, молодых коммунистов, заключенных в Сан-Витторе, адвокаты Репачи и Д'Амброзио, наши товарищи и друзья. Виделись мы с ними мало, может быть, всего раз или два. Они нам откровенно сказали, что многого сделать не смогут, так как фашистское правительство отдало насчет нас специальное распоряжение; в основном адвокаты помогали нашим родственникам получать разрешения на более или менее регулярные свидания с нами.

Перед арестом мы, руководители Федерации коммунистической молодежи, попытались выпускать нашу газету, в определенной мере замаскированную. Мы дали ей новое название — «Ла воче делла джовенту» — вместо старого «Авангарда». Для нас было важно выпустить газету, доставить ее товарищам и сочувствующим, осязаемо доказать, что организация, хотя и замаскированная, продолжает существовать. Мы печатали газету с конспиративными предосторожностями в типографии, владелец которой придерживался туманных социал-демократических взглядов.

После моего ареста Эстелла приложила все усилия, чтобы по-прежнему продолжать выпускать газету. Как-то раз газета пришла и ко мне в тюрьму: в нее был завернут килограмм черешни. Естественно, я ожидал сюрприза, и, едва взяв в руки кулек, сразу же догадался, в чем дело. Потом я разломил ягоды и в некоторых из них нашел вместо косточек маленькие записки с различными сообщениями.

Эстелла очень гордилась, что смогла одна выпускать газету — она ведь была простой гладильщицей, едва закончившей три класса! Она также гордилась тем, что сама зарабатывала себе на жизнь и ей не приходилось прибегать ни к чьей помощи.

Легко себе представить, как известие о моем аресте пришло ко мне домой. Мои были удручены, причем отец переживал больше, чем мать и сестры. Отцу было стыдно, что его сын, па которого он возлагал столько надежд, находится в тюрьме. Он поссорился с матерью и сестрами, которые никогда меня ни в чем не упрекали и даже поддерживали в моей политической деятельности. Потом отец и мать пришли вместе навестить меня в тюрьме, используя разрешение на «специальное свидание», которое проходило в отдельной комнате под наблюдением

надзирателя. Для моих, наверно, было очень тяжело видеть сына в тюрьме.

В нашей деревне тот, кто попадает в тюрьму, считается нехорошим человеком. Свидание было мучением для всех троих. Что мы могли сказать, чтобы облегчить страдания друг друга? Родители, конечно, не могли сказать мне, что понимают и одобряют меня. Я тем более не мог пообещать им, что прекращу заниматься политикой и, как только выйду на свободу, «возьмусь за ум», как они, конечно, хотели бы. Более веселое воспоминание у меня сохранилось о моем дяде, который тогда жил в окрестностях Лоди. Дядя у себя в городке был активистом социалистической партии, советником, а может быть, и членом городского совета. Он был крестьянином, простым, добрым человеком, но непоколебимым в своих социалистических убеждениях. Мы встретились в общей комнате для свиданий, куда он пришел вместе с дочерью. Он принес мне курицу — уж не знаю, как ему удалось протащить ее в это помещение, — но не знал, как ее передать, потому что «беседующих» разделяло метровое расстояние, и они были отгорожены друг от друга двумя металлическими сетками. Эти общие свидания были настоящей пыткой. В одной комнате собиралось около десятка заключенных и их родственники; все они говорили очень громко, чтобы перекричать остальных. Поэтому в комнате стоял оглушительный и непонятный гомон, нервующий как заключенных, так и их родственников.

Тюрьма Сан-Витторе, по мнению «знатоков» этих учреждений, была не из худших. Начальник проявлял определенный либерализм, что было очень удобно для заключенных. Например, он позволял готовить в камере еду. Для этого можно было использовать кубики кизьяка. Не знаю, почему они горели, но двух кубиков хватало, чтобы вскипятить четверть литра кофе с молоком. Надзиратели относились к нам, политическим, с определенным уважением. Одного я особенно хорошо помню: его звали Трекуатрини. Он делал все, что мог, конечно, в рамках тюремных правил, чтобы помочь нам.

Мы, руководители Федерации коммунистической молодежи, как я уже говорил, обвинялись в заговоре против государственной безопасности. Это было предлогом, чтобы держать нас в тюрьме. Тогда закон не разрешал

держат обвиняемого более трех месяцев в тюрьме, если дело не передано в суд. Но закон позволял судье два раза продлевать срок предварительного заключения на три месяца. Таким образом, срок предварительного заключения мог продолжаться до девяти месяцев. Каждый раз, когда срок предварительного заключения подходил к концу, следователи, ведущие наше дело, просили продлить этот срок еще на три месяца, ничего не предпринимая для окончания следствия.

Их намерения были ясны: не развивать следствие, чтобы держать нас в так называемом предварительном заключении как можно дольше. 1923 год шел уже к концу, а для нас не было никаких изменений. Тогда мы в знак протеста организовали голодовку. Я не воспринял ее с восторгом, но подчинился коллективному решению товарищей. В результате через несколько дней нас всех перевезли в Рим. Любой начальник тюрьмы всегда пытается избавиться от недовольных и «бунтарей». Мы оказались как раз такими, и, не знаю, под каким предлогом, были переведены из Милана в Рим.

— *Мне известно, что в Милане, в тюрьме Сан-Витторе, ты познакомился с Джанданте. Как это произошло?*

— Я познакомился с ним при драматических обстоятельствах летом 1923 года. Я уже знал, что Джанданте был художником, делавшим колонтитулы в рекламе подписки на «Ордине нуово». Это были рисунки, состоящие из прямых линий и острых углов, полные движения и силы. О нем, жившем в Милане, я слышал в Москве, когда наша делегация приезжала туда на IV конгресс Коминтерна, от Горелли, который описал мне его как юношу очень порывистого и талантливого, энтузиаста политики и искусства, крайне щедрого человека. Джанданте происходил из богатой семьи и потратил большую часть своих средств на помощь нуждающимся товарищам и на финансирование художественных и политических мероприятий.

Когда в 1923 году меня арестовали, я узнал, что почти одновременно со мной была помещена в тюрьму группа молодежи, подчинявшаяся Джанданте. Эта группа была арестована по обычному обвинению в заговоре, который газеты называли «заговором черных маптий», потому что эти молодые антифашисты собирались в каком-нибудь полуподвале и обсуждали проблемы, не снимая

в целях конспирации черных плащей с балахонами, закрывавшими лицо и имевшими только два больших отверстия на уровне глаз. Это одеяние по замыслу Джанданте имело, конечно, какое-то тайное значение, но я так и не понял, какое. Дело в том, что фашизм очень серьезно воспринял эту вещь, и однажды вся группа во главе с Джанданте была арестована. Именно так мы оказались в одно и то же время в Сан-Вигоре.

До этих пор все протекало нормально по тем временам. Драма наступила потом, в одно воскресное утро. Двери камер уже были приоткрыты, чтобы дать заключенным возможность следить за церковной службой. Я тоже высунул нос в щель приоткрытой двери, не для того, конечно, чтобы возвыситься, а чтобы чуть-чуть подышать воздухом и посмотреть на «вольных», приглашенных на святую мессу. Я видел, как они, испуганные и настороженные, проходили по просторному коридору, по обеим сторонам которого находились приоткрытые двери камер. «Гости» искоса посматривали на двери и с явным ужасом читали на них фамилии заключенных, особенно там, где выделялась исполненная большими буквами надпись: «Особый надзор». Наверняка они думали, что за этими толстыми, зарешеченными дверями притаились в засаде страшные чудовища. Среди них был и я, которому едва исполнилось 23 года, обвиняемый в заговоре против государственной безопасности, и при этом никто не взял на себя труда найти хотя бы малейшее доказательство или видимость доказательства моей вины.

Итак, я стоял у приоткрытой двери и вдруг увидел, как от центральной круглой площадки гордо, с высоко поднятой головой идет маленький, худой заключенный, которого держат за руки два надзирателя. Из запястий узника обильно лилась кровь — он казался Христом, идущим на Голгофу.

Вскоре по «тюремному телеграфу», который быстро и точно информировал обо всем, что происходило в тюрьме, я узнал, что это был Джанданте, попытавшийся в камере перерезать себе вены в знак протеста против незаконного ареста и затягивания следствия по его делу и делу его товарищей.

— *После этой драматической встречи ты его больше не видел?*

— Думаю, я его не видел до войны в Испании. Камен (Джулиано Пайетта) ⁸ встретил его в одной из каталонских частей анархистов, где он был рядовым бойцом, не имевшим специального задания, соответствовавшего его способностям и его искусству. Камен привел его ко мне в Генеральный комиссариат Интернациональных бригад, восторженно крича: «Я нашел Джанданте, он будет сражаться вместе с нами, с гарибальдийцами».

Я принял его с большой радостью, напомнил об общем друге Горелли, о встрече в Сан-Витторе. Робко, почти испуганно, он вполголоса отвечал «да» или «нет» на мои вопросы. Сразу же с энтузиазмом он согласился работать со мной в Комиссариате. Он выбрал себе в качестве «студии» каморку под лестницей, но довольно светлую, где он мог запирается и прятаться от любопытных и надоедливых. Мы договорились, что он будет открывать только мне и то только, если узнает по голосу. Он трудился с утра до вечера, искал новые линии, узоры, оттенки. «Я ищу, ищу»,— говорил он на своем артистическом языке, который уже не был ни итальянским, ни испанским, ни французским, а смесью этих трех языков. В столовой Комиссариата, где были сотрудники всех национальностей, Джанданте садился около меня и только со мной изредка перебрасывался односложными словами. Он постоянно избегал более подробных и последовательных разговоров. Джанданте рисовал иллюстрации для наших периодических изданий, делал пропагандистские рисунки редкостной силы, которые мы, снабдив их короткими подписями, размножали в миллионах экземпляров и разбрасывали с самолетов над линией фронта, когда хотели обратиться к нашим бойцам, чтобы поднять их дух перед атакой, или к солдатам противника с призывом переходить в наши ряды.

Нас повезли из Милана в Рим тремя этапами: Генуя, Пиза, Рим. Зима была в самом разгаре, и переезд был очень мучительным. На каждом этапе нас присоединяли к группе из 20—30 уголовников. Наши ободренные чемоданы, которые мы несли в руках, еще сильнее давали чувствовать боль от наручников, тяжесть цепей, неудобство движения такой толпой. На станциях народ с удивлением и немного испуганно смотрел на нас, толпу каторжников, проходивших между двумя шеренгами карабинеров.

Я был одним из самых молодых в колонне, и на мне в основном останавливались сочувствующие взгляды, но я отвечал на них гордо и дерзко. В Риме нас поместили в тюрьму Реджина Чели. Здесь было кое в чем хуже, чем в Сан-Витторе (строже тюремная дисциплина), но кое в чем и лучше: вместо устаревших бойниц у нас теперь были окна, застекленные узкими, наложенными вкривь и вкось полосками стекла. В эти окна и воздух и свет проходили лучше. Если я правильно помню, моя камера находилась в 6-м отделении, на последнем этаже.

В Милане вокруг Сан-Витторе были расположены бастионы, где по вечерам часто пели. Я помню, какие чувства вызывало во мне раздающееся в ночи женское пение. Казалось, ты на мгновение встретился со свободным, живым миром, и вокруг тебя не только стены, окна и голоса заключенных.

— *Не знаю, помнишь ли ты, что и Сильвио Пеллико⁹ в «Моих темницах» пишет о женском пении. Только у него в книге этот эпизод обставлен всеми романтическими деталями (или грешница раскаивается, или какая-то душа поет во искупление). Для тебя же пение и голоса являлись признаком жизни, контактом со свободными людьми. Такова разница в психологии между писателем-романтиком и революционером-руководителем.*

— Условия тюремной жизни в Реджина Чели мне показались значительно лучшими. Из окна моей камеры я видел даже верхушки деревьев на Джаниколо¹⁰. Иногда надо так мало, чтобы порадовать бедную душу заключенного! Ты так далек от живого мира, что любая вещь, напоминающая о жизни, тебя волнует и возбуждает: и вершина далекого дерева, и прохожий, и паук, ползущий по стене, и шершень, гудящий, как далекий самолет, и травинка, пробивающаяся между рамами.

— *Сколько длилось ваше заключение в Реджина Чели?*

— В общей сложности два-три месяца. Мы были освобождены перед политическими выборами 1924 года. Из тюрьмы нас привезли в политический отдел римской квестуры. Тогда начальником этого отдела был Квальотта. Он нас принял ворча и обратился к нам с длинной патерналистской проповедью: «Вы еще дети,— сказал он,— думайте о себе, о своем будущем, а не о полити-

ке». В Риме Квальотту ненавидели все коммунисты и антифашисты. Старые и молодые коммунисты того периода знали его как яркого поклонника фашизма и «Родины», чью судьбу он не отделял от судьбы режима. Но некоторые римские товарищи после Освобождения мне рассказали, что во время Сопrotивления Квальотта не сотрудничал ни с немцами, ни даже с итальянскими фашистами. Мне сказали также, что Квальотта несколько раз делал все возможное, чтобы предупредить о грозящей опасности тех, с кого раньше он особенно не спускал глаз.

— Об этом я не слышал, но знаю, что много раз Квальотта встречал на улицах коммунистов, которых прекрасно знал в лицо, и делал вид, что не заметил их. Если бы он поставил свой опыт на службу немцам, жизнь и судьба многих товарищей сложились бы совершенно по-другому. В общем, он вел двойную игру. Он понял, что фашизм проиграл, и попытался каким-нибудь образом спастись.

— Это злое объяснение. Я предпочитаю верить, что дух Сопrotивления повлиял каким-то образом и на людей, которые, казалось, не знали снисхождения к «подрывным элементам» и к врагам фашизма. Это еще раз доказывает, как глубоко влияли идеи Сопrotивления на души итальянцев.

ГЛАВА VII

КРИЗИС МАТТЕОТТИ

Выборы 1924 года

— Таким образом, вы были освобождены, не удостоившись даже суда?

— Наше освобождение было связано с приближением выборов, назначенных Муссолини на начало 1924 года. Муссолини, захватив власть с помощью насилия и шантажа, столкнулся с политической необходимостью придать своей власти видимость законности и демократии. И он сделал ставку на выборы, хорошо зная, что сможет победить, пустив в ход обман и сквандристское насилие.

Он подготовил выборы, стараясь разобщить все остальные буржуазные группировки. Ватикан был соблазнен первыми обещаниями примирения. В так называемый большой список были включены все главные представители старого политического класса.

Считая все это недостаточным, Муссолини использовал также и нечто вроде мошеннического избирательного закона, идея которого тридцать лет спустя осенила также христианско-демократических и социал-демократических руководителей. По фашистскому закону достаточно было тому или иному списку набрать более 25 процентов голосов, как он получал мажоритарную премию. Согласно закону Шельбы — Де Гаспери¹ для получения «премии» список должен был собрать более 50 процентов голосов (но различные списки могли блокироваться между собой).

Едва придя к власти, Муссолини предпринял ряд мер, чтобы отблагодарить те социальные силы, которые

его поддержали. Он отменил закон о номинальности акций, изменил налоговую систему в пользу вкладчиков капиталов, снизил налоги на кредиты, полученные от банков, и на новые промышленные объекты, ликвидировал все проекты аграрной реформы и так далее.

Естественно, рабочие первыми испытали на себе последствия этих мер. Заработная плата, увеличенная в результате борьбы рабочих в первые послевоенные годы, была сведена теперь к прежнему уровню. То же самое случилось с заработками батраков и доходами мелких земледельцев.

Перед лицом действий Муссолини силы, не связанные с фашизмом, вели дискуссию по важному вопросу: участвовать в выборах или нет. Реформисты выступили за неучастие ввиду отсутствия, как они говорили, каких бы то ни было демократических гарантий. К этому склонялись и максималисты. Компартия дала отпор этим намерениям и поставила социалистических руководителей перед свершившимся фактом, открыто заявив, что коммунистическая партия будет участвовать в выборах.

После этого другим партиям пришлось последовать за нами. Реформисты обвинили нас в том, что мы заставили их принять решение, в правильности которого они не были убеждены.

Они искали соглашения с буржуазными демократическими силами и отвергли предложения коммунистов о едином пролетарском блоке.

— *Как партия пришла к решению участвовать в выборах в то время, когда течение Бордиги, хотя оно и отказалось от абстенционизма, было еще сильным?*

— Решение было принято постановлением руководства. В нем указывалось, что условия, в которых были вынуждены действовать партии, и прежде всего рабочие партии, лишали выборы всякого значения как демократического политического волеизъявления народа.

Несмотря на это, было заявлено, что коммунистическая партия все же примет участие в выборах с тем, чтобы использовать любую возможность для легальной деятельности. Бордига также был согласен с этой линией, но решительно отказался согласиться с выдвижением своей кандидатуры.

Центральный Комитет партии рассматривал тогда участие в выборах как этап и аспект деятельности, ко-

торуую партия вела с целью образования фронта борьбы в защиту экономических и политических интересов трудящихся классов, отрицание которых означало фашизм.

По существу, своим решением Коммунистическая партия Италии сделала значительный шаг в деле достижения единого фронта, за который выступил Интернационал.

Ясно, что, предлагая создание единого пролетарского блока, мы не питали иллюзий относительно возможности участия в нем реформистов. Их целью в тот момент было создание правого альянса с буржуазными силами, а не левого единства с пролетарскими силами. Маттеотти, тогдашний секретарь Унитарной социалистической партии, ответил на наши предложения обвинением нас, коммунистов, в том, что мы разрываем единство рабочих сил, которые все вместе должны были, как он того хотел, образовать блок с буржуазными силами. Это был блок, противоестественный для трудящихся классов и бессильный, учитывая сложившееся соотношение сил и крайнюю слабость рабочего движения. Последнее могло бы войти в этот блок только на условиях полной подчиненности и поэтому играло бы роль левого прикрытия в сущности консервативного курса, представлявшего собой компромисс с фашизмом.

— *Некоторые утверждают, что наши соображения того периода сохраняют силу и сегодня, в любых условиях. Эти люди полагают, что рабочий класс в системе союзов с силами, не носящими строго выраженный классовый характер, будет всегда играть подчиненную роль.*

— Это абсурдное обобщение, к которому часто прибегают некоторые так называемые экстремисты, неспособные конкретно рассматривать различные условия и действовать в них диалектически, уверенно разбираясь в вопросах тактики и четко представляя себе поставленные цели.

Сегодня рабочее и демократическое движение, наша партия достигли такой силы и такой боеспособности, что любая проблема соглашений и союзов может и должна рассматриваться с гораздо большей смелостью. Они уверены в своей способности играть при современных условиях борьбы необходимую и полезную руководящую

роль по отношению к другим социальным слоям и политическим группам.

— *По-твоему, факты говорят о том, что тактика, избранная нашей партией на выборах 1924 года, была правильной?*

— На мой взгляд, правильность этой тактики подтверждается самим исходом выборов. Фашистский большой список, разумеется, получил «премию». Но наша партия оказалась единственной среди оппозиции, которая не потеряла голосов по сравнению с предыдущими выборами 1921 года, проводившимися при Джолитти.

В частности, оказалось правильным выдвинутое нашей партией предложение о создании единого пролетарского фронта, хотя и было ясно, что он недостижим из-за абсолютно отрицательной позиции реформистов. Очевидно, что на эти проблемы тактики парламентской борьбы оказывала воздействие позиция, занятая руководителями различных течений в связи с внутренней борьбой в партии. Велла и Ненни, которые в то время фактически уже руководили ИСП, не захотели войти в пролетарский блок, полностью следуя всей той антиунитарной политике, которую они до этого проводили.

Наша же партия старалась воспользоваться случаем, который предоставили выборы и отказ социалистов от избирательного блока с коммунистами, чтобы ускорить выход «третьеинтернационалистов» из социалистической партии. Предложение об образовании единого рабочего списка привело на деле лишь к совместному списку коммунистов и «третьеинтернационалистов», а также ряда независимых, которые уже действовали в рабочем движении, придерживаясь левых позиций.

— *Конкретно, какие новые силы влились в партию с приходом «третьеинтернационалистов»?*

— Этот приход не изменил партии ни по существу, ни в количественном отношении. Учти, что это решение назревало в течение целого года, года наибольших трудностей в деятельности антифашистов, то есть после прихода к власти Муссолини и начала самых жестоких сквадристских и полицейских репрессий. Однако с «третьеинтернационалистами» пришли в партию такие люди, как Серрати, Маффи, Ди Витторио, Ли

Каузи², Буффони³, Рибольди⁴. Все эти имена придавали авторитет и престиж нашей партии, прежде всего в глазах старых активистов социалистической партии.

Из группы молодых социалистов к нам пришли Новелла⁵, Бози⁶ и другие. Бози после своего перехода в коммунистическую партию был жестоко избит фашистами в Ферраре. При этом, как всегда, он вел себя истинно геройски. Мне поручили установить первые контакты с Новеллой.

Чтобы разыскать его, я пошел к нему домой. Он жил в рабочем квартале в районе Сампьердарена. На просторный двор выходили балконы верхних этажей. Я так хорошо все помню потому, что эта первая встреча произвела на меня довольно большое впечатление. Он встретил меня у дверей своего дома — коренастый, холодный и подозрительный. Я подумал: он не хочет, чтобы родители узнали о моем визите, и был немного ошарашен этим приемом. Ведь я шел к нему с большой радостью, с настроением человека, который идет на встречу с новым другом. А столкнулся со стеной холода. Фразы, которые я мысленно подготовил, чтобы выразить ему удовлетворение — свое и коммунистической молодежной организации — по поводу его вступления в наши ряды, застряли у меня в горле. Я не смог выдавить из себя ни слова и не припомнил ни одной заготовленной мысли.

Но я сознавал значение порученной мне миссии и попытался после его довольно долгого молчания начать хоть какой-то разговор. Время от времени он вставлял «да», «нет», «конечно» — вот максимум, чего мне удалось добиться. Я уходил от него с настроением человека, потерпевшего провал. Сейчас, когда я его хорошо знаю, этот прием мне кажется целиком и полностью соответствующим его темпераменту. Этот жернов перемалывает медленно, но уверенно, как часто говорят товарищи, которые работают с ним. Но попробуй это сказать тому, кто идет — как я тогда — с такой решимостью и с такой верой в свою способность убеждать других.

— *Раз мы начали этот разговор, расскажи мне и о Ди Витторио. Ты должен его хорошо знать, поскольку долго работал с ним в эмиграции во Франции, в Испании и в Италии.*

— Да, я долго работал с ним и имел возможность достаточно хорошо познакомиться с его темпераментом и понять, что это за человек.

Ди Витторио был великим оратором. Он прекрасно понимал настроения трудящихся и бедняков. Когда я общался с ним, мне пришла в голову мысль: чтобы быть хорошим профсоюзным организатором, нужно иметь его темперамент и его сердце. И в период подполья во Франции все, кто приходил к нему, всегда находили у него отклик и понимание, даже люди, которые ничего не заслуживали.

Повторялся знакомый сюжет: мы знали, что в конце всех собраний руководящих органов, в которых он принимал участие, зайдет разговор о товарищах, которые обратились к нему за помощью: просили устроить к кому-нибудь на квартиру, поместить ребенка в больницу, или же нуждались в рекомендации. Он сразу же проникался нуждами товарища, который обращался к нему, его злоключениями и не успокаивался, пока не добивался чего-то для своего «протезе». Таким уж он был. Тот, кто стучался к нему в дверь, был уверен, что всегда найдет у него отклик и сочувствие.

И в семейной жизни его все интересовало: домашнее хозяйство, кухня, дети. Он звонил с собраний, чтобы сообщить, когда он придет и когда надо накрыть стол. Очень часто готовил еду сам, и не только ради того, чтобы помочь жене, у которой было плохое здоровье. Он любил сам приготовить обед.

Я убежден, что нужны именно его темперамент, отзывчивость, чуткость, чтобы поддерживать такие человеческие отношения с массами и вызывать у них горячие проявления симпатии и любви.

— Мне довелось познакомиться с ним после Освобождения. Больше всего и всегда он старался добиваться чего-то такого, что отвечало бы текущим нуждам трудящихся и бедняков.

— Действительно, Ди Витторио был очень внимателен к конкретным делам, считая, что лучше сделать хотя бы немного, чем ничего. Был большим реалистом. Очень полагался на то влияние, которое он мог оказывать на других, даже на противника, с которым вел разговор, ибо верил в справедливость того, что требовал. Он был самоучкой, но борьба и учеба дали ему незауряд-

ную политическую, экономическую и социальную подготовку. Все восхищались им и любили его, потому что ощущали его честность. И даже пафос, с которым Ди Витторно отстаивал любое дело, был проявлением его темперамента. Это был великий товарищ, народный руководитель, боевой, настойчивый и в то же время сговорчивый. Он был страстным спорщиком, но никогда не терял при этом почву под ногами. Можно было не опасаться, что он позволит сбить себя с толку пустыми, необоснованными рассуждениями.

— *Какую ты вел работу после выхода из тюрьмы?*

— Я вновь занял свой пост в руководстве Федерации коммунистической молодежи. У нее было две резиденции: одна руководящая группа находилась в Риме, при руководстве партии, другая — в Милане. Задачей последней было выпускать «Авангард», куртировать молодежные организации Севера, которые составляли большую часть Федерации. Меня направили в Милан, поручив мне руководить «Авангардом» и организационной работой на Севере.

Конференция в Комо

— *После выборов состоялась конференция в Комо, в которой ты участвовал как представитель группы Бордиги. По какому принципу выбирались делегаты на эту конференцию?*

— В ней участвовали межобластные представители, определенное число федеральных секретарей, членов ЦК и представитель Федерации коммунистической молодежи, которым был я. На конференции в Комо было представлено три доклада: один — «центром», другой — «левыми» и третий — правыми. Доклад «центра» был написан Тольятти, доклад «левых» — Бордигой, а правых — Таской.

Во всех докладах, за исключением доклада Тольятти, характеризовалось прошлое. Бордига его восхвалял, Таска — осуждал.

В докладе «центра» частично оправдывалась и защищалась прошлая деятельность, и на основе этого опыта были поставлены задачи на будущее. На конференции присутствовал Грамши. Мне кажется, что он за несколь-

ко дней до этого вернулся из Вены. Будучи избранным в депутаты, он пользовался так называемой парламентской неприкосновенностью.

Конференция состоялась в Пьян дей Резинеллп, который возвышался на территории, с одной стороны которой располагался Лекко, а с другой — Комо. У начала этого участка между Комо и Лекко тогда проходила Северо-Миланская железная дорога.

В эту местность приезжали многочисленные воскресные экскурсии. Здесь находилась также Капанна Мара, которая была затем, в течение многих лет, местом наших нелегальных заседаний и собраний. Мы, молодежь, организовали здесь пятнадцатидневную учебу. В годы Сопротивления этот район стал уже одним из первых сборных пунктов партизан. Оба эти городка тесно связаны с годами нашей подпольной деятельности. Здесь же умер Серрати во время подпольного заседания ЦК партии.

— *Эти зоны характерны для описаний Мандзони? рукав озера, расположенный на востоке, это именно тот, который «поворачивает на юг», «течением и формой напоминая реку», и заканчивается в Лекко.*

— Совершенно верно. На конференции в Комо партий уже руководили Грамши, Тольятти и Скоччимарро. Они оказались в меньшинстве, получив совсем мало голосов. Таска получил шесть голосов. Значительное большинство участников конференции еще поддерживали Бордигу. Но организационных последствий это не имело, поскольку конференция была только консультативной и «левые» деятели не были намерены брать на себя руководство партией, поскольку, как мы уже сказали, они не собирались следовать линии Интернационала.

— *За кого ты голосовал на конференции?*

— Я голосовал за доклад «левых», в соответствии с ориентацией, господствовавшей тогда в Федерации коммунистической молодежи. В период конференции я был еще, по сути дела, бордигианцем. Я и другие товарищи — руководители Федерации молодежи еще во многом не разобрались и были в немалой степени дезориентированы.

На нас все еще оказывали сильное влияние как личность, так и политика Бордиги, хотя мы твердо придерживались решений, принятых IV конгрессом Коминтер-

на. Эти решения предусматривали создание фабрично-заводских ячеек, которые мы только-только начали организовывать, и необходимость объединения между коммунистами и социалистами. Поэтому мы установили первые контакты с молодыми «третьеинтернационалистами», главными представителями которых были тогда Новелла из Генуи и Бози из Феррары.

Должен сказать, что я, в сущности, был бордигианцем вплоть до образования Комитета согласия⁸, незадолго до Лионского съезда. Более того, еще в 1924 году или в начале 1925 года в Неаполе я принял участие в совещании, назначенном Бордигой, которое было явно групповым совещанием, даже если оно и не пришло ни к каким организационным решениям фракционистского характера.

По правде говоря, в то время я уже чувствовал политические затруднения. Они были вызваны у меня привязанностью к определенной группе, которая формировалась в течение всех лет борьбы между группами внутри партии. Я чувствовал, что эта привязанность немало связывала и ограничивала мою свободу мнений и выражения собственных идей. Короче говоря, признаю, что я числился бордигианцем дольше, чем я был им на самом деле.

В то время я понял, что подчинение той или иной группе, даже не формальное, связывает тебя и ограничивает твою свободу в оценке различных ситуаций и принятии соответствующих решений. В результате этого опыта я взял себе за правило, которому затем всегда оставался верен, никогда больше не вовлекать себя в групповую деятельность, и тем более во фракционную.

— *Вернемся к конференции в Комо. Какую позицию занял Грамши?*

— Если мне не изменяет память, Грамши по своему обыкновению не очень-то вмешивался в дискуссию. Его деятельность сводилась, прежде всего, к частным беседам, проводившимся маленькими группами. Грамши в тот момент был убежден, что существует верный путь развития для нашей страны, а в международном плане — имеется реальная возможность социалистического развития в СССР и во всем мире. Только тот, кто верил в социализм и в Советский Союз, находил в себе силы, чтобы бороться с наступлением фашизма.

Если мы мысленно вернемся к тому периоду суровой борьбы и трудной жизни, мы увидим, что все усилия руководителей были всегда направлены на то, чтобы находить положительные явления и подчеркивать их. Источником веры и бодрости служил для них и советский опыт. В письме, написанном профессору Дзино Дзини⁹, можно найти следующую фразу: «Повседневная картина жизни народа России, который создает новую жизнь, новые обычаи, новые отношения, по-новому мыслит и ставит новые проблемы, вселяет в меня больший оптимизм в отношении нашей страны и ее будущего».

Из этих слов ясно, какую роль придавал Грамши Советскому Союзу, его достижениям, даже если с количественной точки зрения они еще были ограниченными.

Во всей нашей политической и пропагандистской деятельности упорно подчеркивались роль рабочего класса в революционном движении и значение присутствия рабочих в партийном руководстве. Это присутствие — источник веры и надежды не только для отдельных людей, но и для всех трудящихся классов и для всего народа. Следует сказать, что именно эта вера, эта надежда постоянно поддерживали нас, прежде всего в мрачные годы фашистской реакции. Они позволили коммунистическому движению преодолевать трудности борьбы и находить новых сторонников, новые кадры, готовые к борьбе и самопожертвованию.

— *Когда Гитлер напал на Советский Союз, никто не испытывал ни малейших сомнений в том, что СССР сумеет победить. Эта наша уверенность могла показаться даже необъяснимой. Помнишь, как победы Германии восхвалялись всей итальянской печатью? Все технические показатели говорили о том, что Гитлер побеждал. Но мы, основываясь только на вере в первое социалистическое государство, считали, что это немислимо.*

— Дело в том, что историческое развитие идет по определенному пути. Когда общество зрелое, когда в нем нарождается что-то новое, тогда намечаются определенные повороты. Естественно, проблема заключается в том, насколько этот поворот может быть ускорен или замедлен организованными действиями людей. К этому обстоятельству народные массы, которые живут в данный период времени, не могут оставаться безразличными.

— Оптимизм ценен, когда он построен не на песке, а на реальной действительности. Я прочел статью, написанную Гриеко в 1936 году, об итальянской молодежи, которая начинала ориентироваться на антифашизм. На основе, видимо, ряда реальных фактов, имевших место в Италии, коммунисты с большим удовлетворением сделали вывод о том, что ориентация молодого поколения будет новой. Эта переориентация, действительно, произошла. Вы, таким образом, увидели в зачатке то, что дало потом плоды. Пессимизм может быть присущ поэтам, творческой интеллигенции и даже разочаровавшимся революционерам, но не активному политическому деятелю.

— В ту эпоху жили ряд доблестных молодых представителей творческой интеллигенции (среди них я вспоминаю Рнетти, Борлетти из Милана, которые погибли в Испании), Моранди¹⁰, Куриэля¹¹. За несколько лет до этого пришли в партию Серени¹², Амендола¹³, Росси-Дориа¹⁴. Все это мы рассматривали не как отдельные лишь случаи, а как проявление новых потребностей и тенденций, которые зарождались среди новых поколений.

В переписке Грамши часто подчеркивается необходимость идейной, политической и организационной связи партии с творческой интеллигенцией. Он всегда лично поддерживал с ней непосредственный контакт. Он думал не об узкополитическом использовании творческой интеллигенции, а о поисках встречи с ней, дискуссий, общих взглядов.

Между тем вспомним, что именно Грамши дал название новой партийной газете «Унита». Она начала выходить перед выборами. В этот период возобновилось издание — два раза в месяц — «Ордине нуово». Под названием газеты «Унита» были написаны слова «ежедневная газета рабочих и крестьян», под названием «Ордине нуово» — «обозрение рабочей политики и культуры». Эти подписи под названием являлись нововведением. Во-первых, поскольку они с большей четкостью определяли социальный характер — рабочий и крестьянский — политики партии. Во-вторых, поскольку они по-своему трактовали знаменитое «21 условие», согласно которым все, и прежде всего печать, должно было выпускаться от имени партии, без соучастия кого бы то ни было¹⁵.

Показательна подпись под названием «Ордине нуово», которая подчеркивает необходимость для пролетариата своей культуры и распространения этой культуры, не замкнутой в схематических и пропагандистских рамках, а открытой для творческих поисков, дискуссий и битвы идей; этот термин не случайно стал названием рубрики в наших газетах и еженедельниках, которая часто подготавливалась Грамши и Тольятти.

— *К сожалению, несмотря на добрые намерения, в этой области мы пока ненамного продвинулись вперед. Фактически мы еще не имеем еженедельника рабочей культуры.*

— По-моему, показателен, причем в отрицательном смысле, тот факт, что при всем богатстве тематики, практических и других вопросов, которые партия разработала в различных областях идейно-политической деятельности, наши товарищи написали еще так мало книг определенной весомости. Однако у меня создалось впечатление, что среди молодых ученых и исследователей есть достаточное число хорошо подготовленных товарищей, и партия должна больше помогать им вносить в национальную и партийную культуру все то, на что они способны.

— *В нашей практике был важный период, сразу же после освобождения страны, когда именно мы, коммунисты, возглавили движение за новую культуру. Ряд концепций, которые сейчас кажутся привычными, были разработаны в то время, в той атмосфере. На мой взгляд, в настоящий момент недостает звена, способного организовать коммунистические или близкие к коммунистам силы творческой интеллигенции. Эту задачу не может решить ни Институт Грамши¹⁶, ни Отдел культуры ЦК.*

Для того, чтобы организовать творческую интеллигенцию, ее работу, совершенно необходимо создать такой орган, который мог бы стимулировать и объединять ее усилия. Партия должна учредить новый орган печати, еженедельник по культуре (типа «Политекнико»¹⁷ или же первых выпусков «Контемпоранео»¹⁸), который выпускался бы новым поколением творческой интеллигенции и освещал проблемы нашей эпохи.

— Нужно было бы собрать группу представителей творческой интеллигенции, подобную той, которая сфор-

мировалась в период Соппротивления. Эта группа подняла бы знамя определенной идейной битвы. Как я уже сказал, среди молодежи, конечно, достаточно таких сил. Нужно было бы дать им то, что объединило бы их, и помогать им действовать творчески и непринужденно, без каких бы то ни было подозрений или благоговейного трепета. Нужны интеллектуальные и политические свободы, чтобы правильно защищать интересы партии, без конформизма или обостренного сектантства.

— Вероятно, сектантство «спускается по веткам». Кроме того, оно является следствием того, как происходило формирование партии, следствием борьбы, которую пришлось вести, когда партийный дух и партийная гордость в течение 20 лет подвергались испытаниям. При этом выработался также определенный комплекс превосходства и замкнутости в себе, что не всегда содействует добрым отношениям с другими силами, с которыми партия желает и может сотрудничать.

— Нужно, однако, признать, что сейчас в партии наблюдаются явления беспечности, которые вызывают озабоченность и нередко возмущают старых товарищей, воспитанных в совсем другой атмосфере, поскольку они чувствуют, что эти явления изменяют тот характер партии, который она имела до сих пор и благодаря которому трудящиеся классы победно завершили столько сражений. Сейчас часто недостает контроля за выполнением принятых решений, соответствия между намерениями и делами.

Кое-что из старого стиля работы следует принять заново, не теряя ничего в живости дискуссии, в живости того вклада, который может исходить из различных кругов наших работников и различных политических, общественных, интеллектуальных сил, которые мы объединяем внутри и вокруг партии. Этот вклад следует поощрять.

Авентинский блок

— Но вернемся к Грамши и его политическим позициям того времени.

— Грамши считал, что было бы серьезной ошибкой не выступить открыто против демократической оппо-

зии конституционных сил, ибо, по его мнению, это означало бы ликвидировать партию, созданную в Ливорно.

Он исходил из того, что тот период продолжал оставаться революционным и первой задачей партии была разработка самостоятельных решений итальянских проблем. Грамши говорил: факт существования крупной оппозиции является положительным. Мы находимся в исторической фазе, когда перспектива социалистического развития остается актуальной и верной, и в момент, когда она станет еще более актуальной, мы должны создать очаги силы и развития самостоятельного рабочего движения.

Борясь с Таской и правыми, Грамши заявлял о необходимости противостоять как в идеологической, так и в политической и организационной сфере нажиму с целью ликвидировать партию. Отражая этот нажим, партия должна была строго сохранять свой классовый характер, характер борца за социализм, который она приобрела, когда была создана в Ливорно.

Известно, как развивались события, когда узнали о смерти Маттеотти. Вся оппозиция, от Народной партии до коммунистов, решила не участвовать больше в работе парламента до тех пор, пока не будет пролит полный свет на события. Муссолини воспользовался этим, чтобы закрыть парламент, который мог стать опасной трибуной, источником трудностей для правительства.

Компартия призвала объявить всеобщую забастовку. Этому воспротивились все другие партии. ВКТ поспешила отговорить свои организации от принятия предложения коммунистов, чтобы не «скомпрометировать», как она заявила, забастовкой борьбу, которую намеревались вести в конституционных парламентских рамках.

С другой стороны, коммунисты, ввиду их организационной слабости, сами не были в состоянии сделать то, что не хотели делать вместе с ними остальные оппозиционные силы. Последних же сдерживала боязнь того, что придется обратиться к массам, что не удастся, после того как начнется движение масс, контролировать и сдерживать это движение.

Авентинский блок¹⁹ надеялся вызвать с помощью волны народного возмущения вмешательство короля,

Ватикана, суда, которые положили бы конец правительству Муссолини. Обольщаясь подобными иллюзиями, оппозиция упустила наиболее благоприятный момент для решительного выступления масс, способного резко изменить ситуацию. Тактика авентинцев вылилась в демонстрацию беспомощности и в полное банкротство.

Поскольку предложение коммунистов о забастовке было отвергнуто, они вышли тогда из оппозиционного комитета, обратились к максималистам и реформистам с призывом обязать своих оппортунистических руководителей порвать с буржуазией и присоединиться к революционному пролетариату, чтобы добиться единства рабочего класса.

Полемика коммунистов оказала определенное воздействие на массы, однако не в такой степени, чтобы могла измениться ориентация какой-либо партии или же образовавшейся коалиции. Коммунистическая партия тогда считала, что единственной серьезной задачей в деятельности партии должна была стать попытка создания прочной классовой оппозиции, четко выраженной как революционная оппозиция. Она решительно выступила против ИСП, ее оппортунизма, ее колебаний, ее подчинений легальной конституционной оппозиции. С четких революционных классовых позиций наша партия развивала свою организацию на производстве, привлекала рабочих, крестьян, молодежь.

Однако лето прошло, но никаких изменений не произошло. Авентинская оппозиция все время надеялась на королевский жест и вела великую баталию в печати, на что Муссолини пренебрежительно ответил, что если оппозиционеры перейдут «от разглагольствований к конкретным действиям, то он тут же превратит их в подстилку для палаток чернорубашечников».

Но и в этой обстановке Грамши на заседании Центрального Комитета утверждал, что «следует занять самостоятельную, независимую позицию, что кризис глубокий и он остается открытым, что без ожесточенной борьбы фашизм не будет побежден». Поэтому он отверг предложение отложить вопрос о забастовке.

Тольятти, возвратившийся из Москвы с V конгресса Коминтерна, настаивал на необходимости для пролетарских партий «не впутываться в бессильный блок оппози-

ционеров». Он отверг предложение социалистов об организационном и окончательном утверждении в стране блока оппозиционных партий, который привел бы только к потере рабочими какой бы то ни было возможности самостоятельных действий.

На следующем заседании ЦК партии Грамши заявил, что именно потому, что «на оппозицию вначале ориентировалось также значительное большинство пролетариата, нашим долгом, как коммунистов, было постараться воспрепятствовать тому, чтобы это положение дел закрепилось навечно».

— *Итак, здесь поставлены различные проблемы. По существу, как отмечает Сприано, здесь еще действует классическая схема коммунистической борьбы, начавшейся повсюду на основе опыта русского Октября: революционный процесс, который должен проходить через размежевание с социал-демократией, более того, через упорнейшую борьбу, чтобы лишить ее и ее буржуазно-демократических «отростков» того влияния, которое они еще оказывают на трудящиеся массы. Но разве эта схема не была пригодной лишь в той мере, в какой действительно можно было осуществить — в течение более или менее короткого срока — революционную альтернативу буржуазно-фашистской диктатуры?*

— По-моему, было бы ошибочным и поверхностным на основе того, что в рассматриваемый период события развивались не по классической схеме коммунистической борьбы, начатой русским Октябрем, делать вывод о несостоятельности схемы. Действительно, революционный процесс в Италии и в других странах развивался не в таком ритме и не в таких формах, которые предсказывались. Но нельзя не отметить, что если иметь в виду более отдаленную перспективу, то даже при более медленном и сложном, менее гладком процессе фашизм и нацизм были разгромлены вооруженной борьбой союзных армий и партизанских частей и участие народов в этой борьбе могло полностью развернуться прежде всего в тех странах, где рабочее и народное движение сумело тем или иным способом освободиться от гегемонии социал-демократии и под руководством коммунистов повести самостоятельную борьбу, не изолированную от борьбы других национальных и антифашистских сил, а связанную с ней.

Именно в том упорстве, с которым Грамши и другие товарищи из руководства партии настаивали тогда на необходимости самостоятельных действий партии, чтобы «не впутываться в бессильный блок оппозиционеров», после того как была отброшена так называемая теория социал-фашизма, я вижу корень унитарной тактики, которая всегда проводилась в Италии коммунистической партией. Очевидно, что порой масштабы развертывания и формы этой тактики не могли не зависеть от влияния, которое имела партия, от положения в ней, от соотношения сил между ней и другими партиями, то есть от тех возможностей, которыми она располагала для сохранения собственного политического облика в блоке различных сил и для проявления в нем своего влияния и руководящей роли.

— *На мой взгляд, это тоже одна из причин, по которым Грамши в тот период настаивал на необходимости деятельности партии на предприятиях и на построении партии по принципу фабрично-заводских ячеек.*

— В докладе ЦК Грамши заявил, что нужно было «вызвать широкое движение на предприятиях, которое могло развиваться до такой степени, что организовались бы городские пролетарские комитеты, избранные непосредственно массами. Эти комитеты в условиях назревавшего социального кризиса явились бы защитниками общих интересов всех трудящихся». И он называл главной задачей партии завоевание большинства трудящихся и коренное преобразование основ демократического государства.

— *В этой установке Грамши ясно отражается идея фабрично-заводских советов группы «Ордине нуово».*

— Следует заметить, что доклад Грамши, когда с ним ознакомился Исполком Коминтерна, вызвал некоторые сомнения и озабоченность. Разве правильно, спрашивал Исполком, переносить огонь на оппозицию? Не идет ли партия к самоизоляции? Есть ли время для широкого партийного строительства? Не проявляется ли в этом у партии обычное доктринерство и увлечение организационными проблемами?

— *Обеспокоенность Коминтерна была полностью обоснованной. Ты сказал, что было правильным защищать классовый характер и самостоятельность партии. Хорошо. Нельзя, однако, также отрицать и то значение,*

которое могло иметь в этой обстановке кризиса фашизма существование также крупной буржуазной оппозиции, способной нарушить единство сил социального консерватизма, которое Муссолини сумел образовать вокруг своего правительства. Суровая полемика по адресу этой оппозиции, отказ от всякого сотрудничества с ней могли привести к недостаточному осознанию рабочим движением одной из задач, связанных с восстановлением его роли и энергии в борьбе. Требование восстановить демократические свободы и прекратить фашистские насилия отвечало задаче рабочего движения вновь обрести полную свободу инициативы и действия.

— Я считаю, что в этих условиях сосуществовали два в одинаковой степени настоятельных, но отчасти противоречивых и нелегко примиримых друг с другом требования, особенно в атмосфере, порожденной предшествующей острой полемикой, а именно: утвердить и усилить классовый характер партии, а также расширить оппозицию фашизму, включив в нее самые широкие слои населения.

В этой связи и выступил Исполком Коминтерна, когда, сославшись на доклад Грамши Центральному Комитету, выразил опасение, что итальянская партия займет позу созерцателя в той фазе, которую Грамши называл «фазой агитации, пропаганды и организации», и указал, что выводом речи Грамши «должно было бы быть то, что партия ставит в качестве своей основной задачи борьбу против фашизма, мобилизацию рабочих и крестьянских масс против нынешнего политического режима в Италии, нажим на оппозиционный блок, чтобы все более толкать его на путь осуществления программы революционными методами».

Однако по ряду причин, среди которых — старая полемика и расколы, рабочая оппозиция, руководимая коммунистами, развивалась в свойственных лишь ей формах и со свойственными лишь ей особенностями и не находила способов связи или совместных действий с легальной конституционной авентинской оппозицией. Впрочем, последняя во главе с социалистами не хотела иметь ничего общего с коммунистами, не хотела и слышать о формах борьбы, свойственных трудящимся классам. Таким образом, в тот момент, когда антифашистское движение с огромным трудом восстанавливало свои силы, борьба

за гегемонию в его рядах оказалась выше, чем неотложные требования взаимосвязи, совместных действий между различными его частями.

— *Аналогичная проблема широкого фронта и в то же время сохранения самостоятельности партии и ее инициативы была поставлена и в ходе Сопrotивления.*

— Да, но следует подчеркнуть, что во время освободительной борьбы прочность нашей партии и соотношение сил между нами и другими антифашистскими партиями были совсем иными, если сравнивать с периодом Авентинского блока. Сравнительный анализ тактики, которой следовали в эти два периода, не может быть правильным без учета этой разницы.

Однако справедливо и то, что в различных условиях партизанской борьбы нам пришлось соразмерять требование самого широкого фронта политических и социальных сил с требованием не отказываться в этом фронте от самостоятельности нашей организации и инициатив, и прежде всего в начальный период, когда во многих составных частях национально-освободительного движения преобладали по отношению к нам тенденции к выжиданию и дискриминации.

Как только начались создание Комитетов национального освобождения, организация партизанских формирований, мы приняли в этом участие. Но для того чтобы преодолеть весь этот бойкот и дискриминации, не отказываясь от унитарных требований и от необходимости оказывать стимулирующие и направляющие действия, которые мы считали необходимыми, мы создали сначала ударные отряды, а затем Гарибальдийские бригады — формирования, с присущими только им характеристиками и со своей собственной организацией, которые являлись в то же время составными частями унитарного партизанского движения.

Когда партизанское движение достигло определенного размаха, а Гарибальдийские формирования достигли такой крепости, что могли сохранить свою самостоятельность, мы сами же предложили перейти к объединению командований в городах, в горных долинах, в зонах. Однако мы всегда возражали против предоставления полноты власти командирам любого ранга. Мы

отстаивали необходимость создания на всех уровнях коллегияльных командований, в которых могли бы участвовать представители партизанских формирований различной ориентации, действовавших в данной зоне.

Что касается Главного командования, то, чтобы избежать его какой бы то ни было партийной окраски, мы согласились, что командующим будет генерал Кадорна²⁰. Однако мы согласились с его назначением только с условием, что ему будут помогать два заместителя командующего — представители наиболее крупных формирований, а именно я от Гарибальдийских бригад Парри²¹ от «Справедливости и свободы»²², и что Маттеи²³, который представлял «Народные бригады», Сильвестри, представитель отрядов Маттеотти²⁴, и Арджентон²⁵, представитель политически не определившихся военных соединений, будут заниматься важными оперативными поручениями в Главном командовании.

— Можно, пожалуй, сделать вывод, что, чем больше партия приобретает характерные политические черты и чем она сильнее, тем шире может стать ее политика единства с другими политическими и социальными силами.

— На мой взгляд, политика и тактика в годы Сопrotивления смогли приобрести такую гибкость, в частности, потому, что партия, согласно указаниям Грамши, стала более боеспособной в политическом отношении и могла, таким образом, решать задачи как текущей борьбы, так и борьбы, рассчитанной на длительный период.

С другой стороны, классовая борьба и деятельность, которую партия проводила в течение всего периода, предшествовавшего Сопrotивлению, свели к минимуму опасность потерять черты коммунистической партии, черты, корни которых вели к «ливорнской партии». Грамши постоянно заботился о сохранении этих черт, однако он очищал ее от всех сектантских извращений и интеллектуалистских схем, свойственных бордигианству.

В период Сопrotивления мы сумели, таким образом, действовать с большой тактической ловкостью, не опасаясь выглядеть не такими, какими мы были в действительности. Такую великую силу и огромные преимущест-

ва получает партия, которая достигает единства на основе правильного курса.

— Вероятно, нет смысла настаивать на этом, поскольку ответ можно получить из того, что ты уже сказал. Но эти проблемы стоит разъяснить до конца. Сейчас некоторые утверждают, что следует повторить в отношении нашей партии ту же операцию, которая была предпринята в 20-е годы в отношении ИСП. Грубо говоря, рассуждают так: обстановка революционная, поскольку рабочий класс проявляет высокую степень боеиспособности, значительные массы средних слоев и интеллигенции придерживаются левой ориентации, правящий класс представляется неспособным решить самые неотложные проблемы, выдвинутые сложившейся обстановкой, само объективное развитие общества требует решений социалистического характера. Единственное препятствие на пути к революции, говорят они,— тот факт, что большинство рабочего класса находится под влиянием ИКП, то есть, как утверждают они, реформистской партии. Поэтому главным противником, которого следует разгромить, чтобы освободить рабочий класс от пут, удерживающих его, является именно коммунистическая партия.

— Абсурдность этого, с позволения сказать, рассуждения бросается в глаза и поражает, что находятся люди, которые, учитывая опыт этих пятидесяти лет, могут произнести такое. Поскольку обстановка революционная, а коммунистическая партия, говорят они, держит в узде рабочий класс, средние слои, левую интеллигенцию, достаточно разгромить коммунистическую партию, чтобы в Италии произошла революция. Для того чтобы «совершить революцию», следует, таким образом, разгромить и расколоть единственную силу, которая по своему духу, опыту, по своей организованности и мощи способна вести рабочий класс, крестьянство, средние слои и вообще всех эксплуатируемых трудящихся в решительное наступление на цитадель эксплуатации и гнета и разрушить ее.

Все это, однако, не просто абсурд. Подобные идеи фактически служат только попыткам сбить с пути и расколоть прогрессивное и революционное движение широких масс, которое именно потому не удастся сдержать классу собственников, что оно является широким, единым и сплоченным.

Согласно этим опереточным революционерам, следовало бы повторить операцию, проведенную пятьдесят лет назад по отношению к ИСП. Как будто эти пятьдесят лет борьбы, опыта, жертв (и каких жертв!) не продемонстрировали ничего иного, как необходимость повторения с самого начала пройденного пути. И не говорится, в какой момент, как и почему, в какой национальной и международной обстановке этот путь должен был бы изменить характерные черты и привести прямо-прямо к революции. Согласно утверждениям этих «теоретиков» (разгромов), все решилось бы с освобождением трудящихся от «пут» коммунистической партии, массы которой в мгновение ока, как будто ничего не произошло, взорвут всю капиталистическую систему, превратят в прах ее орудия гнета: бюрократический аппарат, армию, полицию, оружие, уничтожат ее внутренних и внешних союзников. Печально, что после стольких лет деятельности и борьбы все еще приходится заниматься всяческими авантюристами, которые под видом самых последовательных революционеров фактически создают абсолютнейший вакуум, если вообще не протягивают руку провокаторам и реакционерам.

V конгресс Интернационала

— Странная вещь, которую мы, кажется, уже отметили в одной из предыдущих бесед: крупные международные встречи коммунистических партий приходятся на критические моменты в итальянской обстановке. И поскольку на эти конгрессы всегда отправлялись многочисленные делегации, во время этих событий в Италии всегда ощущалось отсутствие наших крупнейших руководителей. Так было во время II конгресса Интернационала (занятие фабрик), IV конгресса («поход на Рим»), V конгресса (убийство Маттеотти). Кто поехал на этот конгресс?

— Среди прочих на него отправились Тольятти, Бордига и Таска. Грамши остался в Италии. В России уже началась внутрипартийная борьба. На конгрессе наблюдалось формальное совпадение позиций Бордиги и Радека. Бордига подверг резкой критике положения о едином фронте, принятые на IV конгрессе, и приписал им ошиб-

ки, совершенные во время событий 1923 года в Германии²⁶. На Радека была возложена ответственность за ошибки. Он защищал себя, заявляя, что он всего лишь проводил линию IV конгресса.

Разногласия, обнаружившиеся в период между двумя конгрессами, можно в общих чертах изложить следующим образом. Правые течения понимали единый фронт как вопрос, относящийся к верхам. «Левые» течения осуждали эти взгляды и считали возможным осуществление единого фронта только снизу и, в совершенно исключительном порядке, снизу и сверху одновременно. Первые рассматривали возможную промежуточную фазу борьбы за власть как шаг вперед, вторые — как остановку, которую следует избегать.

На V конгрессе еще превалировал революционный путь. Все элементы неопределенности, кризиса в Италии были приведены, чтобы подкрепить этот тезис. В то же время было заявлено, что в Германии силы социал-демократии иссякали, а коммунизм был на подъеме: Коммунистическая партия Германии добилась тогда большого успеха на выборах. Однако Коминтерн вел борьбу на два фронта. В ответ Бордиге, который нападал «слева» на политику единого фронта и рабочего правительства, на конгрессе были приведены ленинские слова: «Для настоящего революционера самой большой опасностью... является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное... Настоящие революционеры погибнут... лишь в том случае... если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»²⁷.

Но чтобы защитить политику и деятельность Коминтерна и оградить их от нападков «слева», пришлось подвергнуть критике главным образом Радека, виновного, как утверждалось, в том, что он в период германского Октября перешел границы дозволенного при проведении в жизнь политики союза с социал-демократией.

Критика Радека действий Коминтерна и его руководства кое в чем приближалась к критике Таски, обращенной против экстремизма Компартии Италии. Но Таска воздержался от подчеркивания этого совпадения и выразил свою полную поддержку точке зрения ЦК русской партии в отношении оппозиции. В этой полемике с Радеком Зиновьев дошел до того, что назвал социал-демократию опорой фашизма.

Как видишь, для V конгресса характерны неопределенность анализа и двойственность в тактике и поставленных целях (наличие или же отсутствие революционной ситуации в Германии, стабилизация или же кризис фашизма). Тактика единого фронта была вновь признана действенной. Однако возникла острая дискуссия по вопросу о том, должна ли она была осуществляться только снизу или же также и сверху, какие меры предосторожности следовало принять, в каких пределах и в какой мере осуществление этой тактики должно было сопровождаться разоблачением социал-демократических руководителей.

— *Какую позицию заняли итальянские делегаты?*

— В действительности, не было общей позиции. Бордига и Таска выступили на конгрессе от собственного имени. Тольятти, выступивший на V конгрессе, также согласился с выступлением Зиновьева, отметив, однако, что оно было в известной степени двусмысленным. Он сказал: «...если ошибкой IV Конгресса была двусмысленная формулировка в сторону правой, то со стороны V Конгресса было бы ошибкой остановиться на двусмысленной формулировке в сторону левой... Если результатом этого Конгресса будет некритическая, поверхностная позиция левой, то Конгресс не сделает ни одного шага вперед... Это не вопрос о словах, а вопрос о различных исторических и политических условиях, которые заставляют нас прибегать к различной тактической линии...

В настоящее время массы не ведут стихийной борьбы за власть. Чтобы направить их на эту борьбу, чтобы поставить вопрос о захвате государственной власти перед решающими слоями пролетариата, а также перед наиболее отсталыми слоями, Коммунистические Партии и Коммунистический Интернационал должны маневрировать. Вот то конкретное значение, которое мы придаем лозунгу рабоче-крестьянского правительства»²⁸. В сущ-

ности, Тольятти поставил методологический вопрос, сделав упор на необходимости превратить коммунистическую партию в массовую партию, партию широких рабочих и крестьянских масс.

— *Какие решения принял V конгресс по итальянскому вопросу?*

— Он принял решение о включении Бордиги и Тольятти в Исполком Коминтерна. Таким образом была сделана попытка втянуть Бордигу в большинство, с целью избежать опасности того, что вокруг Бордиги может образоваться международная оппозиция, более или менее связанная с Троцким. Бордига, со своей стороны, принял свое назначение по совсем иным соображениям — чтобы не порвать все связи с международной организацией. Он ставил перед собой цель — укрепить свою оппозицию внутри КПИ.

Что касается обстановки в Италии, то программа, принятая Коминтерном, не исключала кратковременной стабилизации правительства Муссолини, а также новой волны фашистского террора и даже «внутренней эволюции фашизма к более демократическим формам» и, согласно старой концепции Бордиги, компромисса с партиями буржуазной и реформистской оппозиции. В программе действия КПИ указывалось, что «в период нынешнего кризиса коммунистическая партия, используя все шаги конституционной оппозиции в деле ослабления и поражения фашизма, не должна, однако, довольствоваться ролью крайне левой в оппозиционном блоке; она должна стремиться стать основным ядром, вокруг которого должна создаться классовая оппозиция»²⁹.

В организационном плане «итальянский вопрос» был закрыт комиссией, возглавлявшейся Мануильским, которая исключила «левых» из руководства и утвердила состав руководящих органов партии, где небольшой перевес получили представители «центра» (Грамши, Тольятти, Сколчичмарро). В их состав вошли «третьеинтернационалисты» и правые. Все они были обязаны претворять в жизнь решения Интернационала.

Антипарламент

— *В начале осени кризис, вызванный убийством Маттеотти, достиг мертвой точки.*

— Совершенно верно. Действительно, в то время как Муссолини разглагольствует о стремлении к умеренности и «нормализации», как говорили в то время, фашисты продолжали насилия и бесчинства по отношению к оппозиции, в первую очередь по отношению к коммунистам и трудящимся. Но Авентинская оппозиция не идет дальше газетной кампании по разоблачению фашизма, в ожидании каких-нибудь санкций сверху против Муссолини и его правительства. Однако с этой стороны ничего предпринято не было.

Оппозиция чувствует, что дальше так продолжаться не может, что нужно сделать что-то такое, что отвечало бы надеждам и чаяниям, пробужденным ею самой среди общественности.

Но что? Не забастовку, с самого начала предложенную коммунистами, и не массовые народные действия, чтобы не выйти за легальные конституционные рамки, избранные ею. В октябре коммунисты выдвинули новое предложение: преобразовать Авентинский блок в Антипарламент. Грамши следующим образом обосновывает это предложение на заседании ЦК партии: «Объединение парламентских оппозиционных групп в ассамблею, созданную на базе парламентского устава, в качестве Парламента, противостоящего фашистскому парламенту, имело бы совсем другое значение по сравнению с пассивным неучастием, ибо расширило бы кризис и вновь привело в движение массы, что является важнейшим условием борьбы против фашизма».

Выдвинув это предложение, коммунисты заявили, что на новой ассамблее они выдвинут свою программную платформу, нацеленную на разоружение чернорубашечников, свержение правительства, вооружение пролетариата, создание рабоче-крестьянского правительства.

— *Какова была реакция остальной оппозиции?*

— Авентинские партии полностью отвергли это предложение, в большинстве своем из-за того, что они противились любому предложению, исходившему от коммунистов. Социалисты заявляли, что Авентинский блок — это и есть такой парламент. Это было явной мистифика-

цией. Разумно возразила «Аванти!»: «Разве можно сегодня, учитывая соотношение сил между фашизмом и пролетариатом, подвергать себя риску открытого объявления войны? Пролетариат находится в угнетенном положении, из которого нельзя выйти с помощью болтовни».

Однако предложение коммунистов как раз было направлено на то, чтобы выйти из болтовни, которой увлекалась Авентинская оппозиция (разоблачение фашистских преступлений, проблема морали, ожидание действий сверху). Очевидно, что Антипарламент не мог оставаться самоцелью, напротив, он должен был быть отправным и сборным пунктом для всех массовых народных выступлений, проводимых в стране, целью демократического и парламентского характера, выдвинутой для этой борьбы. В таком толковании это предложение становилось открытым объявлением войны фашизму, заявляла «Аванти!». Конечно, это так. Но, не начав открытое столкновение сил, невозможно было свергнуть фашизм. Из этого убеждения исходило предложение коммунистов об Антипарламенте.

— *Вся партия была согласна с предложением об Антипарламенте?*

— Нет. На этот счет Бордига писал своим друзьям: «Бессмысленно противопоставлять фашистский парламент парламенту оппозиции, который завтра же явится подлинным выразителем интересов капиталистической власти». В этом утверждении ощущается неспособность бордигианцев выдвигать лозунги и цели борьбы в соответствии с их способностью мобилизовать на борьбу и вести эту борьбу в данной обстановке, то есть использовать временные цели для перехода к более передовым целям и формам борьбы.

Для бордигианства подобной проблемы даже не существует, и сама ее постановка уже расценивается им как скатывание к оппортунизму, отказ от более передовых форм борьбы за власть пролетариата. Таким образом, любую цель, которая полностью не совпадает с этой борьбой за власть, следует без колебаний отклонять как «подлинное проявление власти капитала».

— *После отклонения партиями Авентинского блока предложения об Антипарламенте какие были сделаны попытки выйти из этого состояния относительной беспомощности?*

— В то время велась борьба за изменение соотношения сил между нами и другими оппозиционными партиями, с тем чтобы получить большие возможности воздействовать на них и, следовательно, большие возможности для политической инициативы. Кроме того, партия продолжала пропаганду и организационную работу в целях создания рабоче-крестьянских комитетов, стремясь превратить их в организационное средство для осуществления единого фронта и для придания такого автономного характера рабочей оппозиции, который не позволил бы спутать ее с буржуазной оппозицией. Относительно этих комитетов Грамши писал тогда, что они должны были «возникнуть на производстве — на заводах, в лабораториях, на полях, в городских районах, в деревнях — как основа для создания Советов».

Эта организационная работа сопровождалась более интенсивной борьбой за удовлетворение требований трудящихся, материальное положение и условия работы которых значительно ухудшились. Но и в ВКТ коммунистам не удалось создать совместно с социалистами-максималистами общего оппозиционного фронта против реформистских руководителей, проводивших политику выживания. Последние обрушились на коммунистов и подвергали их бойкоту и всевозможной дискриминации в руководящих профсоюзных органах. Параллельно с этой работой на предприятиях партия добилась создания Ассоциации в защиту крестьян. Этим вопросом особенно занимался Джузеппе Ди Витторио.

— Именно в этот момент, как мне кажется, после отклонения оппозицией предложения об Антипарламенте и перед началом работы парламента, наша партия рассматривает проблему возвращения в зал Монтечиторио с целью использования парламентской трибуны для обвинения фашизма и усиления в стране антифашистской борьбы.

— В ноябре 1924 года Тольятти пришел к выводу, что обстановка для деятельности оппозиции ухудшилась. После кризиса Маттеотти обстановка характеризуется непрерывным сдвигом вправо. Надежды Авеитинской оппозиции не оправдались. Впрочем, вера в саму Авеитинскую оппозицию также потерпела провал — и массы стали пассивными. В этих условиях руководители партии полагают, что возвращение коммунистических депу-

татов в парламент для обличения фашизма и для обращения к массам с призывом к организации и борьбе могло бы внести в обстановку новые элементы.

Однако не все коммунистические руководители согласны с этим. Одни считают, что таким образом можно было бы изменить обстановку, другие опасаются, что если возвратятся одни коммунисты, то массы могут неправильно понять наш жест и под воздействием кампании, которую развяжут авентинские партии, посчитать это услугой, оказанной фашизму.

Исполком Коминтерна, ознакомившись с проблемой, порекомендовал не возвращаться в парламент. Но итальянские руководители большинством голосов решают возвратиться в парламент, чтобы не оказаться зажатыми между блоком оппозиции и фашизмом, чтобы укрепить свою независимую позицию и быть третьим фактором в сложившейся обстановке.

На первом заседании парламента в связи с возобновлением его работы от коммунистов участвовал всего лишь один депутат — товарищ Луиджи Репосси. В те дни «Унита» писала крупными буквами на всю страницу: «Освободить антифашистскую энергию, сдерживаемую Авентинским блоком, — это значит устранить последнюю опору, на которой еще держится фашистская диктатура». Авентинская оппозиция резко реагировала на возвращение коммунистов в парламент. «Аванти!» подвергла нас злобным нападкам, назвав это возвращение услугой, оказанной Муссолини.

Наша партия обязалась тогда удвоить свои усилия, чтобы добиться создания снизу широкого фронта антифашистской борьбы. Но социалистическое руководство прибегло к уловкам в Авентинском блоке, в профсоюзах и в стране с тем, чтобы помешать любым формам единства с коммунистами.

В то время фашизм еле-еле преодолевал трудности, с которыми он сталкивался. Однако непрерывные обличения, исходившие от авентинских группировок, не могли ни на йоту изменить сложившуюся ситуацию. Весь старый политический мир пальцем не пошевелил против наступавшей фашистской диктатуры и принял на себя тяжелую ответственность за тот оборот, который припяти события в Италии. «Моральный вопрос», поднятый авентинцами, оказался, таким образом, абсолютно бесплодным.

Коммунисты предсказали тогда новую волну репрессий. Но ни они, ни социалисты, ни оппозиция не имели точного представления о том, что вот-вот должно было произойти.

Между двумя ударами

— *Об этом периоде столкновений, потасовок с фашистами нет ли у тебя каких-либо воспоминаний личного характера?*

— Если у тебя это вызвало интерес, то я его тут же удовлетворю. Летом 1924 года вскоре после убийства Маттеотти у меня произошло новое неприятное столкновение с фашистами. Первое же имело место в Турине в 1921 или 1922 году. Я состоял в охране, которая должна была сопровождать товарища Мизиано в поездке в Турин. В то время фашисты призывали всех «патриотов» ненавидеть и презирать товарища Мизиано, депутата парламента от Турина, поскольку он дезертировал из королевской армии во время мировой войны, а затем принял участие в спартаковском движении в Берлине, во времена Либкнехта и Люксембург. Где бы он ни появлялся или выступал, повсюду против него мобилизовывалась свора псевдопатриотов. Его оскорбляли, оплевывали, старались ударить палкой, бросить в него камень. Полиция бездействовала или же, если вмешивалась, то только для того, чтобы защитить фашистских хулиганов, когда народное возмущение грозило последним уроком, которого они заслуживали.

Партия организовала группы товарищей, которым поручили охранять его. В этот день я был в составе одной из таких групп. Товарищ Мизиано вышел из туринской Палаты труда и должен был направиться в близлежащую гостиницу на улице Чернайя, где он проживал. Едва собравшиеся поблизости фашистские бандиты увидели его, как тотчас же напали на группу людей, сопровождавших Мизиано. Последовало ожесточенное столкновение между нападавшими и охраной товарища депутата. Последнему удалось невредимым добраться до гостиницы. Но схватка продолжалась на улице, били друг друга палками и стреляли из пистолетов. Мирный

прохожий был убит под колоннами портиков. Я отделался несколькими ударами палкой.

Более серьезным было — и еще более серьезным могло быть — происшествие, случившееся со мной в Реджо-Эмилии. Я отправился туда на одно из обычных собраний местной молодежной организации. О приезде было сообщено заранее в письме, направленном секретному адресату, который считался надежным. В нем говорилось, что в такой-то час, в такой-то день приедет товарищ Алерамо (одна из моих боевых кличек) и кто-нибудь должен встретить его на станции. Поезд прибыл в Реджо-Эмилию в назначенный час. Уже темнело. Я направился к выходу вместе с группой из семи-восьми пассажиров, явно местных жителей. И лишь я выделялся среди них. На привокзальной площади ко мне сразу же подошел человек в штатском, который грубым голосом спросил: «Простите, вы господин Алерамо?» Не успел я и рта раскрыть, как тот, который задал вопрос, вырвал у меня из рук портфель, и через мгновение привокзальная площадь уже кишела подозрительными субъектами. Они сбежались со всех сторон, окружили меня, выстроились вдоль улицы. Несколько человек, крепко держа меня за руки, пинками и ударами палкой по голове проталкивали меня вперед.

Вдоль проспекта, который вел от станции, меня провели вот так до городского кладбища. Мы прошли мимо боковой ограды и подошли к задней. Это не сулило мне ничего хорошего. Ночью при лунном свете мне начали задавать вопросы, бить по голове и спине, оскорблять. Они хотели знать, к кому и зачем я шел.

— Ах, ты не хочешь отвечать? Тогда получай, посмотрим, как у тебя развяжется язык!

Вдруг один из них, самый отвратительный из компании, садист, который молчал, но бил жестоко, предложил перейти к более быстрым методам.

— Поупражняемся в стрельбе. У всех нас грязные пистолеты — давайте прочистим их для начала несколькими выстрелами.

Главарь шайки, наверное, секретарь фашистской организации, также строил злую физиономию. Однако, как я сразу же понял, он на самом деле не хотел, чтобы дело дошло до самого худшего (всего за несколько недель до этого был зверски убит Маттеотти). Он старал-

ся убедить меня, чтобы я заговорил, «иначе будет плохо».

— Мы должны пристукнуть его,— говорили отъявленные мерзавцы.

— Ты должен заговорить,— сказал светловолосый довели меня до квестуры. Здесь дела изменились, обратившись в комедию, разыгранную квестором и фашистским секретарем.

Квестор принял нас в огромном помещении. Это был старый монархист: совершенно белые усы на манер короля Умберто³⁰, такие же волосы ежиком. Со мной он сразу же заговорил ворчливым тоном, который мало подходил ему. Он спросил у меня имя и фамилию, место рождения и так далее. Узнав, что я из Фубине Монферрато, он восторженно воскликнул: как же так, из района Казале и коммунист! Кто же тебя заставил стать им, бедный юноша?!

249

жившие школьники, которых поймали на месте преступления, прошептали: «Если вы не хотите, мы тотчас же уйдем». Это трусливое поведение полиции вызвало у меня наибольшее отвращение во всем этом происшествии. Секретарь фашистской организации взялся сам отвести меня в квестуру.

Мы покинули полную света площадь и вышли на темную и узкую улочку, за нами шел хвост — фашисты и любопытные. На каждом перекрестке нас поджидали группы призрачных людей, что не предвещало ничего хорошего. Я ждал, что с минуты на минуту кто-нибудь из них набросится на меня, а остальные вслед за ним. Я бы, конечно, не выбрался оттуда живым. Но судьба довела меня до квестуры. Здесь дела изменились, обратившись в комедию, разыгранную квестором и фашистским секретарем.

Квестор принял нас в огромном помещении. Это был старый монархист: совершенно белые усы на манер короля Умберто³⁰, такие же волосы ежиком. Со мной он сразу же заговорил ворчливым тоном, который мало подходил ему. Он спросил у меня имя и фамилию, место рождения и так далее. Узнав, что я из Фубине Монферрато, он восторженно воскликнул: как же так, из района Казале и коммунист! Кто же тебя заставил стать им, бедный юноша?!

249

В том же духе он продолжал еще довольно долго. Наконец, секретарь фашистской организации, опасаясь, видно, что квестор сильно разволнуется, вмешался в разговор и сказал, что нужно отправить меня в тюрьму, поскольку «массы» на улице возбуждены и он не может отвечать за их спокойствие.

риса убийства Маттеотти, и пригрозил оппозиции «в срок восемь часов полностью прояснить обстановку».

— И он прояснил ее, закрыв подозрительные кружки и клубы, разогнав антифашистские группы, возникшие во время кризиса Маттеотти, усилив давление на коммунистов и вообще на «подрывные элементы», конфискуя и запрещая антифашистские газеты. Я тогда руководил «Авангардом». Если не ошибаюсь, я был первым журналистом, судимым во исполнение декрета о печати, давно подготовленного, но опубликованного незадолго до

250

в портфеле, который у меня вырвали фашисты на станции, была солидная пачка номеров нелегальной газеты молодых коммунистов «Казарма», напечатанной в подпольной типографии. Она предназначалась для антивоенной пропаганды и содержала призыв к солдатам восстать против фашистов. Этого было более чем достаточно, чтобы состряпать шумный процесс и приговорить к нескольким годам тюрьмы. Но фашисты вовсе не заметили этого, они оставили газеты себе и, наверное, сохранили их на память о своих «патриотических подвигах».

Дебаты в партии

— В своей речи 3 января 1925 года Муссолини принял на себя всю ответственность за то, что произошло в период убийства Маттеотти, и пригрозил оппозиции «в срок восемь часов полностью прояснить обстановку».

— И он прояснил ее, закрыв подозрительные кружки и клубы, разогнав антифашистские группы, возникшие во время кризиса Маттеотти, усилив давление на коммунистов и вообще на «подрывные элементы», конфискуя и запрещая антифашистские газеты. Я тогда руководил «Авангардом». Если не ошибаюсь, я был первым журналистом, судимым во исполнение декрета о печати, давно подготовленного, но опубликованного незадолго до

250

суда в «Гадзетта Уффичиале». Я был обвинен в аполонии преступления за опубликование фотографий шести молодых коммунистов, убитых в столкновениях с полицией, с подписями, содержащими похвалу по их адресу. Меня защищал товарищ Буффони, пришедший в партию с «третьеинтернационалистами». Государственный обвинитель, если мне не изменяет память, потребовал для меня шесть месяцев тюрьмы. Суд оказался более мягким: меня приговорили всего лишь к 600 лирам штрафа. Этот результат считался успешным. Он показывал, что в суде были колебания в строгом применении фашистского декрета.

Но фашизм продолжал свои репрессии. В течение всего 1925 года аресты, преследования, процессы, приговоры косили ряды партии, но не остановили ее деятельности. Вся эта деятельность была направлена на создание заводских ячеек, рассматривавшихся как наиболее удобное средство для работы партии в условиях подполья.

В руководящей группе партии по-прежнему преобладало убеждение, что серьезность положения, обострение классовой реакции являлись признаками приближающегося революционного кризиса. Но и перед лицом очевидных признаков усиления фашизма и объединения вокруг него правящих классов, устремления и интересы которых совпадали, руководство продолжало утверждать о существовании у фашизма тенденций к компромиссу с демократическими и социал-демократическими силами.

— *Это объяснялось идеологически предвзятым мнением Бордиги, согласно которому демократический режим наиболее пригоден для защиты классовых интересов буржуазии.*

— Именно в условиях кризиса антифашизма Авентинского блока, выхолащивания антифашистской деятельности ВКТ Грамши делает вывод о необходимости новых институтов, которые оживили бы снизу антифашистскую борьбу. Хотя он и должен был с горечью констатировать, что еще не достигнуты значительные результаты в создании рабоче-крестьянских комитетов.

— *Настойчивость Грамши, с которой он доказывал необходимость прямой органической связи с рабочим классом, отражает не только опыт фабрично-заводских советов, но и требование, чтобы деятельности партии*

были присущи прочная рабочая основа и твердый классовый характер.

— Действительно, именно эти черты станут в будущем определяющими в идеологии партии. Именно они также в сочетании с той деятельностью, которую развернут коммунисты, придадут самобытный облик всему итальянскому Сопротивлению.

В то время как партия борется за расширение своей базы на предприятиях и среди рабочего класса, Грамши уделяет особое внимание небольшим группам («Свободная Италия»³¹, «Сардинская партия действия»³²) и деятелям, которые не входят в Авентинский блок или же вышли из него (Луссу³³, Гобетти³⁴, Мильоли³⁵). В полемике с бордигианцами, которые критиковали это сближение, называя его оппортунистским уклоном, Грамши заявляет: «Когда определенные, пусть даже отдельные элементы демократических или социал-демократических партий склоняются к тактике, намеченной коммунистами, это сближение не может быть случайным и иметь только ограниченное значение».

Это сближение с антифашистскими деятелями левых сил Грамши осуществляет без всяких уступок в том, что касается основных позиций партии. Мильоли он заявляет, что тот должен идти дальше, что недостаточно общих призывов к созданию левых коалиций. Гобетти, который признал необходимость честно бороться за создание единого рабочего фронта, он заявляет, что единственный метод принятия единого рабочего фронта заключается в создании рабоче-крестьянских комитетов.

— *Мне кажется, что в этой позиции отражается также строгая концепция единого фронта, который понимается не только как политическое, но и как организационное принятие выдвинутых нами предложений. Сегодня, если не ошибаюсь, проблемы единства мы ставим менее жестко и прежде всего как совместные действия ради общих целей, при соблюдении политической и организационной самостоятельности каждой партии.*

— Рассматривая тактику и политику того времени, не следует забывать, что на внутреннюю полемику по поводу ориентации и деятельности партии влияла полемика, проходившая в партии большевиков. В самом ЦК, где рассматривалась обстановка, сложившаяся в Италии после третьянварской речи Муссолини, чувствовало-

лось влияние дискуссии в СССР о фракционной деятельности, о позиции Троцкого и по крупным внутренним русским проблемам.

— *Какую позицию занял тогда Исполком Коммунистической партии Италии по русским проблемам?*

— Грамши предложил заявить в резолюции, что взгляды Троцкого и прежде всего его поведение представляют опасность, поскольку отсутствие единства в партии — в стране, в которой существует одна единственная партия, — раскалывает государство. В этом вопросе Грамши провел параллель с позицией Бордиги: «когда наш товарищ, такой, как Бордига, обособляется, рабочие теряют веру в партию, возникают пораженческие настроения». Принятая резолюция критиковала действия Бордиги, называя их недопустимыми и препятствующими большевизации итальянской партии.

В этой обстановке течение Бордиги перешло в контратаку под знаменем демократии в партии и подъема революционной борьбы. Оно обвинило руководящую группу, сформировавшуюся в газете «Ордине нуово», в доктринерстве. Борьба течений в партии обострилась. Бордигианцы перешли к организации групповой и фракционной деятельности.

— *Именно в этой обстановке вы, молодежь, покинули течение Бордиги и постепенно солидаризировались с руководством Грамши, Тольятти, Скоччимарро?*

— Да, но нелегко было оторвать молодежную организацию от бордигианства и перевести ее на платформу действий партии. Борьба за создание фабрично-заводских ячеек, за созыв заводских совещаний, организацию манифестаций молодых крестьян фактически привела нас на платформу, которая во многом совпадала с указаниями партии. Я бы сказал, что мы и молодежные организации уже активно и сознательно включились в эту работу. Но значение, которое имел этот разрыв с теорией Бордиги, не всегда сознавалось товарищами руководителями низовых организаций, даже теми, которые с большой энергией и весьма успешно вели практическую работу.

Конечно, Скоччимарро нетрудно было, когда он принял участие от имени партийного центра в заседании секретариата молодежной федерации, добиться от нас ясного осуждения бордигианства и фракционной деятель-

ности. Однако иначе произошло со мной, когда я отправился в первичные молодежные организации, чтобы объяснить смысл нашей позиции и призвать их к солидарности с секретариатом.

Вспоминаю встречу с Москателли³⁶ и с другим руководителем из Новары на поляне в окрестностях города. Мне не удалось добиться ни малейшего согласия с моими доводами. Встреча с руководителями молодежной организации Бьеллы оказалась для меня еще труднее. Мы были уже давно знакомы друг с другом. Я особо занимался этой организацией, которая у нас входила в число наиболее сильных и боевых. У меня с этими товарищами установилось взаимное уважение и сердечная дружба.

Когда я приехал к ним, они, как обычно, пришли встречать меня на станцию. Но при первой же встрече с ними я сразу понял, что атмосфера, которая установилась между нами, уже не была прежней. На встречу пришли среди прочих Роазио³⁷, Кода³⁸ и ряд отличных и смелых товарищей, которые занимали очень видные посты в партии — в период подполья и в движении Сопротивления. При встрече они едва-едва поздоровались со мной. На их лицах я прочел выражение недружелюбия и почти пренебрежения.

Я понял, что они считали меня «предавшим» идеи, которые так долго мы вместе отстаивали. Мы вышли на пустынную улицу, чтобы найти какое-нибудь местечко, где можно было бы спокойно поговорить, не опасаясь налетов полиции и фашистов. Пока мы шли, мне не удалось завязать никакого разговора. На любую мою попытку мне отвечали сухими «да» или «нет», сопровождаемыми злыми взглядами и подмигиваниями, как бы говорящими: учти, если ты пришел, чтобы обмануть нас, то у тебя ничего не выйдет. Так продолжалось более получаса, которые мне казались вечностью. Я боялся даже, что мне не удастся начать серьезный разговор по вопросу, который нас разделял.

Не знаю, как мне удалось, наконец, сказать: «Думаю, что вы хотели бы узнать, почему секретариат молодежного движения занял позицию, о которой вы знаете». «Конечно», — последовал ответ со стороны Роазио, тонком, означавшим: должны же вы снять с себя вину. Я начал тогда излагать наши соображения, которые, однако, холодно были встречены моими собеседниками.

Разумеется, мне не удалось на той встрече переубедить кого-либо из присутствовавших товарищей, но лед тронулся, контакт был установлен, дискуссия начата.

С немалыми трудностями нам удалось в дальнейшем привлечь на позиции секретариата и товарищей из Бьеллы, тем более, что, когда мы решили провести в конце этого или в начале будущего года наш молодежный съезд, мы поручили его техническую организацию именно этим товарищам, и они прекрасно справились с порученным заданием.

Вот так мы пришли к общенациональному съезду Федерации коммунистической молодежи, который затем вошел в историю как съезд «Дворца колеса», поскольку он проводился на заброшенной развалившейся мельнице, в которую входили сквозь лопасти большого колеса.

Пробуждение молодежи

— В 1925 году фашизм практически полностью ликвидирует свободу печати.

— Действительно, в том году были подвергнуты временному запрету или конфискации не только газеты оппозиционных партий, но и крупнейшие так называемые информационные газеты («Стампа»³⁹, «Коррьере делла Сера»⁴⁰), которые были вынуждены сменить свой тон и руководство. Ватикан отворачивался от Народной партии, и дон Стурцо вынужден эмигрировать. Амендоле⁴¹ еще удастся направить обращение к королю и призвать его к выполнению конституционного долга. Но он ничего не добился: весь Авентинский блок уже рушился под ударами фашизма, которому удастся собрать вокруг себя весь правящий класс.

Экономическая политика фашизма полностью отвечает самым реакционным интересам крупных промышленников. Снова уменьшается реальная заработная плата. Мелкие земледельцы также расплачиваются за фашистскую политику. Государство заботится только о спасении банков, заводов и фабрик, которым угрожает кризис, и содействует происходящему процессу концентрации производства и капитала.

С заключением так называемого пакта дворца Видони⁴² между Конфиндустрией⁴³ и фашистскими органи-

зациями были ликвидированы внутренние комиссии, и нефашистские профсоюзы были лишены какой бы то ни было возможности заключать трудовые соглашения. Однако свою профсоюзную конфедерацию промышленники не трогают. Таким образом исчезают всякие возможности легальной демократической деятельности. Неэффективность авентинской либерально-демократической линии и слабость рабочего и народного антифашистского движения становятся теперь совершенно очевидными. В рядах оппозиционных буржуазных и рабочих партий ощущается необходимость критического пересмотра всей борьбы за массовый характер антифашистского движения. Молодежь всех идейно-политических взглядов разделяет это требование. Молодые коммунисты, в частности, ведут интересную борьбу в этом направлении на предприятиях, в деревне, основой которой послужили встречи и сближение молодых рабочих и крестьян всех политических взглядов.

— *Если мне не изменяет память, ты вел особую работу в этом направлении.*

— В то время я руководил в Милане молодежным еженедельником «Авангард», и в частности работой среди молодежи на Севере. Основными задачами газеты и моей руководящей политической и организационной деятельности являлось создание молодежных коммунистических ячеек на предприятиях, анализ экономических требований, на базе которых можно было бы организовать выступления и массовую борьбу только молодежи или же, когда это возможно, молодежи и взрослых.

В этом анализе мы вскрыли и разработали проблему учеников и подмастерьев на заводах, небольших предприятиях и в ремесленных мастерских, проблему организации труда молодежи, проблему необходимости профессиональных училищ и вечерних курсов для молодых рабочих. Все это вопросы, которыми уже занимался «Воце делла джовенту», после того как «Авангард» был запрещен в 1923 году.

При этом анализе проблем молодежного движения мы обнаружили категории молодежи, которые играли большую роль на ряде промышленных предприятий и которые до того упустило или почти упустило из виду молодежное движение. Например, «засыпщики шихты» в стекольной промышленности и «сновальщики» в текстильной промышленности.

Я сам побывал на ряде собраний «засыпщиков шихты» и «снвальщиков». Этим двум категориям молодежи было уделено такое внимание в нашей агитационной работе, что потом оказалось нетрудным организовать заводские конференции их представителей с эффективным участием молодых коммунистов, социалистов, католиков и молодежи, политическая принадлежность которой не определилась. Эти конференции, в основу которых был положен принцип единства, часто заканчивались созданием молодежных комитетов и объединенных комитетов борьбы молодежи и взрослых.

Когда эта работа получила определенное развитие, нам удалось организовать в Милане общенациональную конференцию молодых рабочих разных категорий. К сожалению, на второй день работы конференции нагрянула полиция, которая захватила всех ее участников — около 30 человек и отправила их домой с подпиской о невыезде.

Мы подумывали об организации на основе такого заводского опыта чего-то подобного и для молодых крестьян. Я понимал важность в целях пропаганды среди молодежи и ее мобилизации постановки четких организационных задач в работе и выдвинул поэтому идею организации «воскресенья молодого крестьянина» для каждой зоны, в воскресные дни, наиболее удобные для данной местности.

На базе этой работы среди молодых рабочих и крестьян мы пришли к созданию единых органов, перед которыми мы поставили политические задачи борьбы против фашизма, за демократические свободы, борьбы в защиту Советского Союза, за направление молодежных делегаций в Россию. Так нам удалось установить связь с молодыми социалистами, католиками. Эти молодые трудящиеся затем вошли в партию или же, в период Сопротивления, в партизанские формирования, в которых они занимали важнейшие посты.

Так сблизился с нашей партией Нино Наннети⁴⁴. Он посетил в составе молодежной делегации Советский Союз, а с 1936 года участвовал в войне в Испании, где и погиб при обороне Бильбао в чине генерала, командира дивизии испанской армии.

В то время новый подъем антифашистской борьбы наблюдался не только на предприятиях, но и в учебных

заведениях, среди молодой интеллигенции, наиболее последовательных демократов. Именно тогда сделали свои первые шаги в области политической деятельности Росселли ⁴⁵, Бассо ⁴⁶, Росси ⁴⁷, новое поколение молодых ученых (Амендола, Серени, Росси-Дориа) сблизилось с коммунистическими идеями, а новые молодые кадры (Пайетта ⁴⁸, Спано, Гини ⁴⁹, Вайя ⁵⁰) помогли развить подпольную деятельность партии.

Развертывая массовую деятельность, партия расширяет и уточняет свои политические позиции, определяет ведущие силы революции. Грамши видит в крестьянстве и в южном вопросе ⁵¹ одну из основных проблем итальянской революции, а в гегемонии, которую рабочий класс должен завоевать в союзе с другими политическими и социальными силами,— решающую задачу, которую должна поставить перед собой партия в своем политическом курсе и практической деятельности.

Однако в то время коммунисты не учли, как отметит Тольятти спустя сорок лет, особенность битвы, которую им пришлось вести и в которой требование демократии должно было рассматриваться как основа антифашистского движения. Правильными были принципиальная позиция о классовом характере фашизма и определение «в историческом антагонисте капитализма, которым является рабочий класс, силы, способной бороться с тиранией, дать ей отпор и свергнуть ее». «Сейчас может показаться ошибочным, прямолинейным утверждение, что после фашистской тирании не должен последовать другой режим, который не будет выражением власти рабочего класса и народа». Однако, продолжал Тольятти, «эта твердость помогла подчеркнуть одно обстоятельство, подтвержденное самой жизнью,— что рабочий класс должен был стоять во главе антифашистской борьбы».

После того как Авентинскому блоку было предложено превратиться в Антипарламент, партия обратилась затем лишь к части Авентинского блока, к партиям, которые заявляли о своей связи с трудящимися классами (Итальянской социалистической партии, Унитарной социалистической партии, Итальянской республиканской партии ⁵², Сардинской партии действия), призвав их провести общее совещание, чтобы сообща разработать новые тактические установки и план совместных действий «с целью учреждения республиканской ассамблеи,

которая возникла бы на базе рабоче-крестьянских комитетов и организовала все антифашистские и антимоноархистские силы».

Авентинские левые силы опять дали отрицательный ответ. Как ты видишь, это предложение также основывалось на линии единого фронта, организуемого снизу, к которому, кстати, итальянскую партию побуждал Коминтерн, рекомендовавший ЦК «обратить особое внимание на разоблачение саботажа единого фронта со стороны социалистов».

Во второй половине 1925 года наступил и организационный конец Авентинского блока. Сначала из него выходит социалистическая партия. Ненни вынужден признать, что «соглашение с буржуазией еще раз провалилось». Затем из него выходит республиканская партия. Относительно позиции социалистов коммунистическая партия отмечает, что максимализм противопоставляет Авентинскому блоку лишь «более непримиримую фразеологию», что его демагогия увековечивает пассивность, характерную для прошлого, и что он делает все, чтобы «воспрепятствовать созданию пролетарского оппозиционного блока с коммунистами».

Тем временем организационная прочность партии подвергается суровой проверке. После освобождения по амнистии Тольятти был арестован Террачини в партийном помещении, где полиция конфисковала множество документов. Аресты следуют один за другим, коснувшись всех организационных уровней партии. Удар, нанесенный профсоюзной организации, практически воспрепятствовал какой-либо организационной деятельности и борьбе за удовлетворение экономических требований трудящихся. Однако, несмотря на все это, продолжали считать, что революционное движение вновь активизируется, стабилизация капитализма более чем относительная и задача партии заключается в том, чтобы «организовать рабочих Севера и крестьян Юга и укрепить их революционный союз». В этой перспективе бедные крестьяне Севера и Юга рассматривались не только как союзники рабочих, но и как ведущая и решающая сила итальянской революции.

Однако «итальянский трудящийся класс находится сейчас в столь подавленном состоянии, что невозможны какие-либо действия, которые пошли бы ему на поль-

зу»,— пишет Серрати 14 октября. Происходит несколько манифестаций против ликвидации внутренних комиссий и против новых профсоюзных законов. Сила рабочего класса и масштабы его борьбы значительно уменьшились. Д'Арагона решил даже примкнуть к фашизму. Его сменяет в руководстве Бруно Буоцци, который воспротивился ликвидации ВКТ. Однако кадры Конфедерации сократились до минимума. Трудящиеся отказывались от профсоюзных билетов.

Коммунисты продолжают борьбу на предприятиях за укрепление на производстве профсоюзной организации и усиление ее деятельности. «Профсоюзная работа» становится главной, более того, «единственной повседневной политической работой наших профсоюзных секций», заявляет Грамши, выражая надежду, что «профсоюзное движение возродится под нашим контролем».

Однако на предприятиях при существовании такого множества организационных форм, которые рекомендует партия и над созданием которых она работает,— партийные ячейки, агитационные комитеты, заводские конференции, рабоче-крестьянские комитеты антифашистской борьбы, комитеты по защите профсоюзов, подлинно профсоюзные органы — трудно координировать их деятельность. Принимая во внимание такую множественность и наложение фабрично-заводских органов, Исполнительный Комитет Интернационала предупреждает, что «такое множество органов не должно явиться предлогом для отказа от профсоюзной работы и от защиты рабочих организаций».

ГЛАВА VIII

ЛИОНСКИЙ ПОВОРОТ

Предсъездовская дискуссия

— *Как раз в этот период Бордига создает единую фракцию, образовав свой знаменитый Комитет согласия. Как на это реагировала партия?*

— Момент, выбранный для фракционного выступления, не мог быть хуже. Перед лицом фашистских насилий и полицейских преследований ощущалась острейшая необходимость единства и взаимного доверия. Создание же фракции вело к расколу и междоусобной борьбе, которая не могла не ослабить боеспособности партии.

Осознание этой опасности рассеяло у многих последние сомнения относительно правильности политической линии, проводившейся «центром». Так произошло немедленное и коренное изменение в соотношении сил между партийными течениями. Годом раньше, на конференции в Комо, значительное большинство ее участников еще поддерживало Бордигу. После создания Комитета согласия Грамши смог написать жене: «На съезде мы получим подавляющее большинство», «экстремистское течение распалось, и большинство его ответственных деятелей поддержали позиции Интернационала».

— *Но не кажется ли все же тебе, что этот переход был слишком быстрым и повальным, чтобы казаться естественным и происшедшим без соответствующего давления?*

— Это обвинение, которое «левые» бордигианцы бросили партийному руководству, чтобы оспорить результаты провинциальных партийных конференций, а затем и самого Лионского съезда. Но изменения в ориентации

объясняются объективными условиями борьбы, которые делали для всех очевидной опасность фракционной борьбы. Многие факторы, конечно, содействовали тому, что эти изменения стали возможными: опыт авентинского периода, когда партия сумела сохранить свою самостоятельность действий, не изолируясь от масс; деятельность, начатая на предприятиях в защиту неотложных требований трудящихся; реорганизация партии на базе фабрично-заводских ячеек; привлечение к линии руководства большего числа товарищей; усиление аппарата путем увеличения числа партийных работников, профессиональных революционеров, которые оказывают постоянную помощь первичным организациям, — все это помогало ликвидировать прорывы всякий раз, когда они возникали вследствие арестов.

Я не думаю, что это будет преувеличением, вызванным чувствами патриотизма к своей организации, если подчеркну то значение, которое имела в то крайне суровое время деятельность Федерации коммунистической молодежи, направленная на защиту и реорганизацию партии. Реакция наносила удары в первую очередь по известным кадрам, которые в течение многих лет находились в гуще борьбы. Молодые кадры их заменяли часто и успешно, поскольку их значительная часть была еще незнакома полиции, а руководство молодежной федерации побуждало их осуществлять новый курс.

— Предсъездовская дискуссия оказалась ограниченной или же была обусловлена дисциплинарными нормами, установленными с самого начала руководством, чтобы пресечь в зародыше организацию бордигианской фракции?

— Я бы не сказал этого. Во-первых, свобода дискуссии была формально гарантирована ЦК партии и Президиумом Исполкома Интернационала после роспуска Комитета согласия. Получив заявление о роспуске комитета, руководство партии отменило дисциплинарные санкции против его организаторов, поставив их, таким образом, «в равные условия с другими членами партии» в «открытой дискуссии». Обязанные отказаться от всякого фракционного объединения деятели и представители крайне «левых» бордигианцев смогли принять широкое участие в дискуссии — в печати, на партийных собраниях — и разъяснять и защищать свою точку зрения.

— *Каковы были основные темы предсъездовской дискуссии?*

— Разумеется, вследствие создания Комитета согласия значительное место в дискуссии занимали проблемы, относящиеся к концепции партии, к ее природе и структуре, к ее международным связям и внутренней дисциплине. По всем этим вопросам представители «левых» повторили все концепции Бордиги, которые мы уже рассматривали: против большевизации и деления партии на фабрично-заводские ячейки.

В отношении концепции партии представители «левых» еще выдвигали старый бордигианский тезис, согласно которому партия — это классовый орган, «который синтезирует и объединяет индивидуальные устремления, выходящие за рамки особых категорий, и который способен собрать воедино представителей различных категорий пролетариата, крестьянства, выходцев из буржуазных классов» и так далее.

— *В этой концепции «левых» ощущается явное противоречие между притязанием на право быть самым классовым и самым левым течением в рабочем движении и идеей партии, лишенной всякой органической связи с рабочим классом, партии, которая считает себя «синтезом» элементов, собранных из различных категорий — от пролетариев до выходцев из буржуазных классов — попросту на основе принятия программы, классовый характер которой обеспечивается и отстаивается неизвестно как и кем.*

— Я бы сказал, что концепция партии, выдвинутая «левыми», — это просветительская концепция, классовая природа которой якобы гарантируется абстрактно установленным комплексом принципов и норм, причем установленным раз и навсегда просвещенными создателями и руководителями. Отсюда вытекает схематическая концепция организации и тактики партии, присущая бордигианству, созданная с целью спасти от всяких извращений и уклонов партию, которая поэтому считается чистой от рождения.

Можно сказать, что именно весь этот комплекс принципов и норм, изобретенных ради сохранения чистоты партии, на самом деле служит только для того, чтобы держать ее подальше от действительности, находящейся в непрерывном движении и поэтому всегда коварной и

порождающей извращенность и рассматриваемой точно так же, как земная действительность, католиками.

Диаметрально противоположна концепция партии, которая в ходе дискуссии на съезде была разработана и развита Грамши и другими товарищами из руководства. Никакой метафизики, никакого просветительства, никаких высокомерных заявлений о вечной монополии на подлинную истину, а динамичная концепция, тесно связанная с действительностью и историей, концепция партии, понимаемой не как орган на службе рабочего движения, а как часть рабочего класса, его органическое выражение, действующая в нем и с ним, чтобы воздействовать на действительность и на ориентацию всех находящихся в движении политических и социальных сил. Это концепция рабочего класса, формы организации и эволюции которого не могут рассматриваться в отрыве от развития производственных и общественных отношений. Как видишь, с одной стороны,— концепция, полная абстрактности и схематизма, вечная «истина», с другой стороны,— совершенно конкретная, гибкая истина, которую следует завоевывать и постоянно проверять.

— Ты выступал во время предсъездовской дискуссии?

— Я выступил в «Унита», в рубрике «Трибуна съезда», и в «Авангарде» со статьями, посвященными, прежде всего, нашей работе по созданию фабрично-заводских ячеек, а также по созыву конференций молодых рабочих и молодых крестьян. В одной из статей того времени я так охарактеризовал бордигианскую концепцию отношений между партией и массами: «Согласно Бордиге,— заявил я,— все силы, полезные делу революции, находятся уже в партии. Любая попытка найти союзников вне партии представляет собой уклон, неоправданный компромисс. Согласно Бордиге, все революционные возможности заключены в коммунистической партии. Согласно же ленинизму они вытекают из внутренних потрясений капитализма, из борьбы против империализма, в которую вовлекаются средние слои, и, разумеется, в наибольшей мере, из боеспособности партии подлинно революционного класса — пролетариата».

— Что было еще внесено на съезде в разработку вопроса о природе партии?

— Ты знаешь, что группу «Ордине нуово» часто обвиняли в «волюнтаризме» и «бергсонизме»¹. В предсъез-

довской дискуссии Тольятти открыто отстаивал «волюнтаризм» ординувистов, то есть ценность, как отмечает Сприано, элемента воли, который влияет на исторический процесс вообще и на революционный процесс в частности. Иными словами, он отстаивал задачу партии бороться за изменение соотношения сил, находящихся в движении.

Серрати, выступая на съезде, дал общее определение партии, заслуживающее быть отмеченным: «Партия — это не только отражение абстрактного единства или же доктрины, это следствие. Наша коммунистическая партия — это не плод идей Бордиги. Это также следствие всей деятельности и всей предыдущей борьбы итальянского и международного пролетариата». В том же своем выступлении Серрати точно определил задачу партии после Ливорно: «Она заключалась в том,— сказал он,— чтобы объединить единой концепцией все течения, которые она была вынуждена по соображениям, связанным с ее существованием, принять в свои ряды».

— Вокруг каких документов развернулась дискуссия на съезде в Лионе?

— «Левые» представили в первых числах января проект тезисов, которые отчасти развивали пункты, уже содержащиеся в платформе Комитета согласия, опубликованной за шесть месяцев до этого. «Центр» опубликовал в октябре — ноябре серию тезисов: по международной обстановке, по национальному и колониальному вопросу, по сельскохозяйственному вопросу, по профсоюзным проблемам, по итальянской обстановке и большевизации КПИ. Наиболее важными были последние, которые излагали главные пункты других документов и являлись итогом всех теоретических исследований в области политики и экономики, проводившихся по инициативе Грамши. Они были написаны Грамши и Тольятти, но можно сказать, что все документы разрабатывались коллективно руководящей группой партии.

— Помимо того, что уже отмечено, что еще вызывало наибольшие споры между «левыми» и руководством?

— В своих документах и выступлениях представители «левых», подчеркнув то, что вызывало постоянные разногласия, подвергли острым нападкам «тактические соображения», конъюнктурщину, которыми, по их словам, была пронизана деятельность руководящей группы.

Бордига находил в предложении об Антипарламенте «неприкрытый демократический привкус в духе Каваллотти² — Савонаролы», который нарушал не только «тактические нормы, но и сами наши принципы». Кроме того, он снова утверждал, что в фашизме и в общем контрнаступлении буржуазии следовало видеть не «изменение пути итальянского государства, а естественное продолжение метода, применявшегося демократией до и после войны».

Куда более глубоким, конкретным и всесторонним был анализ обстановки, содержащийся в тезисах руководства партии. Оценка фашизма основывалась на послевоенном кризисе, на провале как реформистского решения, которое пытались осуществить руководящие классы, так и революционного решения, потерпевшего поражение из-за политических, организационных, тактических и стратегических недостатков в деятельности партии трудящихся.

Грамши отвергал бордигианский взгляд на фашизм как на однородное самовыражение всего господствующего класса. Он различал два периода в наступлении фашизма. Первый — штурм государства в противовес старым правящим кругам. Второй — после завоевания власти и распада старых политических реформистских и консервативных групп — органического единства буржуазии с фашизмом в целях превращения существующего режима в «орудие промышленной и аграрной олигархии в целях сосредоточения в руках капитализма контроля над всеми богатствами страны».

В анализе, сделанном Грамши, есть еще одно замечание, которое следует подчеркнуть. Оно сводится к следующему. Фашизм, все более приобретая характер орудия плутократии, орудия грабежа национальных богатств, искал за пределами национальной арены то, что могло бы содействовать решению кризиса итальянского общества, и демонстрировал явную склонность к провокациям и агрессивность, подавляя методом насилия движение трудящихся. В этой характеристике режима уже есть все главные элементы, которые затем войдут в более общее определение фашизма: открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала.

— Как оценили тогда текущий период?

— Как период подготовки революции. Однако уточнялось также, что «за периодом подготовки революции последует «непосредственно» революционный период, когда промышленный и сельскохозяйственный пролетариат Севера сумеет обрести, в силу объективного развития обстановки и через ряд сражений за удовлетворение своих особых и насущных требований, высокую ступень организации и боеспособности».

— Но когда делались эти заявления, рабочее движение было еще довольно далеко от подлинного периода ярости и революционной организованности.

— Из-за этого разрыва между общими установками и реальными возможностями все тактические и перспективные проблемы, поставленные на съезде, имели на деле скорее пропагандистское значение и служили больше как общие ориентиры, чем как конкретные указания для текущей и ближайшей деятельности, способные, действительно, подготовить революционную ситуацию. Это замечание относится прежде всего к тем документам съезда, в которых отрицается, что можно освободиться от фашизма путем либерально-демократических преобразований, и указывается, что революция может быть только социалистической, а гражданская война называется единственно возможным завершением борьбы.

— Естественно, в этих условиях Авентинская оппозиция рассматривалась как очередное препятствие для подготовки к революции, и ее устранение считалось необходимым предварительным условием и для этой подготовки.

— В Лионе была разрушена бордигианская схема, не позволявшая сообразовываться с обстановкой и не допускавшая тактической гибкости. Единый фронт, рабоче-крестьянское правительство, выдвижение промежуточных решений и агитация за них уже одобрены, но еще не признаны как цели, для борьбы за реализацию которых необходим самый широкий фронт сил. Достижение этих целей могло бы привести к завоеванию новых позиций власти, которые, в свою очередь, стали бы отправным пунктом для дальнейшего продвижения вперед, для решения наиболее важных задач.

В решениях Лионского съезда еще в значительной мере преобладают революционный оптимизм и дух реше-

ний V конгресса Коминтерна, в которых промежуточные лозунги и единый фронт рассматриваются как специфические формы борьбы против так называемых демократических партий. Не случайно понадобится еще 10 лет, еще много практического опыта, чтобы подойти к VII конгрессу Коминтерна, на котором все эти проблемы будут рассмотрены по-новому, менее схематично, более реалистично и конструктивно.

Лионский съезд

— *Кто представлял на Лионском съезде Федерацию коммунистической молодежи?*

— Я. Мне вовсе не пришлось стараться, чтобы быть удостоенным этой чести. Никто не стремился встретиться с Бордигой, опасаясь его упреков и сарказмов по поводу того, что его покинули. Я был главным виновником этого изменившегося положения. Я принял деятельное участие в предсъездовской дискуссии, и было естественно и правильно, что именно я отправился на съезд партии высказать соображения молодежи. Никаких сомнений насчет этого не было.

Так я отправился в Лион в качестве делегата Федерации коммунистической молодежи через Швейцарию, чтобы не попасть в Турин и пограничное местечко Модане, где я мог встретить какого-нибудь знающего меня полицейского. Паспорт поддельный, имя чужое. Однако на съезде я встретил одного делегата (товарища Флеккью из Бьеллы), имевшего паспорт на имя некоего Витторио Лонго. Паспорт был законным, то есть выдан по всем правилам полицейским управлением королевства. Однако фотографию законного владельца заменили фотографией Флеккьи.

В Лионе организаторами съезда были ряд товарищей, эмигрировавших сюда: прежде всего, Коломби³ и Битосси⁴. Помогали, когда это было нужно, многие товарищи, которых я знал еще по Турину. Они провожали делегатов до места заседаний, принимали тех, которым было нецелесообразно поселиться в гостиницах или пансионатах. На них лежала забота о делегатах, которые выехали из дому, не зная как следует, куда они направляются. Путешествуя в течение целой недели от дома,

где я остановился, до места заседаний и обратно, я сумел познакомиться с городом, прежде всего с его окраинами, где по большей части предпочитали проводить заседания, считая, что там удобнее скрываться от полиции и фашистских шпионов. Погода была холодная, сырая. Вокруг серо, мрачно. Жилища были такими же, как в крупных промышленных центрах. Они опоясывали далеко не элегантные улицы, посреди которых проходили старые и грохочущие трамваи, не улучшавшие общего впечатления. Единственным утешением для меня были встречи со старыми туринскими знакомыми, товарищами, которые участвовали в занятии фабрик и в первых боевых антифашистских отрядах.

— *Какова была атмосфера съезда, какими были отношения между членами партии той и другой ориентации?*

— Атмосфера была хорошей. Конечно, каждый защищал свои аргументы горячо и упорно, но без личных выпадов и, я сказал бы, при взаимном уважении, несмотря на тяжесть взаимных политических обвинений. Мне самому ничто не помешало сердечно беседовать с Бордигой. То же самое можно сказать и о товарищах.

— *Как бы ты обосновал новую ориентацию Федерации молодежи?*

— Сприано в своей «Истории Итальянской коммунистической партии» приводит выдержку из моего выступления на съезде, в которой, как я полагаю, весьма точно излагается занятая позиция. Из этой выдержки явствует, что я старался подчеркнуть разрыв между заявлениями «левых» и результатами политики. Как я отметил, «левые» всегда говорили, что массы можно будет завоевывать даже спустя длительное время, главное, чтобы партия сумела строго сохранять в целостности свой революционный характер. «Левые» руководили партией в героической борьбе против фашизма и вписали в ее историю действительно прекрасные страницы. Но сумели ли они конкретно поставить перед собой политическую проблему борьбы против фашизма, которая тогда сводилась к проблеме завоевания или же нейтрализации крестьянских и промежуточных слоев? Нет. Они даже не ставили перед собой этой проблемы. Все это очень хорошо понятно товарищам. Этот опыт не мог не изменить ориентацию партийных масс и не привести к изменениям в ее руководящей линии.

Сейчас, спустя столько лет, мне представляется правильным различие, проводившееся тогда, которое, впрочем, разделялось и другими: между «героической борьбой» против фашизма (под чем подразумевалась вооруженная уличная борьба) и «политической борьбой» (чтобы изолировать фашизм, ликвидировать его массовую базу, упрочить и расширить антифашистский фронт и единство). Я бы сказал, что эти два аспекта борьбы не только совершенно не учитывались в бордигианской концепции политики и тактики, но и вообще отвергались, чтобы избежать, как говорили, какой бы то ни было опасности политической путаницы или же ослабления внимания к конечной классовой цели.

Проблема поисков и завоевания промежуточных или временных целей, от которых можно было бы двигаться к более передовым битвам и целям, была поставлена Грамши и новым руководством только в период кризиса Маттеотти, но пока неуверенно и противоречиво, что объяснялось существованием пережитков старой концепции и политических схем, во власти которых еще находились некоторые руководители Коммунистического Интернационала. Но самым серьезным из всех недостатков было то, что в этот период все инициативы, все предложения, все политические лозунги в значительной мере выливались в простую пропаганду из-за огромного разрыва между поставленными целями и реальными возможностями вести конкретную борьбу за эти цели.

Сама организационная слабость партии не давала коммунистическому руководству достаточных возможностей, как сейчас говорят, вести переговоры так, чтобы влиять на решения других антифашистских партий и движений и обуславливать их. Последние также оказались в плачевном положении. Кроме того, они враждебно относились к усилиям по созданию левого единства из-за своей склонности к компромиссу с буржуазными и консервативными силами и из-за боязни реакции со стороны фашизма.

Если внимательно рассмотреть инициативы и политическую деятельность того периода, можно будет сказать, что наша партия выполнила тогда большие «маневры по кадровой проблеме», ввиду материальной невозможности эффективно воздействовать на реальную обстановку. По этим причинам партии не удалось тогда изменить ход

событий. Несмотря на это, проведенная работа имела большое значение для воспитания и подготовки не только партии и ее кадров, но и антифашистских кадров различного социального и политического происхождения, которые начали появляться и занимать свое место в борьбе.

Если говорить более подробно о нашей партии, то поворот, наметившийся в период кризиса Маттеотти и охарактеризованный в дискуссиях и решениях Лионского съезда, направил по новым рельсам всю политику и всю деятельность партии, которая, хотя и с подъемами и спадами, с движением вперед и отступлениями, в дальнейшем чаще всего развивалась в соответствии с направлениями, которые определил тот поворот.

— *Из того, что ты сказал, я сделал вывод, что важность решений Лионского съезда обусловлена решительно поставленным в них требованием «создать политику».*

— На мой взгляд, еще более знаменательным является то, как Грамши ставит эту проблему. Он даже не пытается разработать, как это было на съезде в Риме, систему общих правил и норм. Напротив, «Тезисы по тактике и итальянская обстановка»⁵ основываются на глубоком анализе ситуации. Его цель — выявить силы, которые могут рассматриваться как ведущие в революции, разъяснить пути их политического завоевания, организации на борьбу. Исходя из этих поисков, Грамши подчеркивает важность южного вопроса, союза между рабочими и крестьянскими массами, создания на предприятиях форм представительных организаций (рабочие ассамблеи, агитационные комитеты), чтобы избежать бюрократического давления реформистских руководителей, не отказываясь при этом от профсоюзной борьбы. Указывается на необходимость создания в деревнях самостоятельных форм организации широких крестьянских масс, чтобы и им была предоставлена возможность защиты своих характерных интересов и участия в общей политической борьбе.

В годы безраздельной, тоталитарной власти фашизма партия боролась за возрождение профсоюзных организаций, распущенных реформистскими руководителями, и за создание в определенных случаях и по специфическим вопросам комитетов агитации и борьбы. Она старалась

сочетать работу в этом направлении с деятельностью в профсоюзах и фашистских организациях. В период сопротивления антифашистская борьба была направлена на создание самостоятельных организационных и боевых органов на предприятиях: от традиционных агитационных комитетов (подпольных) до фабрично-заводских комиссий или делегаций, создаваемых время от времени по проблемам, которые приводили в движение массы той или иной фабрики или же сельского населения.

Как видишь, все эти достижения Лионского съезда стали затем основными характерными особенностями нашей партии во все последующие годы и остаются ими сейчас.

На мой взгляд, поворот на Лионском съезде ознаменовал начало, хотя еще неуверенное и робкое, не только создания политики, но и создания политики по-итальянски с большим учетом не только итальянских проблем, но и наших особенностей и возможностей.

— *Можно сказать, что в решениях Лионского съезда уже можно найти контуры того, что мы назовем путем Италии к социализму?*

— Я думаю, что да, если учесть, что новая концепция борьбы за социализм созревала медленно и процесс этот не был однородным. Часто ему препятствовала сама ориентация международных организаций, их реакция на внутрипартийную борьбу в ВКП(б). Решения VII конгресса положили начало тому, что в коммунистических партиях, и в частности во французской, затем в испанской, в эпоху создания народных фронтов, и в нашей, начали твердо и последовательно ставить вопрос о единстве действий между коммунистами и социалистами, а также между всеми подлинно антифашистскими силами, а деятельность отдельных коммунистических партий приобретала все большую самостоятельность и все более основывалась на учете особенностей местных условий и существующих возможностей борьбы. Именно на этой стадии созревания создались условия для того, чтобы в решающий момент для Европы, для свободы сложилось самое широкое единство народа в каждой стране, единство народов мира, направленное на борьбу против фашистской и нацистской агрессии и варварства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЧТИ ВСТУПЛЕНИЕ

¹ Встреча Л. Лонго с К. Салинари и Н. Тети произошла в мае 1970 года.

² «Народный календарь» — культурно-просветительный журнал марксистского направления, издается с 1945 года. С 1966 года директор журнала Карло Салинари, профессор итальянской литературы Римского университета.

³ Тольятти, Пальмиро (1893—1964) — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического и рабочего движения. В 1914 году вступил в ИСП. Знакомство с марксистско-ленинской теорией и опытом Октябрьской революции привело его на путь решительной борьбы против реформизма в ИСП. Вместе с Грамши участвовал в основании еженедельника «Ордине нуово». С 1921 года — член ИКП. С 1922 года — член ЦК КПИ, с 1923 года — член Руководства КПИ. В 1926 году — представитель КПИ при ИККИ. После ареста Грамши в 1926 году Тольятти фактически становится руководителем компартии. В 1927 году он организовал и возглавил Заграничный центр партии в Париже.

Тольятти был одним из видных руководителей Коминтерна (с 1924 года — член Исполкома и член Президиума ИККИ, с 1926 года — член Политсекретариата ИККИ, с 1935 года — член Президиума и Секретариата ИККИ). Внес вклад в марксистско-ленинское учение своими исследованиями проблем возникновения фашизма, его идеологии, а также обобщением методов борьбы с ним. В 1935 году на VII конгрессе Коминтерна Тольятти выступил с докладом «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой войны», в котором дал глубокий анализ международного положения, подчеркнул важность борьбы за мир.

Тольятти — один из организаторов Интернациональных бригад в Испании, принимал непосредственное участие в освободительной борьбе испанского народа.

После падения итальянского фашизма и оккупации Италии немецко-фашистскими войсками Тольятти выдвинул задачу создания широкого национального фронта в борьбе против гитлеровцев и их итальянских пособников. При его непосредственном участии была разработана стратегия и тактика вооруженного антифашистского восстания 25 апреля 1945 года, завершившаяся полным освобождением Италии.

В непосредственно послевоенный период входил в состав коалиционных правительств (министр без портфеля, заместитель премьер-министра и министр юстиции). С именем Тольятти связана разработка ИКП стратегического курса на построение социализма в специфических условиях Италии.

⁴ Сприано, Паоло — историк-марксист, член ЦК ИКП, автор издающейся в Италии многотомной «Истории Итальянской коммунистической партии». Далее речь идет о томе I, выпущенном в Турине весной 1967 года.

ГЛАВА I

¹ Итальянская социалистическая партия основана в 1892 году. В настоящее время насчитывает около 500 тыс. членов.

С первых лет существования в ИСП наметились два основных течения — левое (непримиримые, затем анархо-синдикалисты, максималисты) и правое (реформисты). Сложность обстановки в Италии определила и особенности партии. Она стала выразителем разнообразных и противоречивых оппозиционных настроений: революционных устремлений передового пролетариата, радикально-демократических настроений широких трудящихся масс, реформистских тенденций части интеллигенции и некоторых слоев рабочего класса.

После исключения из партии крайне правого крыла (Л. Биссолати, И. Бономи), вставшего на откровенно шовинистические позиции, ИСП обычно занимала более левые позиции, чем другие социал-демократические партии Западной Европы. ИСП активно поддерживала движение в защиту Советской России. В 1919 году партия объявила о своем присоединении к Коминтерну. В период послевоенного революционного кризиса ИСП, однако, не смогла предложить массам конкретной программы борьбы за социализм в Италии, ограничиваясь лишь пышными революционными призывами.

В результате острой внутрипартийной борьбы в 1920 году в партии оформились следующие течения: правореформистское — фракция социалистической концентрации (Ф. Турати, К. Тревес, Дж. Э. Модильяни), выступавшая против пролетарской революции и диктатуры пролетариата; «унитарная» фракция максималистов (Дж. М. Серрати), представлявшая собой одну из разновидностей центризма, и коммунистическая фракция (А. Бордига, А. Грамши). После выхода в 1921 году из ИСП коммунистической фракции и создания Коммунистической партии Италии внутри ИСП оформилось течение «третьеинтернационалистов» (Ф. Маффи, К. Ладзари), которому на XIX съезде ИСП в Риме (октябрь 1922 г.) удалось в союзе с максималистами добиться исключения из ИСП реформистов. Реформисты после этого образовали так называемую унитарную партию. Максималисты (центристы) сохранили старое название и организацию. Впоследствии, после того как на чрезвычайном съезде в Милане в 1923 году большинство ИСП высказалось против слияния с КПИ, «третьеинтернационалисты» вышли из нее и в 1924 году вошли в компартию (Дж. М. Серрати, Дж. Ди Витторιο и др.). Внутрипартийная борьба в ИСП не прекращалась и в последующий период, что неоднократно приводило к расколам. Наличие внутри партии сильного реформистского крыла, а также ее разногласия с коммунистами по таким кардинальным положениям марксизма, как диктатура проле-

тариата и пролетарский интернационализм, постоянно использовалось и используется реакцией в качестве орудия для подрыва единства рабочего класса Италии.

Под ударами фашизма ИСП в 1926 году практически прекратила свою деятельность внутри страны, возобновившуюся лишь в период движения Сопротивления во время оккупации Италии гитлеровцами (1943—1945).

² «Гранди Мотори» («Крупные моторы») — название одного из заводов концерна ФИАТ.

³ Палата труда — объединение местных отраслевых профессиональных союзов в рамках города или провинции.

⁴ Буоцци, Бруно (1881—1944) — видный профсоюзный деятель, реформист. Был секретарем крупнейшего профсоюза, входившего в ВКТ, — Федерации металлистов (ФИОМ), а в 1925—1926 годах — генеральным секретарем Всеобщей конфедерации труда. Зачастую выступал с левых позиций. В 1926 году эмигрировал во Францию, где в 1941 году был арестован. Был передан гестапо в руки итальянской полиции и находился в ссылке до 1943 года. Сыграл важную роль в создании единой Всеобщей итальянской конфедерации труда. В 1944 году был расстрелян эсэсовцами.

⁵ Квальино, Феличе (1870—1935) — рабочий-каменщик, социалист. С 1909 по 1924 год — депутат парламента от Бьеллы и Новары. Эмигрировал во Францию.

⁶ Бонетти, Марио — туринский рабочий-краснодеревщик, социалист. В 1914 году был выдвинут кандидатом в парламента от ИСП, однако на выборах победил буржуазный кандидат Бевинпе.

⁷ Муссолини, Бенито (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 годах. Политическую карьеру начал в социалистическом движении. Накануне первой мировой войны был одним из лидеров «ультрареволюционного» течения в ИСП. После начала первой мировой войны выступил с призывом к войне на стороне Антанты. В связи с этим в ноябре 1914 года был исключен из ИСП. Уже в этот период во взглядах Муссолини в полной мере проявляется национал-шовинизм, прикрываемый изощренной социальной демагогией. В 1919 году начал создавать фашистские организации.

В октябре 1922 года в результате фашистского переворота стал премьер-министром. Втянул Италию во вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии. В 1943—1945 годах возглавлял марионеточное правительство так называемой «Республики Сало», созданной на оккупированной территории. В апреле 1945 года казнен партизанами-коммунистами как главный военный преступник.

⁸ Парини, Джузеппе (1729—1799) — итальянский поэт-сатирик, представитель просветительского классицизма. Своими произведениями стремился воспитать в итальянцах чувство патриотизма и национальное сознание.

⁹ В итальянской школе принята десятибалльная оценка знаний учащихся.

¹⁰ Тревес, Клаудио (1869—1933) — один из видных деятелей Итальянской социалистической партии, лидер ее реформистского крыла. В 1909—1912 годах — редактор «Аванти!». В 1906—1926 годах — депутат парламента. Во время первой мировой войны — центрист. После Октябрьской революции выступил откровенным противником коммунистических идей и советского строя. После исключения

реформистов из ИСП в октябре 1922 года стал одним из руководителей реформистской Унитарной социалистической партии. В 1926 году эмигрировал во Францию, где и умер.

¹¹ Летнее восстание 1917 года — восстание трудящихся Турина против войны и голода. 22 августа в Турине началась всеобщая антивоенная забастовка и баррикадные бои на улицах города. 25—26 августа восстание было подавлено с помощью войск. 27 августа прекратилась и всеобщая забастовка.

¹² Грамши, Антонио (1891—1937) — выдающийся деятель итальянского и международного коммунистического и рабочего движения, основатель Итальянской коммунистической партии. В 1913 году вступил в ИСП. Вместе с несколькими молодыми социалистами, в том числе П. Тольятти, основал еженедельник «Ордине нуово». Вел острую идеологическую борьбу против реформистов и максималистов в руководстве социалистической партии. Эта борьба достигла своей высшей точки с образованием в 1921 году под непосредственным влиянием идей В. И. Ленина коммунистической партии. В 1922—1923 годах Грамши был представителем КПИ при ИККИ. В 1924 году он становится Генеральным секретарем Компартии Италии. В 1926 году Грамши был арестован фашистами. Особый трибунал приговорил его к двадцати годам тюремного заключения. Измученный тяжелыми болезнями, он не прекращал работы. В этот период Грамши много работает над проблемами политической линии партии, занимается историей Италии, философскими проблемами. В 1934 году под давлением мирового общественного мнения фашисты «условно» освобождают Грамши, поместив его под специальным надзором в одну из клиник, где в апреле 1937 года он умер.

¹³ В октябре 1917 года итальянская армия была разгромлена при Капоретто. Начался массовый уход солдат 2-й армии, а затем и отступление 1, 3 и 4-й армий. Катастрофа при Капоретто стоила итальянской армии 10 тыс. убитыми, 30 тыс. ранеными, 265 тыс. пленными и 350 тыс. ушедшими в глубь страны.

¹⁴ «Аванти!» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии. Выходит с 25 декабря 1896 года.

¹⁵ «Интервенционисты» (от итальянского слова *intervento* — вмешательство) — сторонники участия Италии в первой мировой войне на стороне Антанты. «Интервенционистское» движение выражало интересы крупной промышленной и финансовой буржуазии. Во главе «интервенционистов», к которым примкнули в августе — октябре 1914 года мелкобуржуазные слои населения, встала реакционная группировка националистов — идейных предшественников фашизма. «Интервенционисты» пользовались финансовой и политической поддержкой монополий и части правящих кругов. В мае 1915 года «интервенционистам» удалось добиться решения о вступлении Италии в войну. Движение «интервенционистов» было крайне разношерстным, поскольку наряду с такими людьми, как Муссолини, в нем участвовали и многие искренние патриоты и демократы.

¹⁶ «Радужные дни» мая 1915 года — массовые «интервенционистские» демонстрации в ряде крупных итальянских городов, во многом определившие вступление Италии в войну. Это решение было принято вопреки воле парламента, путем давления на него меньшинства и создания в стране соответствующей психологической и поли-

тической атмосферы, главной целью которой было убедить массы в неизбежности и пользы войны, а также в быстрой победе Италии.

¹⁷ Массола, Умберто (род. в 1904 г.) — член Итальянской коммунистической партии с 1921 года. В 1928 году эмигрировал во Францию, а затем в СССР. В 1940 году по заданию партии нелегально вернулся в Италию. Активный участник движения Сопротивления. В 1944—1946 годах был членом Секретариата ИКП. С 1962 года — член Центральной контрольной комиссии ИКП.

¹⁸ Боттеге Оскуре — название улицы в Риме, на которой находится здание Руководства Итальянской компартии.

¹⁹ Пароди, Джованни (1889—1962) — деятель итальянского рабочего движения. С 1909 года — член ИСП. В 1920 году — председатель фабрично-заводского совета ФИАТ. Член ЦК КПИ с 1921 года. В 1923—1927 годах находился в эмиграции, в 1927—1937 годах — в тюрьме. В 1943—1945 годах был одним из руководителей антифашистского движения на Севере Италии. В 1945—1961 годах был одним из руководителей ВИКТ, в 1946—1951 годах — член ЦК ИКП, в 1951—1962 годах — член ЦКК ИКП.

²⁰ Сантня, Баттиста (род. в 1898 г.) — один из старейших активистов ИКП, рабочих. Входил в руководство Туринской федерации КПИ. Делегат III конгресса Коминтерна. После ареста П. Секкья возглавлял Внутренний центр партии до ареста в 1931 году. После освобождения Италии был одним из директоров на туринском автомобильном заводе ФИАТ. С 1946 года — член ЦК ИКП, с 1951 года — член ЦКК ИКП.

²¹ Роботти, Паоло (род. в 1901 г.) — активист ИКП. Член компартии со дня ее основания, активно работал в группе «Ордине нуово». Неоднократно подвергался тюремному заключению. Находясь в эмиграции во Франции и Бельгии, руководил коммунистическими группами. С 1931 года жил в СССР. В годы второй мировой войны преподавал в школе Коминтерна, а также в школах для итальянских военнопленных. В течение ряда лет был руководителем школ ИКП, а также членом ЦКК ИКП.

²² Оберти, Антонио (род. в 1893 г.) — рабочий, один из старейших членов ИКП. Принимал активное участие в деятельности группы «Ордине нуово». Член ИКП с ее основания. В 1926 году был приговорен Особым трибуналом к длительному тюремному заключению. В период Сопротивления занимался организацией заводских рабочих. В послевоенный период был руководителем Национальной Ассоциации бывших политзаключенных.

²³ Абстенционисты (от латинского слова *abstentio* — отказ) — бойкотисты, сторонники бойкота парламентских выборов. В 1919—1920 годах это название закрепилось за частью левых элементов ИСП во главе с А. Бордигой. Абстенционисты выступали за немедленное исключение из партии реформистов, резко критикуя социалистическую партию за парламентскую коррупцию. В этом была положительная сторона их деятельности. Однако отказ от участия в парламентских выборах и непонимание абстенционистами других форм легальной борьбы рабочего класса отражали их узкосектантские установки. Эта тактика, представлявшая собой опасность для рабочего движения, была подвергнута острой критике в работе В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

²⁴ Бордига, Амадео (1889—1970) — лидер абстенционистского течения в социалистической партии, членом которой он был с 1910 года. В 1921 году — один из создателей Коммунистической партии Италии, ее руководитель в первоначальный период. Решительно выступал против центристов и реформистов в ИСП. В период первой мировой войны издавал в Неаполе еженедельник «Совет», на страницах которого, хоть и в расплывчатой форме, пропагандировал идеи Октябрьской революции. Был делегатом II, IV и V конгрессов Коминтерна. В 1922—1924 годах — кандидат в члены ИККИ, в 1924—1928 годах — член ИККИ. Сектантские идеи Бордиги потерпели поражение на III (Лионском) съезде КПИ. В 1930 году был исключен из партии за фракционную деятельность.

²⁵ Боэро, Джованни (род. в 1879 г.) — участник социалистического движения, всегда выступавший с левых позиций. После образования КПИ — сторонник фракции Бордиги.

²⁶ «Ордине нуово» («Новый строй») — газета, основанная А. Грамши, П. Тольятти и другими в мае 1919 года в Турине. На ее базе была создана одноименная группа, выступившая в 1919—1920 годах организатором фабрично-заводских советов, которые должны были стать органами прямой демократии. Группа рассматривала фабрично-заводские советы в качестве революционных органов на производстве, которые в процессе революции должны были бы обеспечить создание нового общественного строя.

Коммунисты группы «Ордине нуово» особое внимание уделяли проблемам массового движения. Поэтому они ставили своей целью обновление ИСП, а не разрыв с нею. Составленный А. Грамши и одобренный 8 мая 1920 года социалистической секцией Турина документ, озаглавленный «За обновление Социалистической партии», В. И. Ленин считал наиболее близким к взглядам большевиков и дал ему высокую оценку на II конгрессе Коминтерна (июль — август 1920 г.).

²⁷ Барберис, Франческо («Чикин») (1864—1945) — член Руководства ИСП. В 1917 году был приговорен к 3 годам тюремного заключения за участие в организации Туринского восстания. Был первым секретарем Палаты труда Турина, активистом ИКП.

²⁸ Кроче, Бенедетто (1866—1952) — крупнейший итальянский философ, историк, литературовед, публицист. Идеолог и руководитель Либеральной партии (в 1943—1947 гг. — ее председатель). За исключением кратковременного периода в начале 20-х годов враждебно относился к фашизму. Однако вместе с тем до последних дней жизни боролся против коммунизма и рабочего движения. В годы фашизма активно проповедовал невмешательство интеллигенции в политику.

²⁹ Калоссо, Умберто (1895—1955) — литератор, журналист, доцент университета. Член ИСП. В 1919—1920 годах сотрудничал в «Ордине нуово». В 1931 году эмигрировал в Англию. В рядах интербригад воевал в Испании. В годы второй мировой войны вел антифашистскую пропаганду по лондонскому радио.

³⁰ Мизиано, Франческо (1884—1936) — деятель итальянского и международного рабочего и коммунистического движения. Член ИСП с 1907 года. Получил широкую известность за отказ участвовать в империалистической войне. В 1918 году одним из первых иностранцев получил советское гражданство. После образования Ком-

мунистической партии Италии стал членом ее ЦК. Депутат парламента от Турина. Принимал активное участие в Заграничном комитете по организации рабочей помощи голодающим России, созданном в Берлине в августе 1921 года. По решению партии эмигрировал. Умер в СССР.

³¹ Рабедзана, Пьетро — член ИСП с 1914 года. Член КПИ с ее основания. С 1921 года был депутатом парламента.

ГЛАВА II

¹ См. «Первый конгресс Коминтерна. Март 1919 г.». М., 1933, стр. 253.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219; т. 41, стр. 69—70.

³ Имеется в виду Троцкий с его антимарксистской теорией «перманентной революции», отрицавшей возможность победы социалистической революции в одной стране без поддержки ее пролетариатом других стран, взявшим власть в свои руки.

⁴ Турати, Филиппо (1857—1932) — итальянский политический деятель, идеолог реформизма. До первой мировой войны и после нее — лидер правого крыла Итальянской социалистической партии. В 1896—1926 годах — депутат парламента. После раскола ИСП в 1922 году возглавил реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 году эмигрировал из Италии, где продолжал антифашистскую деятельность.

⁵ Серрати, Джачинто Менотти (1872—1926) — один из наиболее видных руководителей Итальянской социалистической партии. В 1915—1923 годах — главный редактор «Аванти!». В составе итальянской делегации принимал участие в Циммервальдской конференции. После войны создал в партии максималистское течение и стал его руководителем. Заявляя о поддержке III Интернационала, выступал тем не менее против исключения из партии реформистов на Ливорнском съезде ИСП, окончившемся выходом из нее левого крыла и созданием коммунистической партии. Перед лицом усиливающегося фашизма осознал свои ошибки, и на Римском съезде в октябре 1922 года максималисты и «третьеинтернационалисты» выступили единым блоком, что позволило им получить большинство и добиться принятия резолюции об исключении реформистов и слиянии двух рабочих партий. Был участником IV конгресса Коминтерна. По возвращении в Италию в начале 1923 года вступил во фракцию «третьеинтернационалистов». В 1924 году эта фракция вошла в ИКП. Оценивая деятельность и личность Серрати, Грамши писал:

«...Основной чертой политической деятельности Серрати было его стремление к единству, его неустанная забота о сохранении любой ценой единства... Можно сказать, что в этом смысле товарищ Серрати был самым честным и благородным представителем старшего поколения итальянского традиционного революционного социалистического движения, что в его деятельности проявились все самые великодушные и самые бескорыстные черты этого поколения» («Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов». М., 1953, стр. 185—186).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 2.

⁷ «Группы католическими и народного действия» — имеется в виду созданная католическими кругами так называемая Народная партия («Пополари»), которая вербовала своих сторонников главным образом среди мелкой буржуазии города и деревни.

⁸ Федерация социалистической молодежи возникла в 1907 году. Молодые социалисты принимали активное участие во всех политических выступлениях рабочего класса и внутри ИСП стояли на твердых антиреформистских позициях. Революционный, классовый характер молодежной федерации постоянно наталкивался на непримиримую оппозицию реформистских течений внутри ИСП, которые стремились умалить ее значение и выдвигали предложение о роспуске федерации. В 1921 году молодые социалисты почти повсеместно поддержали коммунистическую фракцию. С созданием коммунистической партии подавляющее большинство членов ФСМ перешло в КПИ. В 1924 и 1927 годах в КПИ вступили и остальные члены ФСМ.

⁹ Галетто, Лео — журналист-социалист, был редактором туринского издания «Аванти!».

¹⁰ Савонарола, Джироламо (1452—1498) — религиозно-политический реформатор во Флоренции XV века. После падения тирании Медичи (1494 г.) способствовал установлению во Флоренции республиканского строя. Вступил в острый конфликт с папой римским и был отлучен от церкви (1497 г.). По приговору синьории был повешен, а труп его сожжен. Его имя стало символом фанатичной идейной убежденности.

¹¹ Ромита, Джузеппе (1887—1958) — деятель социалистической партии. Занимал в основном правые позиции. После освобождения Италии, формально поддерживая политику Народного демократического фронта, все более сползал вправо и в 1949 году выступил одним из инициаторов раскола ИСП, приведшего к созданию Унитарной социалистической партии. В мае 1951 года УСП слилась с Социалистической партией итальянских трудящихся Сарагата, в результате чего была создана Итальянская социал-демократическая партия. Неоднократно занимал министерские посты в различных коалиционных правительствах.

¹² Казалини, Джулио (род. в 1876 г.) — социалист-реформист. Вступил в ИСП в 1893 году. Депутат парламента от Турина с 1909 года. В 1919 году был представителем ИСП на первой послевоенной конференции II Интернационала в Берне.

¹³ Таска, Анджело (1892—1960) — деятель итальянского рабочего движения. В 1919 году участвовал в создании еженедельника «Ордине нуово», но вследствие серьезных разногласий с большинством редакции вышел из редакции. В 1921 году участвовал в создании Коммунистической партии Италии. С 1923 года — член Секретариата ЦК КПИ. В 1926 году эмигрировал. Исключен из КПИ в сентябре 1929 года как правый оппортунист. Вступил в ИСП. Выступал против единства действий социалистов с коммунистами.

¹⁴ Террачини, Умберто (род. в 1895 г.) — видный деятель рабочего движения Италии, один из основателей «Ордине нуово» и Итальянской коммунистической партии, член ее ЦК и Исполкома с 1921 года. Участник III конгресса Коминтерна. Член ИККИ в 1921—1924 годах. В 1926 году — директор миланского издания газеты «Уннта». В 1926—1943 годах находился в фашистских тюрьмах и

зсылке, в 1943—1945 годах — активный участник движения Сопрогивления. В 1947 году был председателем Учредительного собрания. С 1946 года — член ЦК и кандидат в члены Руководства ИКП, с 1955 года — член Руководства ИКП. С 1948 года — сенатор.

¹⁵ Апрельские события 1920 года — всеобщая забастовка в Турине и провинции. Подробнее см. раздел «Всеобщая забастовка».

¹⁶ Барпум — музей в Нью-Йорке, названный по имени его основателя и ставший символом собрания самых различных экспонатов и редкостей.

¹⁷ Здесь и далее говорится об итальянских профсоюзных объединениях.

ВКТ (Всеобщая конфедерация труда) была основана в октябре 1906 года и насчитывала в тот период около 115 тыс. членов. В 1920 году ее численность возросла до 2,3 миллиона человек. В обстановке наступления фашизма и захвата им власти (1922 г.) реформистские лидеры ВКТ (Д'Арагона и др.) взяли предательский курс на свертывание профорганизации. 4 января 1927 года они объявили о самоликвидации ВКТ и готовности ее исполкома перейти на службу к фашизму. Однако по инициативе трех федераций, входящих в ВКТ, которыми руководили коммунисты, ВКТ в феврале того же года была восстановлена и продолжала свою деятельность в подполье.

В июне 1944 года руководители различных политических направлений в профсоюзном движении подписали договор о воссоздании единой Всеобщей итальянской конфедерации труда (ВИКТ), объединившей к сентябрю 1944 года более 1 млн. членов. После освобождения страны ВИКТ приняла активное участие в борьбе за демократические преобразования Италии. В 1947 году при поддержке США и Ватикана реакция, напуганная ростом рабочего движения, перешла в открытое наступление на завоевания трудящихся. В 1948—1950 годах был организован ряд искусственных расколов в ВИКТ с целью разрушить единство рабочего класса Италии. Однако, несмотря на все усилия реакции, ВИКТ была и остается самым крупным профсоюзным центром Италии, насчитывающим ныне 4,2 млн. человек. В ВИКТ входят трудящиеся-коммунисты, социалисты, левые католики. Генеральный секретарь ВИКТ — коммунист Лучано Лама. С 1945 года ВИКТ входит в ВФП.

¹⁸ Маринетти, Филиппо Томмазо (1876—1944) — создатель и теоретик направления футуризма в европейской литературе и искусстве. С 1919 года — сподвижник Муссолини.

¹⁹ Преццолини, Джузеппе (род. в 1882 г.) — итальянский литературный критик, журналист. Проповедовал идеи А. Бергсона, видя в искусстве высшую форму познания. Затем обратился к прагматизму. Позднее находился под влиянием Б. Кроче. Один из идеологов национализма. В первые послевоенные годы короткое время был связан с еженедельником «Ордине нуово». В 1922 году отказался от борьбы с фашизмом.

²⁰ Платоне, Феличе (1899—1955) — деятель Итальянской коммунистической партии. Был сотрудником «Ордине нуово» и главным редактором миланского издания газеты «Унита». Участник национально-революционной войны в Испании (заместитель начальника штаба Интернациональных бригад, начальник штаба бригады имени Гарибальди). В годы второй мировой войны работал в Москве. Перевел

на итальянский язык многие произведения классиков марксизма-ленинизма.

²¹ Спано, Велио (1905—1964) — деятель итальянского рабочего движения. Член ИКП с 1923 года. В 1926—1927 годах был членом секретариата молодежной коммунистической федерации Турина. В 1927—1932 годах находился в тюремном заключении, а затем эмигрировал. Участник национально-революционной войны в Испании. С 1943 года возглавлял партийные организации ИКП в освобожденных районах. В 1943—1964 годах — член ЦК ИКП, в 1943—1960 годах — член Руководства ИКП. В 1944—1947 годах — политический редактор газеты «Унита». Депутат Учредительного собрания, с 1948 года — сенатор. С 1959 года был генеральным секретарем Итальянского движения сторонников мира.

²² «Металлообрабатывающие предприятия» — название одного из заводов ФИАТ в Турине.

²³ Во время войны в весенне-летние месяцы стрелки часов передвигались на один час вперед в целях экономии электроэнергии. В данном случае внутренняя комиссия выступила против попытки вернуться к «легальному часу», то есть к часу, как бы урываемому у рабочих с помощью соответствующего законодательства.

²⁴ См. *Антонио Грамши*. Избранные произведения, т. I, М., 1957, стр. 149.

²⁵ Речь идет о профсоюзных организациях, находившихся под влиянием католической церкви.

²⁶ Аньелли, Джованни (1866—1945) — один из основателей (в 1899 г.), руководителей и хозяев концерна ФИАТ, сенатор.

²⁷ Джолитти, Джованни (1842—1928) — итальянский политический и государственный деятель. Наиболее последовательный представитель итальянского либерализма начала XX века. Пять раз занимал пост премьер-министра (1892—1893, 1903—1905, 1906—1909, 1911—1914, 1920—1921). Джолитти стремился расширить социальную базу буржуазного режима путем либеральных реформ и некоторых уступок рабочим. Одобрил приход фашизма к власти, поддержал фашистское правительство, однако к началу 1924 года перешел в оппозицию.

²⁸ Федертерра — Национальная федерация тружеников земли — профсоюзное объединение, возникшее в 1901 году, входившее в состав Всеобщей конфедерации труда. Распущена фашистским правительством в 1926 году.

²⁹ Бадольо, Пьетро (1871—1956) — итальянский военный и государственный деятель. В условиях кризиса фашизма участвовал в государственном перевороте против Муссолини 25 июля 1943 года, в результате чего фашистская диктатура пала, а Бадольо был назначен премьер-министром. 3 сентября 1943 года правительство Бадольо подписало перемирие с антифашистской коалицией и 13 октября 1943 года объявило войну фашистской Германии. В марте 1944 года оно восстановило дипломатические отношения с СССР. В связи с ростом демократического движения в стране Бадольо был вынужден включить в правительство представителей антифашистских партий (апрель 1944 г.), в том числе коммунистов и социалистов. 9 июня 1944 года правительство Бадольо ушло в отставку.

³⁰ Пакт о союзе ВКТ и ИСП — пакт, заключенный в 1917 году руководителями ВКТ и ИСП с целью координировать политическую и профсоюзную борьбу трудящихся.

³¹ См. *Антонио Грамши*. Избранные произведения, т. 1, стр. 163.

ГЛАВА III

¹ См. *В. И. Ленин*. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 411—428.

² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 423.

³ Сквадризм — от итальянского слова *squadra* (отряд). В политической терминологии — фашистский терроризм.

⁴ II конгресс Коминтерна 6 августа 1920 года принял резолюцию, определяющую «21 условие», на которых партии могли входить в Коминтерн. Проект условий был написан В. И. Лениным.

Необходимость принятия условий объяснялась тем, что к Коминтерну стремились примкнуть многие центристские партии и группы, которые не отрешились от оппортунистической идеологии и тактики, а также тем, что некоторые партии, уже являющиеся членами Коминтерна, еще не очистили свои ряды от реформистских элементов.

Условия были основаны на ленинском учении о партии нового типа. Они сыграли огромную роль в выковывании революционных марксистских партий и кадров, в борьбе с оппортунизмом и в успешном развитии международного коммунистического движения.

⁵ Грациаден, Антонио (1873—1952) — деятель итальянского рабочего движения, профессор политэкономии. С 1893 года был членом ИСП. Во время первой мировой войны занимал центристские позиции. Делегат II конгресса Коминтерна. В 1921 году вступил в компартию. В 1928 году был исключен из партии за «правый уклон». После второй мировой войны вновь был принят в Итальянскую коммунистическую партию.

⁶ Марабини, Ансельмо (1865—1948) — видный деятель социалистической партии с первых лет ее основания, член ее ЦК в 1906—1910 и 1914—1921 годах. В 1921 году был одним из основателей Коммунистической партии Италии. В 1919—1924 годах — депутат парламента, после образования КПИ возглавлял ее парламентскую группу. Член ЦК КПИ в 1921—1926 годах. Во время фашистской диктатуры эмигрировал в СССР, где находился до 1945 года. После освобождения Италии участвовал в работе V съезда ИКП (декабрь 1945 — январь 1946 г.) и был председателем Центральной контрольной комиссии ИКП.

⁷ Д'Онофрио, Эдоардо (1901—1973) — один из видных руководителей левого социалистического, а затем коммунистического движения молодежи, где работал вместе с Луиджи Лонго. Член ИКП с 1921 года. В 1924—1928 годах — редактор нелегальной газеты «Авангард». С 1935 года жил во Франции. Делегат VII конгресса Коминтерна. В 1936—1938 годах — участник национально-революционной войны в Испании. В годы второй мировой войны находился в СССР. В последующие годы был членом ЦК и Секретариата ЦК ИКП (с 1949 г.), руководителем Римской федерации ИКП, заместителем председателя ЦКК ИКП. Был вице-председателем Палаты депутатов и сенатором.

⁸ Модильяни, Джузеппе Эмануэле (1872—1947) — один из наиболее видных представителей реформистского крыла Итальянской социалистической партии. Откровенный противник революционного рабочего движения, выступавший с резкими нападками на Октябрьскую революцию. В 1926 году эмигрировал во Францию. Вернулся на родину в 1944 году. После раскола ИСП в 1947 году возглавил парламентскую фракцию Социалистической партии итальянских трудящихся.

⁹ Дженнари, Эджидио (1876—1942) — видный деятель Итальянской социалистической партии, ее Генеральный секретарь с января 1920 до января 1921 года. Будучи членом левого крыла ИСП, вел активную борьбу против центристов и реформистов. В 1921 году стал одним из создателей КПИ. В 1921—1922 и 1924—1926 годах — депутат парламента. В 1921—1926 годах — член ЦК КПИ. В 1921—1922 годах — член Президиума ИККИ. В 1922—1924 годах — член Исполкома Коминтерна. В 1924—1928 годах — член Интернациональной контрольной комиссии. С 1926 года по решению партии находился за границей. Умер в СССР.

¹⁰ Баччи, Джованни (1857—1928) — член ИСП с 1903 года. Был членом ЦК и Руководства ИСП, депутатом парламента, секретарем Палаты труда Равенны. В 1912 году — директор «Аванти!». В 1919—1922 годах занимал центристские позиции. В 1921 году от имени ЦК ИСП подписал «пакт умиротворения».

¹¹ Итальянская народная партия («Пополари») — политическая партия итальянских католиков в 1919—1926 годах. Политический секретарь партии в 1919—1923 годах — священник Луиджи Стурцо (1871—1959), в 1923—1926 годах — Альчиде Де Гаспери (1881—1954). Была создана при содействии Ватикана на базе католического движения. Непосредственной целью создания партии было объединение различных слоев трудящихся в период начавшегося в Италии революционного кризиса. «Пополари» предлагала свой путь решения этого кризиса, не затрагивающий основ капиталистического государства. В партии было довольно сильное левое крыло, однако решающее влияние на политику оказывали консервативные и клерикальные элементы. На парламентских выборах 1919 и 1921 годов получила свыше 20 процентов голосов. Во время фашистского переворота представители «Пополари» вошли в правительство Муссолини, но под давлением левого крыла вскоре отказались от сотрудничества с фашистами. На выборах в апреле 1924 года Народная партия выступила на антифашистской платформе. Входила в А Aventинский блок. После запрещения в ноябре 1926 года фашистами политических партий «Пополари» прекратила существование.

¹² Кабакчиев, Христо Стефанов (1878—1940) — видный деятель болгарского и международного рабочего движения. В 1920 году выступал на II конгрессе Коминтерна с докладом об уставе. Был также делегатом III, IV, V и VI конгрессов Коминтерна. В 1923 году был арестован и в 1925 году приговорен фашистским судом к многолетнему тюремному заключению. С 1927 года жил в СССР. Работал в Болгарском представительстве Коминтерна и Интернациональной контрольной комиссии. Вел работу по изучению истории Болгарии и болгарского рабочего движения.

¹³ Ракоши, Матьяш (1892—1971) — венгерский политический деятель. В 1921—1924 годах — один из секретарей Исполкома Комин-

терна. До начала 1945 года — руководитель Заграничного бюро Компартии Венгрии. В дальнейшем — один из руководителей Венгерской Народной Республики. Находясь на высоких руководящих постах, как отмечалось в решениях руководящих органов ВСРП, Ракоши поставил себя над партией и допустил ряд серьезных ошибок в деле строительства социализма. В 1956 году в связи с этим Ракоши был снят с поста Первого секретаря ЦК ВПТ и выведен из состава Политбюро. В 1962 году ЦК ВСРП исключил его из партии как лицо, несущее главную политическую ответственность за нарушение в Венгрии ленинских норм партийной жизни и социалистической законности.

¹⁴ Леви, Пауль (1883—1930) — немецкий социал-демократ. Участник Циммервальдской конференции (1915 г.). В 1919—1921 годах — член ЦК КПГ. В апреле 1921 года был исключен из КПГ за грубое нарушение партийной дисциплины и правооппортунистическую позицию.

¹⁵ *Пальмиро Тольятти*. Избранные статьи и речи, т. I (1923 год — октябрь 1956 года). М., 1965, стр. 204.

¹⁶ Война в Ливии — империалистическая война Италии с Турцией в 1911—1912 годах за захват Триполитании и Киренаики.

¹⁷ В апреле 1915 года в Берне состоялась международная конференция пролетарской молодежи. В конференции приняли участие 14 человек из 10 стран (Германия, Россия, Италия, Швейцария, Швеция, Норвегия, Дания, Болгария, Польша, Голландия), в том числе два большевика во главе с И. Ф. Арманд. Основным докладчиком на конференции был швейцарский центрист Р. Гримм. Резолюции конференции носили расплывчатый характер, поэтому большевики голосовали против этих решений.

¹⁸ Ладзари, Костантино (1857—1927) — один из основателей и руководителей Итальянской социалистической партии. В 1912—1919 годах — Генеральный секретарь партии. Занимал в основном левые позиции внутри ИСП, однако отсутствие четкого марксистского подхода к проблемам классовой борьбы неоднократно приводило его на центристские позиции. Именно ему принадлежал известный тезис ИСП в вопросе о войне: «Не поддерживать войну, но и не саботировать» (*Non aderire e non sabotare la guerra*). Несмотря на разногласия с максималистами, до последних дней жизни оставался в ИСП. Выступал в поддержку Советской России. Участник II и III конгрессов Коминтерна. В 1926 году был арестован. Умер вскоре после освобождения из тюрьмы.

¹⁹ «Народные смельчаки» (*Ардити дель пополо*) — боевые народные дружины, возникшие весной 1921 года и оказавшие вооруженное сопротивление насилию и террору фашистских банд. Движение «народных смельчаков» не получило поддержки со стороны социалистической партии, руководители которой пошли на переговоры с главарями фашизма. Бордигианское руководство компартии также пыталось запретить коммунистам участвовать в отрядах «народных смельчаков», предлагая при этом создавать свои «коммунистические отряды», что приводило к расколу антифашистских сил. Однако во многих районах коммунисты активно боролись в рядах «народных смельчаков».

²⁰ Санти, Фернандо (1902—1969) — видный деятель Итальянской социалистической партии и профсоюзного движения Италии. Долгое

время был секретарем ВИКТ и заместителем генерального секретаря ВИКТ. Постоянно выступал за сотрудничество ИСП с ИКП, за укрепление единства рабочего класса в профсоюзном движении. Депутат парламента с 1948 года.

²¹ Ди Витторио, Джузеппе (1892—1957) — видный деятель итальянского и международного рабочего движения. Член ИКП с 1924 года. Был секретарем Национальной ассоциации крестьян и членом руководства Крестьянского интернационала в Москве. Участник национально-революционной войны в Испании. После второй мировой войны был генеральным секретарем ВИКТ, а в 1949—1957 годах — председателем Всемирной федерации профсоюзов.

²² Монтаньяна, Марио (1887—1960) — деятель Итальянской коммунистической партии со дня ее основания. Член ЦК КПИ с 1931 года. В 1933—1935 годах — представитель КПИ в ИККИ. С ноября 1926 года находился в эмиграции во Франции, Бельгии, Мексике. В Италию вернулся в декабре 1945 года. Был депутатом Учредительного собрания и парламента. Руководил газетой «Унита». Был членом ЦК и кандидатом в члены Руководства ИКП. Автор «Воспоминаний туринского рабочего» (1949, русский перевод 1951 г.).

²³ Берти, Джузеппе (род. в 1901 г.) — активный деятель ИКП со дня ее основания. В течение ряда лет был руководителем Федерации коммунистической молодежи. В 1930 году после нескольких лет тюремного заключения выехал во Францию, где активно сотрудничал в партийной печати. Ученый-историк. Был сенатором.

²⁴ Монтанари, Камилло (умер в 1935 г.) — рабочий-коммунист, активист ИКП, в 30-е годы был управляющим делами Компартии Италии. Убит в Париже троцкистом.

²⁵ Фраузин, Луиджи (1899—1944) — член ИКП с 1921 года. Был руководителем партийной организации в Венеции-Джулии, а затем одним из руководителей Внутреннего центра КПИ. В 1932 году был осужден за революционную деятельность Особым трибуналом. До 1937 года находился в тюрьме, а затем (до августа 1943 года) в ссылке на острове Вентотене. После 8 сентября 1943 года — один из организаторов вооруженной борьбы против немецких и итальянских фашистов. 24 августа 1944 года попал в руки эсэсовцев, подвергся пыткам и погиб.

²⁶ Народный блок был создан по инициативе ИКП в период подготовки к муниципальным выборам 1946 года. В него входили коммунисты, социалисты, Партия действия, а также ряд мелких политических групп. Выступление Народного блока на выборах было очень успешным. Так, в первом туре голосования (март — апрель) он получил 50 процентов голосов. В таких городах, как Рим и Неаполь, список блока получил большинство.

²⁷ Наннуцци, Отелло (род. в 1912 г.) — по профессии типографский рабочий. Вступил в КПИ в 1942 году. Был членом ЦК ИКП, секретарем Римской федерации ИКП, депутатом парламента.

²⁸ Натולי, Альдо (род. в 1913 г.) — врач, вступил в ИКП в 1938 году. Был редактором «Унита», издававшейся в подполье. В 1946—1951 годах — секретарь Римской федерации ИКП. Был членом ЦК ИКП, депутатом парламента. Исключен из партии вместе с группой «Манифесто».

²⁹ Перна, Эдоардо (род. в 1918 г.) — деятель Итальянской коммунистической партии. Член ИКП с 1943 года. Активно участвовал в антифашистском движении Сопротивления в отрядах Гарибальди. Член Руководства ИКП с 1972 года. Сенатор с 1968 года.

³⁰ Маммукари, Марио (род. в 1910 г.) — доктор физико-математических наук. Член ИКП со времени подполья.

³¹ Бонджорно, Антонио (род. в 1905 г.) — по профессии парикмахер, член ИКП, был арестован в связи с событиями 30 августа 1925 года в Пальми и осужден в 1928 году Особым трибуналом на 9 лет тюремного заключения.

³² 30 августа 1925 года в Пальми (Калабрия) произошли острые столкновения между населением и группами фашистов, которые потребовали, чтобы в этот день — день святого покровителя городка — вместо традиционной песни исполнялся бы фашистский гимн. В столкновениях один фашист погиб, шесть ранено. Это вызвало суровые репрессии фашистской полиции.

³³ Народные дома — культурно-политические центры, руководимые демократическими организациями. В народных домах обычно размещаются местные организации рабочих партий, профсоюзов, молодежные кружки, библиотека, танцевальный зал, кафе.

³⁴ Пнчелли, Гуидо (1882—1937) — социалист, вставший во главе обороны Пармы во время фашистского наступления в августе 1922 года и сумевший создать здесь единый антифашистский фронт. С 1924 года был депутатом парламента. В 1924 году вступил в коммунистическую партию. После ареста в ноябре 1926 года пять лет находился в ссылке. Эмигрировал из Италии по постановлению ЦК КПИ. Погиб в Испании в январе 1937 года, командуя первой ротой батальона имени Гарибальди на Мадридском фронте.

³⁵ Бальбо, Итало (1896—1940) — итальянский фашистский деятель. Один из главных сообщников Муссолини. Во время «похода на Рим» был членом квадрумвирата. В годы фашизма был министром авиации (1929—1933), генерал-губернатором Ливии (1933—1940). Погиб над Тобруком в самолете, сбитом «по ошибке» итальянскими зенитчиками.

³⁶ Коппи, Фаусто (1919—1960) и Джирарденго, Костанте (род. в 1893 г.) — известные итальянские спортсмены-велогонщики, неоднократные чемпионы мира.

³⁷ Фортикьяри, Бруно — член первого Исполкома Компартии Италии. Впоследствии был исключен из партии за принадлежность к группе Бордиги и отошел от политической деятельности.

³⁸ Гриеко, Руджеро (1893—1955) — видный деятель Итальянской коммунистической партии, блестящий оратор и публицист. С 1912 года был членом ИСП. Член ЦК и Исполкома КПИ со дня основания компартии. После введения чрезвычайных законов находился в эмиграции, был членом Заграничного центра КПИ (псевдоним — Гарланди) и редактором журнала «Стато операйо». В 1928—1935 годах — кандидат в члены ИККИ, в 1935—1943 годах — член ИККИ. Во время второй мировой войны работал в Москве на радио, руководил передачами для Италии. Впоследствии был членом Руководства ИКП, возглавлял аграрную комиссию и отдел пропаганды ЦК ИКП. Депутат Учредительного собрания. С 1948 года — сенатор.

³⁹ Лаваньини, Спартако (1889—1921) и Кинналья, Ферруччо (1898—1921) — коммунисты, зверски убитые фашистами.

⁴⁰ См. *В. И. Ленин*. Поли. собр. соч., т. 44, стр. 27.

⁴¹ «Пакт умиротворения» был подписан 3 августа 1921 года между Итальянской социалистической партией и Всеобщей конфедерацией труда, с одной стороны, и фашистами — с другой. Он должен был положить конец фашистскому террору, однако фашисты использовали его для накопления сил и развертывания нового наступления против трудящихся.

⁴² См. «Боевой авангард трудящихся Италии. 50 лет Итальянской коммунистической партии». Сборник. М., 1971, стр. 47.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Римские тезисы» были приняты на II (Римском) съезде компартии в 1922 году. В них нашла концентрированное выражение сектантская линия руководства партии того времени. Эти тезисы стали впоследствии символом сектанства в его самых резких и категорических формах. Суть тезисов можно свести к следующим основным положениям и лозунгам: нет никакой разницы между буржуазной демократией и фашизмом — все это формы диктатуры буржуазии; тактика партии должна оставаться постоянной вне зависимости от изменения обстановки; никаких соглашений с партиями и группами, не разделяющими программных установок коммунистов; вперед на борьбу за диктатуру пролетариата и установление Советской власти в Италии.

⁴⁵ *Георгий Димитров*. Избранные статьи и речи. М., 1972, стр. 113, 114, 117.

ГЛАВА IV

¹ Гарibaldiйские бригады (по имени героя борьбы за воссоединение Италии Джузеппе Гарibaldi) — партизанские формирования компартии, внесшие основной вклад в освобождение Северной Италии от гитлеровцев и итальянских фашистов.

² Ноче, Тереза (род. в 1900 г.) — деятель ИКП и профсоюзного движения. В ИКП вступила в 1921 году. Активная участница национально-революционной войны в Испании и антифашистской борьбы в Италии. В период эмиграции в Париже основала журнал «Ной донне» («Мы, женщины»). В 1943 году была арестована во Франции и отправлена в концлагерь Равенсбрюк в Германии. После освобождения Италии занимала ответственные посты в профсоюзном движении и во Всемирной федерации профсоюзов. В послевоенный период входила в состав ЦК и Руководства ИКП.

³ 8 сентября 1943 года было объявлено о капитуляции Италии перед Объединенными Нациями (антигитлеровской коалицией). В тот же день гитлеровские войска начали наступление, в результате которого в течение двух дней оккупировали всю Северную и Центральную Италию.

⁴ Тромбадори, Антонелло (род. в 1917 г.) — активист ИКП и литературный критик. Член ИКП с 1941 года. В годы второй мировой войны был офицером итальянской армии. В 1941 году был арестован за антифашистскую деятельность. Активный участник движения Сопротивления, руководитель групп патриотических действий в Риме. Был директором журнала «Контемпоранео», редактором газеты «Унита». Член ЦК ИКП. Депутат парламента с 1968 года.

⁵ ГАП — группы патриотического действия, возникшие по инициативе ИКП в сентябре 1943 года в городах, оккупированных немецкими войсками. Они организовывали саботаж на промышленных предприятиях и устраивали террористические акты против немецких и итальянских фашистов. Одна из самых смелых и значительных операций гапистов была осуществлена в Риме 23 марта 1944 года на улице Разелла. Группа патриотов, в их числе Карло Салинари, совершила нападение на колонну эсэсовцев. 32 нациста было убито и 38 ранено.

⁶ Туринская резня — массовые фашистские репрессии против демократических организаций и видных деятелей левых партий в декабре 1922 года.

⁷ Нитти, Франческо Саверио (1868—1953) — итальянский политический и государственный деятель, либерал. С 1904 года был депутатом парламента. Занимал посты министра сельского хозяйства (1911—1914) и министра финансов (1917—1919). В 1919—1920 годах был премьер-министром и министром внутренних дел. После прихода фашистов к власти эмигрировал из Италии. С 1948 года — сенатор.

⁸ Де Векки, Чезаре Мария (род. в 1884 г.) — один из фашистских главарей, организатор военнизированных фашистских отрядов в Пьемонте. Во время «похода на Рим» был членом квадрумвирата. В годы фашистской диктатуры — губернатор Сомали (1923—1924), сенатор (с 1924 г.), государственный министр (1928), посол в Ватикане (1929—1934), министр национального образования (1934—1936). 24 июля 1943 года на заседании Большого фашистского совета голо­совал против Муссолини. В январе 1944 года был заочно приговорен фашистским трибуналом в Вероне к смертной казни. В 1947 году осужден за преступления, совершенные им при фашизме.

⁹ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

¹⁰ Уже в декабре 1920 года В. И. Ленин отметил начавшийся отлив революционной волны. В связи с изменившейся обстановкой он призвал коммунистов перестроить свою деятельность. «...Быстрота, темп развития революции в капиталистических странах гораздо медленнее, чем у нас. Очевидно было, что, когда народы получают мир, неизбежно будет замедление революционного движения. Поэтому, не гадая насчет будущего, мы не можем в настоящее время ставить ставку на то, что темп этот переменится на быстрый» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 59).

¹¹ «III Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет». Пг., 1922, стр. 46.

¹² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 25—26.

¹³ «Деятельность Исполнительного Комитета и Президиума ИК Коммунистического Интернационала от 13 июля 1921 г. до 1 февраля 1922 г.». Пг., 1922, стр. 414.

¹⁴ Там же, стр. 146.

¹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 459.

¹⁶ Коларов, Васил Петров (1877—1950) — деятель болгарского и международного рабочего движения. В 1919—1923 годах — секретарь ЦК БКП (т. с.). В 1921—1943 годах — член ИККИ, с 1922 года — член Президиума, в 1922—1924 годах — Генеральный секретарь ИККИ. Вместе с Г. Димитровым руководил Сентябрьским восстанием 1923 года в Болгарии, после подавления которого эмигрировал в СССР. В 1928—1939 годах — председатель Исполкома Крестьянского

Интернационала. Один из руководителей борьбы болгарского народа против фашизма, за создание единого антифашистского фронта демократических сил Болгарии. В 1945—1946 годах — председатель 26-го Народного собрания Болгарии, в 1946 году — временный президент республики, в 1946—1947 годах — председатель Великого народного собрания, в 1947—1949 годах — заместитель председателя Совета министров и министр иностранных дел НРБ, в 1949—1950 годах — председатель Совета министров НРБ.

¹⁷ Союз труда — центр единства профсоюзных организаций трудящихся, созданный в феврале 1922 года для сопротивления фашизму.

¹⁸ Маффи, Фабрицио (1868—1955) — один из видных руководителей ИКП. После Ливорнского съезда — один из руководителей фракции «третьеинтернационалистов» в ИСП. Член ИКП с 1924 года. С 1926 года находился в тюрьме и ссылке. После падения фашизма — сенатор, член ЦК ИКП.

¹⁹ Д'Арагона, Лудовико (1876—1961) — реформистский лидер ВКТ; вернувшись осенью 1920 года из Москвы, выступил со статьей, содержащей резкие выпады против существующего в России нового строя и советских руководителей.

²⁰ Факта, Луиджи (1861—1930) — итальянский политический деятель, принадлежал к Либеральной партии. Неоднократно входил в правительства, возглавляемые Джолитти, Луццатти и Орландо. В феврале — октябре 1922 года был премьер-министром. С 1924 года — сенатор.

²¹ Пелузо, Эдмондо (1882—1942) — активист ИКП, видный публицист. Состоял в социалистических и социал-демократических партиях ряда стран. В 1916 году — делегат на Кинтальской конференции от Социалистической партии Португалии. Член КПИ с 1921 года. В 1923—1924 годах — представитель КПИ в ИККИ. С 1927 года проживал в СССР, вел преподавательскую работу.

²² Гоццано, Гуидо (1883—1916) — итальянский поэт, уроженец Турина.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 283—284.

²⁴ Бомбаччи, Никола (1879—1945) — беспринципный демагог, прошедший путь от социалиста до фашиста. В 1919—1920 годах был секретарем ИСП. Один из близких сотрудников Муссолини. Расстрелян вместе с другими высшими руководителями фашизма в апреле 1945 года.

²⁵ Ригола, Ринальдо (1868—1954) — один из реформистских руководителей ВКТ. В январе 1927 года был в числе инициаторов принятия решения о «самоликвидации» ВКТ.

²⁶ Спартакус Пиченус (род. в 1890 г.) — псевдоним поэта Джузеппе Оффидани. Автор более ста революционных песен и гимнов, завоевавших широкую популярность среди трудящихся.

²⁷ «Бандьера Росса» («Красное знамя») — гимн итальянских коммунистов.

²⁸ «Люкс» — ныне гостиница «Центральная».

²⁹ Джерманетто, Джованни (1885—1959) — деятель итальянского рабочего и коммунистического движения, писатель. Член ИКП с 1921 года. С 1927 года проживал в эмиграции (сначала во Франции, а затем в СССР). В 1946 году вернулся в Италию. Автор книг:

«Записки циркульника» (1930 г.), «Феникоттеро» (1935 г.), «Травальо» (1938 г.).

³⁰ Репосси, Луиджи — член Исполкома КПИ, созданного после Ливорнского съезда, депутат парламента.

³¹ Велла, Артуро (1886—1943) — один из руководителей социалистической партии, принадлежал к максималистам.

³² Скоччимарро, Мауро (1895—1972) — видный деятель Итальянской коммунистической партии с момента ее основания. В 1924—1925 годах работал в Исполкоме Коминтерна. Был арестован в ноябре 1926 года и осужден на 20 лет. Освобожден в августе 1943 года. Активный участник движения Сопротивления. Представитель ИКП в Комитете национального освобождения Северной Италии. В 1944—1947 годах входил в состав правительств Бономи, Парри и Де Гаспери. Депутат Учредительного собрания, сенатор (1948—1953, 1958—1972), депутат парламента (1953—1958). Член Руководства ИКП. В 1956—1969 годах — председатель ЦКК ИКП.

³³ Беллони, Амброджо (1864—1950) — деятель итальянского рабочего движения, адвокат. В ИСП принадлежал к фракции максималистов. В 1918—1919 годах — член Руководства ИСП. Член Центрального Комитета Компартии Италии, избранного на Ливорнском съезде партии. Депутат парламента в 1921—1924 годах. В годы фашистской диктатуры находился в тюрьме и ссылке.

³⁴ Вота, Джузеппе — один из руководителей КПИ и профсоюзного движения в 20-е годы. Возглавлял Федерацию рабочих деревообрабатывающей промышленности.

³⁵ Монтечиторно — дворец, в котором помещается итальянская Палата депутатов.

³⁶ «Тройка» — три члена Политбюро КПИ, исключенные в 1930 году из партии за правый уклон: А. Леонетти (Ферочи), П. Трессо (Бласко) и П. Раваццоли (Сантини).

³⁷ Прампolini, Камилло (1859—1930) — один из основателей социалистической партии в 1892 году. Реформист. В 1890—1926 годах — депутат парламента. В 1926 году отошел от политической деятельности.

³⁸ Ломеллина — район в провинции Павия (область Ломбардия), был театром острых выступлений крестьянских масс в последних десятилетиях XIX — начале XX века.

³⁹ Пелиццо да Волпедо (1868—1907) — итальянский художник. Его наиболее известная картина — «Четвертое сословие» (1900). Тема ее — движение трудящихся к лучшему будущему.

⁴⁰ Равера, Камилла (род. в 1889 г.) — член ИКП со дня ее основания. По профессии — учительница. Участница IV и VI конгрессов Коминтерна. В 1922—1926 годах возглавляла работу компартии среди женщин. В 1923—1930 годах — член ЦК КПИ. В 1928—1929 годах была представителем КПИ при ИККИ. За активную антифашистскую деятельность была осуждена Особым трибуналом, отбыла 5 лет тюрьмы и 8 лет ссылки. В 1948—1958 годах — депутат парламента. С 1960 года — член ЦКК ИКП. Автор воспоминаний «Дневник за тридцать лет. 1913—1943» (1973 г.), удостоенных литературной премии «Прато».

⁴¹ Секкья, Пьетро (1903—1973) — один из видных руководителей Итальянской коммунистической партии. С 1926 года — член ЦК Федерации коммунистической молодежи, с 1928 года — член ЦК КПИ.

Был главным организатором IV съезда КПИ (1931 г.). В 1931—1943 годах находился в тюремном заключении и ссылке. В 1943—1945 годах — один из руководителей партизанского движения на Севере Италии. Член Руководства ИКП (1945—1956). Заместитель Генерального секретаря ИКП (1948—1954). Депутат Учредительного собрания. С 1948 года — сенатор. Член ЦК ИКП.

⁴² Криспи, Франческо (1818—1901) — итальянский политический и государственный деятель. В период Рисорджименто — участник революции 1848—1849 годов, сподвижник Дж. Гарибальди по экспедиции «Тысячи». После объединения Италии стал рьяным поборником монархии. На посту премьер-министра в 1887—1891 и 1893—1896 годах проводил жестокие репрессии против рабочих.

⁴³ Квестура — местное управление полиции.

⁴⁴ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии. Сборник статей и документов», стр. 187.

ГЛАВА V

¹ Речь идет о Н. М. Любарском (1887—1938), который прибыл в Милан в конце лета 1919 года и был известен в Италии под именем Никколини. Кьярини — это А. М. Геллер (1891—1935), представитель Коминтерна при ИСП в 1920—1921 годах. В. А. Деготь прибыл в Италию в январе 1920 года и оставался там до августа того же года.

² Тесняки — коммунистическое течение внутри Болгарской социал-демократической партии, на основе которого в 1919 году была основана Болгарская коммунистическая партия (тесных социалистов).

³ Кун, Бела (1886—1939) — деятель венгерского и международного рабочего движения. Один из основателей Компартии Венгрии. Фактический руководитель Венгерской Советской Республики (народный комиссар по иностранным делам, член коллегии народного комиссариата по военным делам). Принимал активное участие в деятельности Коминтерна. Член ИККИ с 1921 по 1936 год. Одновременно руководил работой нелегальной Компартии Венгрии. В апреле 1928 года был арестован в Вене, но вскоре под давлением мировой общественности освобожден. Вернувшись в СССР, продолжал политическую деятельность.

⁴ В речи на XIX съезде КПСС И. В. Сталин сказал:

«Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом...

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает» («Правда», 15 октября 1952 г.).

⁵ Ненни, Пьетро (род. в 1891 г.) — итальянский политический и государственный деятель. Политическую деятельность начал в 10-х годах в рядах республиканской партии. В 1921 году вступил в ИСП, в 1923—1926 годах — главный редактор «Аванти!». В 1931—1939 го-

дах — Генеральный секретарь ИСП и член Исполкома Социалистического рабочего Интернационала. В 30-е годы выступал сторонником единства действий с коммунистами, участвовал в антифашистской войне в Испании. В августе 1943 года вновь стал Генеральным секретарем ИСП. После освобождения Италии неоднократно входил в состав итальянского правительства (заместитель премьер-министра, министр по делам Учредительного собрания, министр иностранных дел). До 1956 года возглавлял левое крыло ИСП, однако в 1956—1957 годах совершил резкий поворот вправо, выступив одним из инициаторов разрыва единства действий с ИКП. В 1963—1968 годах — заместитель председателя Совета министров в трех правительствах Моро. В 1968—1969 годах — министр иностранных дел в правительстве Румора. В настоящее время — председатель ИСП.

⁶ Итальянский народный союз — организация, объединявшая итальянских эмигрантов, придерживающихся демократических взглядов, в их борьбе против фашизма. Прекратила существование после оккупации Франции гитлеровскими войсками.

⁷ Иньяцио Силоне (Секондино Транкуилли, род. в 1900 г.) — член Политбюро КПИ, исключенный в 1931 году из партии за правый уклон. С того времени постоянно выступает с откровенно антикоммунистических, антисоветских позиций. После падения фашизма вступил в ИСП, был редактором «Аванти!».

⁸ Маттеотти, Джакомо (1885—1924) — депутат-социалист, зверски убитый фашистами в июне 1924 года. Это убийство вызвало в Италии острый политический кризис, известный под названием «кризиса Маттеотти».

⁹ «Стато операйо» («Рабочее государство») — теоретический журнал Компартии Италии, выходивший в Париже с 1927 по 1939 год.

ГЛАВА VI

¹ Боттеккиа, Оттавио (1894—1927) — известный велосипедный гонщик, победитель гонок во Франции в 1924 и 1925 годах.

² Доцца, Джузеппе (род. в 1901 г.) — видный руководитель ИКП. Выходец из рабочих. Вступил в партию с первых дней основания ИКП, будучи до этого активистом ИСП. Руководил федерацией КПИ во Флоренции, затем стал национальным секретарем Федерации коммунистической молодежи. Активное участие принимал в движении Сопротивления, представлял компартию в Комитете национального освобождения Северной Италии. После освобождения Италии длительное время входил в состав Руководства ИКП, был мэром г. Болоньи. Член ЦКК ИКП.

³ Итальянская либеральная партия (ИЛП) объединяет часть крупной буржуазии и земельной аристократии. Организационно ИЛП оформилась в первые десятилетия XX века. После захвата фашистами власти ИЛП вместе с Народной партией входила в правительство Муссолини. Левые либералы участвовали в Авентинском блоке. В 1926 году партия прекратила свою деятельность, хотя отдельные ее представители оставались в парламенте. Идейным руководителем ИЛП в фашистский период был Б. Кроче. ИЛП возобновила свою деятельность после падения фашизма. Участвовала в движении Сопротивления, но выступала за политику «выжидания». Влияние ИЛП в послевоенные годы резко упало.

⁴ «Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (12—23 июня 1923 года). Отчет». М., 1923, стр. 24.

⁵ *Пальмиро Тольятти*. Избранные статьи и речи, т. I, стр. 44—45.

⁶ Там же, стр. 44.

⁷ «Манифесто» — левозкстремистская группа, возникшая в конце 60-х годов. Получила свое название от имени издававшегося ею журнала. Исключена из партии в декабре 1969 года.

⁸ Пайетта, Джулиано (род. в 1915 г.) — деятель ИКП, активный участник антифашистской войны в Испании и движения Спротивления. С 1955 года — член ЦК ИКП. На протяжении многих лет был заведующим иностранным отделом ЦК ИКП, а также заместителем председателя комиссии по иностранным делам Палаты депутатов.

⁹ Пеллико, Сильвио (1789—1854) — итальянский писатель и журналист, общественный деятель. В своих статьях выражал вольнолюбивые взгляды и пропагандировал идею объединения Италии. Прославился трагедией «Франческа да Римини» (1815 г.). Как участник заговора карбонариев в 1820 году приговорен к 15-ти годам тюремного заключения. Освобожденный в 1830 году, отошел от политической деятельности и работал библиотекарем. Основное сочинение Пеллико «Мои темницы» (1832 г.) имело большой успех и было переведено на все европейские языки.

¹⁰ Джаниколо — название одного из римских холмов.

ГЛАВА VII

¹ Законопроект Шельбы (министр внутренних дел) — Де Гаспери (премьер-министр) предполагал введение мажоритарной избирательной системы. Был провален большинством избирателей на парламентских выборах 7 июня 1953 года в результате мощного массового движения трудящихся.

² Ли Каузи, Джироламо (род. в 1896 г.) — деятель ИКП. Вступил в компартию в 1924 году. В 1924—1926 годах — редактор газеты «Унита». За партийную деятельность был приговорен Особым трибуналом к 20-ти годам и 9-ти месяцам тюремного заключения. Освобожден в связи с амнистией в 1937 году. С сентября 1943 по май 1944 года — представитель ИКП в КНО. Депутат парламента всех созывов. В настоящее время — член ЦК ИКП, сенатор.

³ Буффони, Франческо (1882—1951) — адвокат. Член ИСП. В 1924 году вместе с «третьеинтернационалистами» вступил в КПИ. В 1927 году эмигрировал во Францию, где вновь вступил в ИСП.

⁴ Рибольди, Эцио (1878—1965) — депутат-социалист в 1919—1924 годах. Максималист. В 1924 году вместе с «третьеинтернационалистами» вступил в КПИ. Был осужден Особым трибуналом на 16 лет тюремного заключения, однако обратился к фашистским властям с просьбой о помиловании. За этот поступок был исключен из КПИ. Впоследствии сотрудничал с фашистами.

⁵ Новелла, Агостино (род. в 1905 г.) — видный деятель итальянского и международного рабочего движения. Член ИКП с 1924 года. С 1932 года был членом ЦК КПИ. В 1934—1938 годах — секретарь Федерации коммунистической молодежи. В 1940—1943 годах — член Загранбюро ЦК КПИ. В течение ряда лет был Генеральным секре-

тарем ВИКТ. Член Руководства (с 1943 г.) и Политбюро ИКП (с 1966 г.). В 1959—1961 годах — председатель Всемирной федерации профсоюзов.

⁶ Бози, Илио (род. в 1903 г.) — деятель ИКП. Председатель Центральной ревизионной комиссии ИКП.

⁷ Мандзони, Алессандро (1785—1873) — классик итальянской литературы, автор всемирно известного романа «Обрученные» (1825—1827), в котором дана картина жизни Ломбардии XVII века, находящейся под испанским владычеством.

⁸ Комитет согласия — левозкстремистская фракция в КПИ в 1925—1926 годах. Ее образовала группа депутатов парламента, в том числе Репосси и Фортикьяри, в марте 1925 года. Руководители фракции были сняты с руководящих постов в партии, их позиции потерпели политическое поражение на Лионском съезде.

⁹ Дзини, Дзино — буржуазный интеллигент, профессор. В период деятельности группы «Ордине нуово» сблизился с А. Грамши и коммунистами.

¹⁰ Моранди, Родольфо (1902—1955) — один из лидеров левого крыла Итальянской социалистической партии, председатель Комитета национального освобождения Северной Италии в 1945 году. В 1945—1946 годах — Генеральный секретарь Итальянской социалистической партии. После освобождения Италии входил в состав нескольких правительств.

¹¹ Куриэль, Эудженно (1912—1945) — один из наиболее активных руководителей молодежного коммунистического движения Италии, создатель «Фронта молодежи», который, по мнению Куриэля, должен был стать массовой организацией молодых рабочих, студентов и крестьян для борьбы с фашистской диктатурой, за создание демократической Италии. Был зверски убит фашистами за несколько месяцев до освобождения Италии.

¹² Серени, Эмилио (род. в 1907 г.) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. С 1936 года был членом ЦК КПИ и главным редактором журнала «Стато операйо». С 1945 года — член Руководства ИКП. В 1949—1955 годах — генеральный секретарь Итальянского комитета сторонников мира. С 1966 года — директор теоретического органа ИКП «Критика марксиста». Автор ряда работ по экономике и аграрным вопросам в Италии.

¹³ Амендола, Джорджо (род. в 1907 г.) — видный деятель коммунистической партии. Начал антифашистскую деятельность в Неаполитанском университете в 1926 году. В ИКП вступил в 1929 году. В 1931 году — делегат IV съезда Компартии Италии. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. В 1937 году по указанию партии выехал во Францию, где руководил нелегальной партийной печатью. В 1943—1945 годах — один из руководителей партизанского движения в Италии. С V съезда ИКП — член ЦК и Руководства ИКП. Депутат парламента всех созывов. Автор ряда работ по проблемам итальянского рабочего движения. Руководитель итальянской коммунистической группы в Европейском парламенте в Страсбурге. Член Политбюро ИКП.

¹⁴ Росси-Дориа, Манлио (род. в 1905 г.) — активист ИКП в период антифашистской борьбы и движения Сопротивления. В послевоенный период вступил в ИСП. Специалист по аграрным вопросам.

¹⁵ В «21 условии» приема в Коммунистический Интернационал указывалось:

«Периодическая и непериодическая печать и все партийные издательства должны быть всецело подчинены ЦК партии, независимо от того, является ли в данный момент партия в целом легальной или нелегальной. Недопустимо, чтобы издательства злоупотребляли своей автономией и вели политику, не вполне соответствующую политике партии» (Цит. по: «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 251).

¹⁶ Институт Грамши — исследовательский институт при ЦК ИКП. Был создан в 1955 году. Главная цель института — разработка проблем марксистско-ленинского учения в их тесной связи с современной обстановкой в рабочем движении Италии. Организует многочисленные симпозиумы, конференции, в том числе и международные.

¹⁷ «Политекнико» («Политехнический») — прогрессивный культурно-политический журнал, руководимый известным итальянским писателем Элио Витторини в сентябре 1945 — декабре 1947 года.

¹⁸ «Контемпоранео» («Современник») — марксистский общественно-политический журнал. Издается с марта 1954 года, вначале как еженедельный, а затем как ежемесячный журнал. Ныне выходит в качестве ежемесячного приложения к журналу «Ринашита».

¹⁹ Авентинский блок — политический блок либерально-демократических и социалистических группировок, получивший свое название от Авентинского холма в Риме, куда, по преданию, удалились плебеи Древнего Рима во время своей борьбы против патрициев. Авентинский блок возник после убийства фашистами депутата-социалиста Маттеотти (10 июня 1924 года), когда все фракции антифашистских партий ушли из парламента и создали Комитет оппозиционных фракций. Эта акция имела большое политическое значение, поскольку придавала кризису особый характер — наличие двоевластия. Авентинский блок превратился фактически во всеитальянский политический центр, на который ориентировались трудящиеся массы и часть средних слоев населения. В стране создавались благоприятные условия для начала открытой борьбы против фашизма. Именно поэтому коммунисты поддержали создание Авентинского блока и вошли в состав Комитета оппозиционных фракций. Однако их предложения были отвергнуты всеми другими партиями, боящимися роста рабочего движения. Вследствие этого коммунисты покинули Авентинский блок, продолжая критиковать его политику, стремясь завоевать доверие масс, следовавших за входящими в него партиями. В 1926 году правительство Муссолини запретило деятельность оппозиции. Остатки Авентинского блока, лишенные связи с массами, перестали играть серьезную роль в борьбе против фашизма.

²⁰ Кадорна, Раффаэле (1889—1973) — профессиональный военный, генерал, сын маршала Луиджи Кадорна. В 1943 году, сразу же после оккупации Рима нацистами, вступил в контакт с движением Сопротивления и от его имени вел работу по организации партизанских формирований. В августе 1944 года по указанию Комитета национального освобождения был переправлен на Север Италии, где стал главнокомандующим всеми силами Сопротивления. После освобождения страны до января 1947 года был начальником генерального штаба итальянских сухопутных войск. Трижды избирался сенатором от ХДП. В 1963 году отошел от политической жизни.

²¹ Парри, Ферруччо (род. в 1890 г.) — один из создателей движения «Справедливость и свобода» и Партии действия. Видный руководитель движения Сопротивления на Севере Италии (псевдоним — Маурицио). В июне — декабре 1945 года — премьер-министр Италии. Депутат Учредительного собрания. Председатель парламентской группы независимых левых.

²² «Справедливость и свобода» (Джустития э либерта) — антифашистское движение, возникшее в 1929 году среди буржуазных и мелкобуржуазных кругов итальянской эмиграции во Франции. Вело борьбу против фашистского режима в Италии в сотрудничестве с коммунистами и социалистами. В 1942 году его участники создали Партию действия, активно участвовавшую в национально-освободительном движении 1943—1945 годов. В послевоенный период эта партия не удержалась на позициях союза с коммунистической и социалистической партиями, претендуя на роль руководителя трудящихся масс. К 1947 году Партия действия распалась: ее левое крыло вошло в ИСП, а правые элементы вошли в Республиканскую партию Паччарди.

²³ Маттен, Энрико (1906—1962) — итальянский промышленник и политический деятель, в молодости был рабочим. В период Сопротивления возглавлял партизанские формирования христианских демократов и представлял ХДП в КНО. После Освобождения стал одним из инициаторов и создателей ЭНИ — государственного нефтеметаллового объединения. Его политика, направленная на освобождение Италии от нефтяных магнатов США, противоречила интересам крупного капитала. Погиб в авиационной катастрофе при невыясненных до настоящего времени обстоятельствах.

²⁴ Отряды Маттеотти — партизанские формирования в период движения Сопротивления, руководимые социалистической партией совместно с представителями других левых сил.

²⁵ Арджентон, Марио (род. в 1907 г.) — кадровый офицер. Участвовал в организации первых партизанских формирований. В Корпусе добровольцев свободы занимал пост заместителя начальника штаба.

²⁶ Имеются в виду революционные выступления в ряде крупных городов Германии, в том числе вооруженное восстание в Гамбурге в октябре 1923 года.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 223.

²⁸ «Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенографический отчет», ч. I. М.-Л., 1925, стр. 362—363.

²⁹ «Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919—1932». М., 1933, стр. 465, 466.

³⁰ Умберто I (1844—1900) — король Италии (1878—1900), отец короля Виктора Эммануила III. Убит анархистом Бреши.

³¹ «Свободная Италия» — автономная организация, отколовшаяся от Ассоциации бывших фронтовиков и занимавшая антифашистские позиции.

³² Сардинская партия действия была основана Э. Луссу в Сардинии в 1919 году. Представляла собой автономистскую организацию республиканского толка. Партия вела активную борьбу за социальное обновление, предпринимая особые усилия в области создания

крестьянских кооперативов. В период фашизма была распущена вместе с другими партиями и возобновила свою деятельность лишь после Освобождения. Сардинская партия действия не смогла преодолеть мелкобуржуазной ограниченности, в связи с чем ее влияние в настоящее время незначительно.

³³ Луссу, Эмилио (род. в 1890 г.) — деятель итальянского антифашистского движения. Депутат парламента в 1921—1924 годах. В 1926 году был арестован, через три года бежал из Италии. В эмиграции был одним из основателей движения «Справедливость и свобода» и Партии действия, в которой возглавлял революционное крыло. После освобождения Италии был министром по восстановлению экономики в правительствах Ф. Парри и А. Де Гаспери. После роспуска Партии действия вступил в ИСП, был председателем ее парламентской фракции.

³⁴ Гобетти, Пьеро (1901—1926) — левый либерал, сотрудничавший с Грамши и занимавший активные антифашистские позиции, автор книги «Либеральная революция». Погиб после побоев, нанесенных ему фашистами.

³⁵ Мильоли, Гуидо (1880—1954) — видный деятель левого католического профсоюзного движения, участвовал в Крестинтерне. В послевоенный период неоднократно бывал в социалистических странах. За свои выступления, в которых давал положительную оценку развитию социалистического сельского хозяйства, встречал резкую критику руководства ХДП.

³⁶ Москателли, Винченцо («Чино») (род. в 1908 г.) — активист ИКП. С 1925 года — член ФКМ. В 1930 году был приговорен к 16-ти годам тюремного заключения. В 1943—1945 годах — один из руководителей партизанского движения на Севере Италии, командир Гарibaldiйской дивизии имени Гаспара Пайетта.

³⁷ Роазио, Антонио (род. в 1902 г.) — деятель Итальянской коммунистической партии. Член ИКП с 1921 г. Участник национально-революционной войны в Испании (политический комиссар батальона имени Гарibaldi). С марта 1940 года был членом Заграничного бюро КПИ. В 1943—1945 годах — один из руководителей движения Сопротивления, Генеральный инспектор партизанских отрядов. После войны в течение ряда лет был членом Руководства и Политбюро ИКП.

³⁸ Кода Спирито, Марио (род. в 1903 г.) — активист ИКП со дня ее основания, рабочий. За антифашистскую деятельность был приговорен к 10-ти годам тюремного заключения. Активный участник движения Сопротивления. После освобождения страны был мэром г. Бьелла.

³⁹ «Стампа» — туринская буржуазная ежедневная газета. Связана с концерном ФИАТ. Выходит с 1865 года. Тираж — около 400 тыс. экземпляров.

⁴⁰ «Коррьере делла Сера» — основная газета финансово-промышленной буржуазии Северной Италии. Выходит в Милане с 1876 года. Тираж — около 500 тыс. экземпляров.

⁴¹ Амендола, Джованни (1886—1926) — итальянский политический деятель, публицист. С 1919 года — депутат парламента. После первой мировой войны возглавил левое крыло Либеральной партии. В 1924 году стал одним из лидеров антифашистского Авентинского блока, после поражения которого занял либерально-республиканские

позиции. В июле 1925 года был жестоко избит фашистской бандой. Умер в эмиграции во Франции.

⁴² Пакт Видони — пакт во дворце Видони — был заключен 2 октября 1925 года между Конфедерацией итальянских промышленников и фашистскими профсоюзами. Последние признавались единственными представителями профсоюзов трудящихся.

⁴³ Конфиндустрия — ассоциация итальянских промышленников. В период фашизма в Италии направляла и вдохновляла фашистскую политику. В послевоенный период интересы Конфиндустрии находят свое выражение в проамериканской, антинациональной политике итальянских правящих кругов.

⁴⁴ Наннетти, Нино (1906—1937) — деятель итальянского рабочего движения, член Компартии Италии. С 1931 года был членом ЦК Федерации коммунистической молодежи. В 1936—1937 годах — участник национально-освободительной войны в Испании как командир и политический работник (политический комиссар батальона, командир бригады, а затем — дивизии). Погиб на фронте под Бильбао.

⁴⁵ Росселли, Карло (1899—1937) — деятель итальянского антифашистского движения, основатель движения «Справедливость и свобода». Был убит французскими кагулярами.

⁴⁶ Бассо, Лелио (род. в 1903 г.) — видный представитель итальянского социалистического движения, крупный ученый, юрист и историк. В 30-е годы входил во Внутренний центр ИСП. Активный участник движения Сопротивления. С января 1947 по июнь 1948 года — секретарь ИСП. После раскола ИСП в 1964 году занимал руководящие посты в Итальянской социалистической партии пролетарского единства (ИСППЕ). В начале 70-х годов отошел от активной политической деятельности. В настоящее время — сенатор от так называемой группы независимых.

⁴⁷ Россн, Эрнесто (1897—1967) — ученый-экономист, профессор, публицист. Принимал активное участие в борьбе против фашизма, будучи одним из создателей и руководителей движения «Справедливость и свобода». В 1931 году был приговорен к 20-ти годам тюремного заключения. В послевоенный период разоблачал пороки буржуазного строя.

⁴⁸ Пайетта, Джанкарло (род. в 1911 г.) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. В 1927 году был впервые арестован за распространение антифашистских листовок и приговорен Особым трибуналом в связи с несовершеннолетием к двум годам тюремного заключения. По выходе из тюрьмы занялся подпольной работой. С 1931 года в Париже руководил Федерацией коммунистической молодежи. В 1934 году во время пребывания в Италии был арестован и приговорен к 21-му году тюремного заключения. Пробыл в тюрьме около 10-ти лет. После падения фашизма — член Комитета национального освобождения Северной Италии и Главного командования Корпуса добровольцев свободы. После освобождения Италии был первым секретарем Миланской федерации ИКП. С 1945 года — член Руководства ИКП. Член Политбюро ИКП. Неоднократно возглавлял журнал «Ринашита» и газету «Унита».

⁴⁹ Гини, Челсо (род. в 1907 г.) — рабочий, член ИКП с 1925 года. Более 12-ти лет провел в тюрьме и ссылках за антифашистскую деятельность. Был руководителем федерации ИКП в Болонье, членом ЦКК ИКП.

⁵⁰ Вайя, Алессандро (род. в 1907 г.) — активист ИКП. В период национально-революционной войны в Испании руководил гарibaldiйской бригадой. Принимал активное участие в движении Сопротивления. Был членом ЦКК ИКП.

⁵¹ Южный вопрос — проблема острого противоречия между капиталистически развитым Севером и отсталым, аграрным Югом, и поныне сохраняющим феодальные пережитки. Левые экстремисты рассматривали эту проблему как буржуазную выдумку, которую следует отвергнуть. Начиная с Лионского съезда, когда была одобрена разработанная Грамши концепция решения южного вопроса путем вовлечения в совместную борьбу за преобразование итальянского общества промышленного пролетариата Севера и беднейшего крестьянства Юга, эта проблема постоянно находится в центре деятельности ИКП. Так, в докладе Э. Берлингуэра на XIII съезде партии говорилось: «В центре всего стоит проблема Южной Италии — не просто как проблема недостаточного развития, отсталости, бедственного положения значительной части страны, а как общий вопрос итальянского общества и государства, который ставит не только экономические и социальные, но и гражданские, политические, а также культурные проблемы» («XIII съезд Итальянской коммунистической партии». М., 1973, стр. 35).

⁵² Итальянская республиканская партия (ИРП) объединяет часть средней и мелкой буржуазии. Основателем ИРП считается Дж. Мадзини. С захватом власти фашистами большая часть республиканцев эмигрировала. Часть членов ИРП участвовала в Авентинском блоке. Представители ИРП участвовали в антифашистской войне в Испании (1936—1939). В Италии возобновила свою деятельность после падения фашизма. Влияние в массах незначительно.

ГЛАВА VIII

¹ Бергсонизм — по имени французского философа-идеалиста А. Бергсона (1859—1941). Создал философию интуитивизма, приносящую роль разума, науки. Во взглядах Бергсона выразилось разложение буржуазной идеологии эпохи империализма, возрастающая агрессивность буржуазии перед лицом обостряющихся классовых противоречий и ее страх перед усилением классовой борьбы пролетариата.

² Каваллотти, Феличе (1842—1898) — итальянский политический деятель, поэт и драматург, бывший гарibaldiец. С 1873 года — глава левой республиканской оппозиции в парламенте, лидер Партии действия.

³ Коломби, Артуро (род. в 1900 г.) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. В ИКП вступил в 1921 году. Неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. С 1932 года в течение ряда лет член Политбюро КПИ, видный руководитель профсоюзного движения. Активный участник антифашистской борьбы и движения Сопротивления. В 1945 году — директор газеты «Унита», а затем первый секретарь областного комитета ИКП в Эмилии, позднее — в Ломбардии. С V съезда ИКП — член ЦК и Руководства ИКП. С февраля 1969 года — председатель Центральной контрольной комиссии ИКП.

4 Битосси, Ренато (1899—1969) — деятель итальянского и международного рабочего движения. Член ИКП с 1921 года. По приговору фашистского трибунала много лет находился в тюрьмах и ссылке. В 1943—1945 годах — активный участник борьбы за освобождение Италии от гитлеровской оккупации. С 1946 года — член ЦК ИКП. В 1946—1947 годах — депутат Учредительного собрания. С 1948 года — сенатор. В 1945—1946 и 1957—1960 годах — секретарь Палаты труда Флоренции. В 1947—1957 годах — секретарь ВИКТ. В 1961—1969 годах — председатель Всемирной федерации профсоюзов.

5 Тезисы «Положение в Италии и задачи Коммунистической партии Италии» были приняты в январе 1926 года III съездом КПИ (Лион), обозначившим перелом в итальянском коммунистическом движении. В качестве главного направления деятельности КПИ тезисы определяли мобилизацию всех трудящихся на борьбу против фашизма. Основным лозунгом тезисов был призыв к единству — рабочего класса, рабочих и крестьян Севера и Юга, всего народа Италии.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К советскому читателю	5
Почти вступление	13
Глава I. ЛУИДЖИ ЛОНГО СТАНОВИТСЯ СОЦИАЛИСТОМ	17
От Фубине до Турина	—
Плотник или инженер?	24
От несостоявшегося художника до неполучившегося летчика	29
Вступление в социалистическую партию	34
Старые туринские социалисты	38
Глава II. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ	45
Атмосфера послевоенного периода	—
«Ордине нуово»	54
Реформы и революция	58
Фабрично-заводские советы	63
Всеобщая забастовка	69
Занятие предприятий	76
Глава III. ВЕЛИЧИЕ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ КОММУНИСТОВ 1921 ГОДА	84
Ливорнский съезд	—
Заочное избрание в руководство Федерации молодежи	99
Фашистское наступление	108
Горстка героев, прямолинейных и упрямых	115
Ошибки партии	119
Глава IV. ПЕРВЫЙ ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	128
Военный эксперт	—
Дискуссия в Коммунистическом Интернационале	135
Единый фронт	141
Берлин после первой мировой войны	146
Поездка Берлин — Москва	151
Москва в 1922 году	158
IV конгресс Коминтерна	163
Бордига, Маффи и Серрати	168

<i>Глава V. БОЛЬШЕВИСТСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ</i>	176
Итальянские коммунисты и Коминтерн	—
Роль СССР	178
Профессиональный революционер	182
<i>Глава VI. КРИЗИС 1923 ГОДА</i>	191
Партия на полулегальном положении	—
Разногласия с Коминтерном	196
Дискуссия о фашизме	199
Разрыв между Грамши и Бордигон	202
Первый арест	208
<i>Глава VII. КРИЗИС МАТТЕОТТИ</i>	218
Выборы 1924 года	—
Конференция в Комо	224
Авентинский блок	230
V конгресс Интернационала	239
Антипарламент	243
Между двумя ударами	247
Дебаты в партии	250
Пробуждение молодежи	255
<i>Глава VIII. ЛИОНСКИЙ ПОВОРОТ</i>	261
Предсъездовская дискуссия	—
Лионский съезд	268
Примечания	273

Луиджи Лонго
Карло Салинари
МЕЖДУ РЕАКЦИЕЙ
И РЕВОЛЮЦИЕЙ

Воспоминания
и размышления
о первых годах
деятельности
ИКП

Перевод с итальянского

Заведующий редакцией
К. Н. СВАНИДЗЕ

Редактор
Н. В. ПОПОВ

Младший редактор
Н. С. КОБЛЯКОВА

Художественный редактор
Г. Ф. СЕМИРЕЧЕНКО

Технический редактор
Н. П. МЕЖЕРИЦКАЯ

Сдано в набор 29 января 1974 г. Подписано в печать 14 мая 1974 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 16,8. Учетно-изд. л. 17,3. Тираж 60 тыс. экз. Заказ № 3194. Цена в тканевом переплете 97 коп., в бумажном 89 коп.

Политиздат. Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.